

с любовью автор

23.11.01.

Лутин.

11/2 1059 L

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

ЛИСТА НЕЛЬЗЯ БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА ПО ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО СРОКА

Конт. № 11, 1059

Спр. № 11, 1059

**Валентин
ПУТИН**

ТЫ МОЕ МОРОЗОВО

234676

г. Очер
Очерская централизованная
библиотечная система 2001 г.

А6

Ответственный за выпуск: Путина Н. М.
Редактор, корректор: Сосунова Л. В.
Набор, верстка, дизайн: Зотов Ю. М.

г. Верещагино
ООО «Печатник»
2001 г.

Содержание

ПЕВЕЦ СВОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ.	9
ДЕТСТВО	12
МАМЕ	13
КАК МНЕ ХОЧЕТСЯ В ДЕТСТВО ВЕРНУТЬСЯ	13
ТЕТЯ МАРЬЯ	14
ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО МОЕ	15
КОНИ И ИХ СУДЬБЫ	16
МЕРУШКО	17
МОЛОТЬБА	18
МЫ РОДИНЫ НАШЕЙ СОЛДАТЫ	22
МЕНЯ ВОЙНА НЕ ОПАЛИЛА.	23
БРАТЯ	24
ЧЕРЕМУХА	26
СОЛДАТСКАЯ ЛОЖКА	27
ГАРМОНЬ.	28
СМОЛЕНСК	30
БЕЛАЯ РУСЬ	30
Я ИДУ К ТЕБЕ, ХАТЫНЬ	31
ДЕВЯТЫЙ ФОРТ	32
ЛЕНИНГРАД	33
ХАТЫНЬ	33
К ДЕВЯТОМУ МАЯ	34
ФРОНТОВИКИ	35
К. СИМОНОВУ	36
А. Т. ТВАРДОВСКОМУ	36
СОВЕТСКОЙ АРМИИ	37
МОЁ МОРОЗОВО	38
ГДЕ ТЫ?	38
ВОТ И ВЫРОСЛИ НАШИ РЕБЯТА	39
ЕСТЬ УГОЛОК НА ОГРОМНОЙ ПЛАНЕТЕ	39
ПЕРВОМУ ШОФЕРУ ДЕРЕВНИ МОРОЗОВО	40
ЛИТОВСКАЯ ХАТЫНЬ	41
СОЛДАТСКИЕ ВДОВЫ	41
СОЛДАТСКИЕ ФОТО	42
КАК ПРОВОДИЛ ВТОРОГО СЫНА	43
БРАТУ МОЕМУ	44
ГРУЗ "200"	44
ПОДЛОДКА	45
ДЕРЖИТЕ ВЫШЕ ГОЛОВУ	45
МНЕ ЧАСТО СНЯТСЯ.	47
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДЕВЯТОМУ МАЯ	48
МОЙ КРАЙ РОДНОЙ	49
МОРОЗОВО	50
ДЕРЕВЕНЬКА	51
Я В ГОРОДЕ ЖИТЬ НЕ УМЕЮ	52
ДЕРЕВЕНСКИЙ ФУТБОЛ	52
В ПУСТОЙ ДЕРЕВНЕ НОСКОВО	53
УРАЛ	54
ГДЕ Б Я НИ БЫЛ...	54

ЧТО ЖЕ МЫ-ТО ОСТАВИМ?	55
ДЕРЕВНЯ НАША МОРОЗОВО	56
ПАСТЬБА	57
ДЕРЕВНЮ НАШУ ПО ПРЕДАНЫЮ	58
О КОРОВЕ	59
ПЕСНЯ О МОРОЗОВО	60
МОРОЗОВО – 245 ЛЕТ	62
САЛОМАТКА	63
ХОРОШО	63
РУССКАЯ ПЕЧКА	64
ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНК	65
ВЛИВАЯСЬ В УЛИЦЫ ОЧЕРА	65
Я В ДЕРЕВНЕ СВОЕЙ УПРАВЛЯЮЩИМ БЫЛ	66
О МОРОЗОВСКИХ АРТИСТАХ	66
НА ПОГОСТЕ	67
ПАМЯТНИК РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКЕ	68
МОРОЗОВСКОМУ ХОРУ	69
ПРИРОДА, ЛИРИКА	70
ЛЕТО	71
ОСЕНЬ	72
ЗА ГРИБАМИ	73
ВЕСНА	74
ВЕСЕННЕЕ	74
БЕЛЫМ ИНЕЕМ ПОДЕРНУТА	75
ЗИМА	76
РУБЯТ ЕЛОЧКИ	76
МАРТОВСКИЕ ВЕЧЕРА	77
ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ПЕТУХ	77
КУНГУРСКАЯ ПЕЩЕРА	78
ЗИМНЯЯ СТЕПЬ	79
РЕКА ОЗЕРНАЯ	79
СТАРЫЙ ТОПОЛЬ	80
ЗЕМЛЯНИКА	81
ПРОМЕЛЬКНУЛО УРАЛЬСКОЕ ЛЕТО	81
РЫБУ, ЗВЕРЯ, ЧЕЛОВЕКА	82
РАНО УТРОМ	82
НА БОЛЬШОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЕ	83
МЫ ОЖИДАЛИ, ЧТО В АПРЕЛЕ	85
МОЙ КРАЙ РОДНОЙ	85
СИДИТ ВОРОНА	86
ПОЛОВОДЬЕ	87
МАЛИНА	88
ТОРСУНОВСКОЕ ОЗЕРО	89
КОГДА ЧЕРЕМУХА ЦВЕЛА	89
ВЕСНА. АПРЕЛЬ	90
ОГУРЦЫ	91
НА РЫБАЛКЕ	91
МЫ ЖИВЕМ НА УРАЛЕ	93
ТРОПИНКА	94
ПОЛЯ РОССИИ	95
НОЧЬ НА СВЯТКАХ	95

МОИМ ДРУЗЬЯМ	96
ЖЕНЕ	97
О ЛЮБВИ	98
Я ТЕБЕ ПОДАРУЮ ЛЕГКОЙ ДЫМКИ ПЛАТОК	98
ЗАЧЕМ ПРИДУМАНЫ РАЗЛУКИ	99
В ПОЛЕ СОРВУ Я ЦВЕТOK	99
ЖЕНА НАВОДИЛА ПРИЧЕСКУ	100
ИЗ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЛИРИКИ	100
ЖЕНЩИНАМ	101
ПОЖЕЛАНИЕ	102
КОГДА РАННЕЙ ВЕСНОЙ ВИЖУ ТРАКТОР НА ПОЛЕ	103
ЖЕНЕ В ДЕНЬ 62-ЛЕТИЯ	103
АЛЕКСАНДРЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ПУТИНОЙ	104
ВЕЛОСИПЕДУ	105
Я ОТ РОДУ ДЕРЕВЕНСКИЙ ЖИТЕЛЬ	105
ЖАЛЬ, НЕ СТАЛО В ДЕРЕВНЕ ВЕЧЕРОК	106
МЫ ПОВСТРЕЧАЛИСЯ НА ТАНЦАХ	107
ЖЕНЕ НА СЕРЕБРЯНЫЙ ЮБИЛЕЙ	108
ШИПЫ ДА РОЗЫ	108
СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ	108
ОТКОЛОСИЛАСЬ НИВА	110
ПИСАТЬ СТИХИ	111
ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ	112
ПРОСТИ МНЕ, БОГ	113
МЫ ХРИСТИАНЕ	114
ОТ ВИФЛЕЕМА ДО ГОЛГОФЫ	114
ДАВНО ЛИ ЖИТЕЛИ ОЧЕРА	115
ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ	116
ХРИСТОС, ПРОСТИ!	117
ХРИСТОС ВОСКРЕС!	118
ОТЦУ ВАЛЕРИЮ	118
ГРАЖДАНСКАЯ ТЕМА	120
МНЕ ТРУДНО В ЖИЗНИ РАЗОБРАТЬСЯ	121
МОСКВА	121
МОЕ СЧАСТЬЕ	122
УГОЛЬ	122
Я МОЛОД БЫЛ	123
О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ	123
ОТ МЕНЯ ГОРИЗОНТ УБЕГАЕТ	124
ПЕСНЯ О ГЕНЕРАЛОВКЕ	124
ОСТАЛИСЬ ПОЗАДИ КИЛОМЕТРЫ	125
ПУСКАЙ ЗИМА НАС ДОЛГО ДЕРЖИТ	125
О КОМБАЙНАХ	126
ТРАКТОР СХТЗ	127
БЕГУТ ГОДА	129
МЕЧТОЮ ДЕТСКОЮ СВОЕЙ	129
ТЯЖЕЛО МНЕ ПОРОЙ ПРЕДРАССВЕТНОЙ	130
РУССКИЙ ЯЗЫК	131
ПРОЩАЙ, МОЙ "ЗИЛ"	131
САНТА-БАРБАРА	132
КАК МНОГО В РОССИИ ТЕПЕРЬ БЕЗРАБОТНЫХ	133

БЫЛА ПОРА	133
ОКРЕСТЬЯНСТВЕ	134
НАША ЖИЗНЬ, КАК ЗАЖОЖЕННАЯ СПИЧКА	135
НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА	136
ТАК НА РУСИ ДАВНО СЧИТАЛИ	137
ИЗ СИБИРСКОЙ ТЕТРАДИ	138
ИЗ ТЕТРАДИ ПРЕД. СЕЛЬСОВЕТА	139
НА РАСПУТЬЕ	139
К ВЫПУСКНОМУ ВЕЧЕРУ В ОСШ №1	140
КОМУ КАК, А МНЕ МАШИНА... ..	140
О ГИМНЕ	141
НАРКОМАНЫ	142
ЗА ДЕРЕВНЕЙ ГАЗОПРОВОД	142
ОСТАЛИСЬ ПОЗАДИ КИЛОМЕТРЫ	143
ПОСВЯЩЕНИЯ	144
КОЛЛЕКТИВУ ХИРУРГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ	145
КОЛЧАНОВУ АНФАЛУ ИГНАТЬЕВИЧУ	145
КОЛЧАНОВОЙ НАТАЛЬЕ ПЕТРОВНЕ	147
ДЕРЕНДЯЕВОЙ ТАТЬЯНЕ НИКОЛАЕВНЕ	148
ИВАНУ КОЖЕВНИКОВУ	149
ГАЗЕТЕ "ОЧЕРСКИЙ КРАЙ"	149
ПУТИНУ ПОЛИКАРПУ ИВАНОВИЧУ	150
АЗАНОВОЙ ЗИНАИДЕ МАРКЕЛОВНЕ	150
АЛЕКСАНДРУ ГРЕБЕНКИНУ	150
ВЛАДИМИРУ РАДКЕВИЧУ	152
ПЕТРУ ЕФИМОВИЧУ АКИНЦЕВУ	152
ФЕДОРУ ВОСТРИКОВУ	152
ЗАВОЛОКИНЫМ	152
НЕЧАЕВУ МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧУ	153
ВЛАДИМИРУ КОНСТАНТИНОВИЧУ ФЕДОРОВУ	154
ПОЛЯКОВУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ	155
МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ	157
СЛЕД НА ЗЕМЛЕ	249
ЧЕРЕЗ РЕКИ, ГОРЫ И ДОЛИНЫ	256
ПО ПУТЯМ, ДОРОГАМ ФРОНТОВЫМ	268

ПЕВЕЦ СВОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ.

В этом 2001-м году наша уральская деревня Морозово отмечает свой 245-летний юбилей. Немало из жителей деревни вышло талантливых тружеников, которые своим трудом украшают деревню и Родину, отмечены высокими государственными наградами.

Но среди всех морозовцев есть такой гражданин, которого наградила сама Природа-матушка неоценимым даром — поэтическим талантом. Это Валентин Афанасьевич Путин.

У Валентина Афанасьевича зоркий глаз. В каждом человеке он находит какие-либо положительные черты. Во многих его стихах прославляются люди труда из Морозова. И сам Валентин Афанасьевич - достойный труженик: всю свою трудовую жизнь он провел за баранкой автомашины, и, наверно, не один раз обогнул кругосветку земли. Хотя проехал многие тысячи километров по разным дорогам, но машин "изъездил" немного, потому что к машинам у него очень бережное отношение, как к своему лучшему другу.

Побывав во многих городах и селах нашей Родины, все примечал и откладывал в свою память, поэтому стихи, написанные Валентином Афанасьевичем, отличаются той простой поэтической глубиной, к которой и добавить нечего. Валентин Афанасьевич кроме стихов написал и несколько песен. Одну из них посвятил родной деревне. Эту песню нередко очень красиво исполняет хор Морозовского дома культуры к большому удовольствию односельчан.

Валентин Афанасьевич и хороший семьянин. Со своей женой, Александрой Васильевной, вырастили троих сыновей, которые пошли дорогой отца — все стали механизаторами. Супруги Путины примерно ведут и свое домашнее хозяйство. Растут овощи в огороде и всякая живность во дворе. Все необходимое для жизни обретают трудом своим. О Валентине Афанасьевиче можно сказать и словами Владимира Маяковского: "...Стихи попишет и землю попашет".

Валентин Афанасьевич, как Алексей Кольцов или Сергей Есенин - крестьянский сын и патриот своей малой Родины, а через нее и всей России. Как родник в начале деревни Морозово, у которого и живет Валентин Афанасьевич, рождает речку Озерную, убегающую в дальний путь, так и народный родник родил такого замечательного певца малой Родины.

Доброго здоровья тебе, Валентин Афанасьевич, на многие годы и новых стихов и песен в твой поэтический багажник.

А.Поляков

*Все свои стихотворения
Теперь собрал в единый том,
И отдаю их для прочтения,
Кто мне знаком и незнаком.*

*В них, если строго разбираться,
Стихи не очень хороши,
И, я в одном хочу признаться:
Писал для собственной души.*

*Мои бесхитростны герои,
Без мудрой мысли на челе,
И с Вами, в радости и горе
Я век свой прожил на земле.*

*За то судьбу не проклиная,
За неудачи не корю,
Любви и счастья всем желаю,
И свою книгу Вам дарю.*

Валентин Путин

ДЕТСТВО

MAME

Мама, мама! Это вечно
Будет звучать на устах
И если же мать умирает -
Память о ней остается в сердцах.
Нет! Праздную жизнью ты, мать, не
живала.
Всю жизнь ты кипела в труде.
Холод и голод - ты все повидала,
Но не сгибалась в беде.
Когда были войны, и ты воевала,
На фронт посылала своих сыновей.
Сама на Урале ты хлеб собирала
С широких колхозных полей.
Когда же почувствовал: сердце устало,
И время настало, чтоб умереть,
Так смерть встретить гордо
С великим достоинством -
Это, друзья, тоже нужно суметь.
Ты просто, родная, спокойно заснула,
И что тебе снилось во сне -
Об этом никто никогда не узнает,
Об этом не скажешь ты мне.
Быть может, приснилось счастливое
детство,
Катит на ярмарку дочку отец.
А, может, приснилось, как вы с моим
папкою
Оба счастливые шли под венец.
Так, спи же, родная, спокойно и вечно,
И пухом пусть будет русская земля.
Дети родные пока будут живы -
Нет! Не забудут тебя!

1964 г.

КАК МНЕ ХОЧЕТСЯ В ДЕТСТВО ВЕРНУТЬСЯ

Как мне хочется в детство вернуться.
Где найти эликсир этот, где?
Материнской ладони б коснуться
Иль к отцовской прильнуть бороде.
Я бы мог прошагать и полмира,

В небесах шар земной обогнуть.
Только нету того эликсира,
Чтобы мог он мне детство вернуть.
Но оно никогда не вернется,
Пусть не легкое было житье.
Ну, так пусть же в стихах остается
Деревенское детство мое.

ТЕТЯ МАРЬЯ

Мы все из детства вышли в мир,
Какими б мы не были,
Но свои детские года
Никто не позабыли.
Воспоминанья детских лет
И ныне не погасли,
Когда с бутылкой молока
Шли к тете Марье в ясли.
Отправив мужа на войну,
Была она солдаткой;
Для довоенной малышни,
Была она вожаткой.
За сердце доброе свое

Назначил председатель,
Была она в своих яслях
И Зав., и воспитатель.
Сопливым сопли подотрет,
Штаны засранцу постирнет,
Шаловливого стонет
И колыбельную споет.
Давно той тети Марьи нет,
Мы сами поседали,
Воспоминанья детских лет
Вот к сердцу прикипели.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО МОЕ

Лошадей моя мама кормила -
Труд нелегкий на конном дворе.
И меня на работу водила,
Показать сельский труд детворе.
У бригады был штаб - конюховка,
А была это чья-то изба.
Кто хозяин был этой избушки,
Не известна его мне судьба.
А сегодня здесь сняты иконы
И с божницы убраны кресты.
Вместо шуб и тулупов на стенах
Здесь рядами висят хомуты.
В этом штабе идет разнарядка,
Здесь для всех бригадир - командир,
Он следит за колхозным порядком
И в работе ведет "орентир"
А работы-работушки - море:
То посев, то косьба, молотьба.
И трудились на фермах и в поле,
Уж такая в крестьянстве судьба.
Мужики, завернув "козью ножку",
О "Расее" ведут разговор.
Сизый дым, что не видно окошко
В том дыму, хоть повешай топор.
Ну а бабы, отстряпавшись дома,
Когда коней запрягать придут,
Табакуров с избушки прогонят,
Мужики на работу уйдут.

Проводив лошадей на работу,
Здесь труд конюха виден для всех,
Окружи лошадей всех заботой -
Лишь тогда от них будет успех.

КОНИ И ИХ СУДЬБЫ

Те крестьяне, что отдали
Лошадей своих в колхоз,
За порядком наблюдали
И могли устроить спрос.

Потому у старых коней,
Что в конюшнях здесь стоят,
Кроме клички своей конской
Вроде отчества хранят.

Здесь Иванова Сивуха,
Тут Степанов Воронко,
Там Захарова Карюха,
Вот Афонино Гнедко.

А вот кони молодые -
У них отчества уж нет.
Здесь и клички уж другие:
Самолет, Буян, Рассвет.

Ну а вот кобылка Муха,
В серых яблоках она,
По своим путям-дорогам
Увела ее война.

И никто из нас не знает,
По каким дорогам шла
На войне на той суровой,
Где свой конский воз везла.

Толи пушку ты тащила,
Толь снаряды ты везла,
Кавалериста ль в бой носила
Иль в разведке ты была.

Толь от вражьей пули пала,
Толь снарядом сражена,
Толь сквозь бури прошагала,
Но сохранила жизнь война.

Помню, в год послевоенный
Шел табун коней военных.
И при виде тех коней
Слезы лились у людей.

Тех коней гнали солдаты
Мимо нашего села.
Только Муха с табуном тем
К нам с войны той не пришла.

МЕРУШКО

Кони, что в тылу остались,
Нелегко им здесь досталось:
Лошадь сеет, лошадь пашет,
Лошадь косит, лошадь жнет,
Лошадь в хлебозаготовки
На телеге воз везет.
Лошадь - в праздник,
Лошадь - в будни,
Лошадь - воин и спортсмен.
Потому-то лошадь в бронзе
И взошла на постамент.
Кони сильные в запряге
С утра до ночи в полях.
На дворе лишь старый мерин
На хозяйственных делах.
Едем в поле за травой,
Едем с бочкой за водой,
Я на Мерушке на сивом
Еду всадник верховой.
Навозив траву и воду,
Мама лошадь распряжет,
И тогда он на свободе
На реку попить идет.
Я с телеги приспособлюсь,
Вцеплюсь в Мерушкин хребет,

И тогда кавалериста
Будто Мерушко несет.
Вместо вицы в руках шашка,
Я в бою, "Ура!" кричу.
Мерин, слушая, запнулся,
И я кубарем лечу.
Я по гриве прокатился,
Соскользнул по голове,
Лихой всадник очутился
Перед лошадьёю в траве.
Мерин только улыбался,
Вперед шагу не шагнет,
Пока по гриве не забрался
Я на Мерушкин хребет.
Видно Мерушко когда-то
На крестьянском жил дворе
И любовь хранил он свято
Ко крестьянской детворе.
Никого он не укусит,
Никого он не лягнет,
Лишь порою с кем пошутит -
Возьмет, за ухо лизнет.
И я вырос, с ним расстался,
Я стальных водил коней,
Ну а Мерушко остался
В светлой памяти моей!

МОЛОТЬБА

Окончательно итоги
Чтоб в колхозе подводить,
У гумна четыре клади
Надобно обмолотить.
Клади те соленным потом
Умыли бабы, мужики,
Были дети здесь в работе -
Собирали колоски.
И теперь у этих кладей
Собрались и млад, и стар -
До снегов глубоких надо
Сложить хлебушко в амбар.
И "Очерку"-молотилку

Направляют мужики,
Конный привод укрепляют,
Крепят вагу и вальки.
Все собрали, обкатали.
С Богом! Можно начинать.
Вся бригада здесь при деле,
Каждый место должен знать.
Кто-то клады раскрывает,
На гумно снопы везет,
Осторожно поднимает,
Зря не бросит, не тряхнет.
Расторопная Матрена
Берет в руки сноп ядреный,
Перережет серпом вяз,
Машинисту передаст.
Машинист, перекрестившись,
Первый сноп на стол кладет
И зубастой молотилке
Ровной лентой подает.
Молотилка чтоб гудела
И машину чтоб не рвать,
Коногон должен умело
Лошадей по кругу гнать.
А за вагою ребятишки,
Так ведется испокон,
После школы, бросив книжки,
Каждый будет коногон.
Дождь ли, снег ли, круг за кругом,
Мерзнут сопли на ветру,
И, сменяя здесь друг друга,
Греться бегают к костру.
А еще можно согреться
И без жаркого огня -
На соломе побороться
Очень любит детвора.
За молотилкой растет ворох,
Его к веялке гребут,
А солому на носилках
Бабы за овин несут.
Там солому в стог умечут,
И когда придет зима,

Коням, овцам и коровам
Вся на корм уйдет она.
На работе все вспотели,
От людей и коней пар.
Отдохнуть все вместе сели
На минутный перекур.
Хоть все в копоти едучей,
Но коль в деле есть успех -
Кто смешной расскажет случай,
Пробежит волною смех.
Машинист, кривой Афоня,
Сверху ворох огребет,
Лошадям в своем запоне
Угощение несет.
Угощенью кони рады,
В благодарность тихо ржут.
Отдохнувши, кони, люди -
Вновь берутся все за труд.
Бригадир трудом доволен,
В ведро пшеницы нагребет,
Водой чистою промоет,
В конюховку унесет.
Молока да щепоть соли -
На пшеничной новине
Кашу в печь варить поставит
Он в ведерном чугуने.
Вот окончена работа,
Коней в стойло увели,
И отряхивая копоть,
В конюховку все пришли.
Все расселись по лавкам,
Хлебный запах в ноздри бьет,
"Мышь летучая" с божницы
Вместо свечки свет дает.
Бригадир, всем поклонившись,
Всех ребят за стол зовет
И чугунок с душистой кашей
Тут из печки достает.
У стола все примостились
Кто сидит, а кто стоит,
Ложками вооружились -

Жалоб нет на аппетит.
Перву чашку опорожнив,
Здесь вторую накладут.
Если двух вам будет мало,
Так и третью подадут.
Ах ты, каша, чудо-каша,
С полевым душком всегда.
И казалось пищи слаще
Не бывает никогда.
И хоть стыдно признаваться,
Но теперь прошли года,
Из-за этой вкусной каши
И спешили мы сюда.
Пережил кто, тем знакомо,
Помнят тяжкие года,
Что был хлеб в крестьянском доме
Не везде и не всегда.
И насытившись, гурьбою
В темноте шли по домам.
Все довольны молотью,
Шли к теплу отцов и мам.
Завтра в школу на учебу:
Умножать, делить, склонять.
Я таблицу умножения
Не могу никак понять.
Обмолочены все клады,
Надо отдых дать коню,
Мне всерьез учиться надо,
Не беда, я догоню.
А зерно с гумна до снега
Старичок, хромой Захар,
Мерзлой брякая телегой,
Увезет мешки в амбар.
И тогда в октябрьский праздник,
Когда празднует страна,
В песне, пляске засмеется
Балалайкина струна.
Так и детство пролетело,
И назад уж не вернуть.
А что к сердцу прикипело,
То не грех и вспомнить.

МЫ РОДИНЫ НАШЕЙ СОЛДАТЫ

Слева направо: КОЗЛОВ Павел Андреевич, ПОЛЯКОВ Александр Николаевич,
КОЛЧАНОВА Наталья Петровна, ПУТИН Леонид Иванович,
КОЛЧАНОВ Анфал Игнатьевич.

МЕНЯ ВОЙНА НЕ ОПАЛИЛА...

Меня война не опалила
И стороной не обошла,
Для фронта лет мне мало было,
Но память детскую прожгла.
Да, моя память не забыла
Те слезы матери моей,
Как похоронки получила
На двух погибших сыновей.
Все испытать пришлось маме:
В сорокаградусный мороз,
Скрипя промерзшими лаптями,
Шла на работу в свой колхоз.
И там, в колхозе, на работе,
Среди таких же матерей
Делили горе с голодухой
Да ждали светлых, мирных дней.
Отец с гражданской был калека:
В ногу осколок, выбит глаз,
Но человечней человека
На свете не было для нас.
Мой старший брат в тридцать девятом
На Халхин-Голе был бойцом,
И чтоб приблизить сорок пятый,
Был на заводе кузнецом.
Да две сестры, еще девчонки,
Им в школу дальше бы ходить,
Но неокрепшие силенки
Пришлось к работе приложить.
Хотя и не было сноровки -
С конем на поле боронить,
Зимой - на лесозаготовки,
В снегах уральских лес рубить.
А я, любовью их согретый,
С холщовой сумкой за спиной,
Кой-как обутый и одетый,
Шел в класс знакомиться с войной.
И нам учительница в школе
Про смертный бой рассказ вела,
Сама, смахнув слезу украдкой,
От мужа весточки ждала.

Ждала и веру в нас вселила:
"Верьте, дети, час придет,
Отцы и братья, наша сила,
Фашизму голову свернет".
Теперь уже отцы и деды
Те одноклассники мои,
Но первый этот День Победы
Навеки в сердце сберегли.
Он дорог нам, кто в детстве видел,
Чем заплатила наша Русь,
И я живым и обелискам
За этот подвиг поклонюсь!

БРАТЬЯ

Из Книги Памяти:
Путин Александр Афанасьевич,
пропал без вести 25 августа 1941 г.

Нас в семье четыре было брата,
И самый младший из них я
Старшему сейчас уж за полсотни
И тридцать пять лишь у меня.
Но сейчас нас осталось лишь двое,
Мы поддерживаем братскую связь.
Двое средних из братьев погибли,

Защищая Советскую власть.
Братья мои! Я вас даже не помню,
Был малышом я в те грозные дни,
Когда вы, родные края покидая,
За Родину драться в солдаты ушли.
Ушли в мировое сражение,
Как тысячи наших людей,
Чтоб мстить за народное горе,
За слезы и страх матерей.
Вы в письмах писали домой,

Из Книги Памяти:
Путин Николай Афанасьевич,
погиб в бою 12 янв. 1945 г.

Те письма сохранны и ныне,
Что мы победим, и враг будет разбит
В своей же столице Берлине.
И все это - правда, все это сбылось.
Одолели врага, победили.
Только встретиться нам не пришлось -
Братьев моих убили.
И сколько у матери пролито слёз,
Когда, получив извещение,
Что сын Александр, а затем Николай
Погибли на поле сраженья.

Мать и под старость, старушка седая,
Портрет их со стены возьмет,
С нежной лаской к груди прижимая,
Сыновей возвратиться зовет.
Но они не вернулись, уж коли погибли,
Умерла, не дождавшись их, мать.
Наше дело - оставшись живыми
Жизнь и мир на земле утверждать.

1960 г.

ЧЕРЕМУХА

Под окном моим черемуха
Вот уж много, много лет,
По весне, одевшись белой ватой,
Отцветая, роняет белый цвет.
Ее мой брат в тридцать девятом,
Как на службу уходил,
Лишь росточком кудреватым
О себе на память посадил.
Он сажал ее и приговаривал:
"Ты расти, черемуха, стройна,
Отслужу, и ветер чтоб раскачивал
Крону против нашего окна".
Ждали осень сорок первого,
Отслужив срок, брат придет,
Но в июне, пасть кровавая
Планы все перевернет.
С первых дней в сраженьях жаркие
Брат-солдат на фронт уйдет
За край родной и за черемуху,
Что под окном его цветет.
С фронта кратки письма были:
"Испытал огонь и дым,
Подо мной коня убило,
Но я остался невредим".
А затем к нам извещение
Прилетело на Урал,
Что мой брат в боях-сражениях
Под Ржевом без вести пропал.
Долго жили ожиданием,
Веря в то, может, придет,

И в тени своей черемухи
Летний вечер проведет.
И росла, ждала черемуха
От солдата письма, весточки,
От ожидания и времени
Стали сохнуть ее веточки.
Не до окна, а выше крыши
Стоит спорница ветров,
Но его голоса не слышит
И не слышать его шагов.
И, как видно, не дожидаться
Того, кто жизнь ей подарил,
Уйдя за Родину сражаться,
Родных дверей не отворил.

СОЛДАТСКАЯ ЛОЖКА

В том суровом году, сорок первом,
Когда запад пожаром дымил
Внука дед на войну провожая,
Свою ложку ему подарил:
"Сам я, внучек, по белому свету
По дорогам войны колесил,
Но хохломскую ложечку эту
Со всех войн я домой приносил.
Побывала она на германской,
Там лупили мы с ней пруссака.
А затем и в период гражданской
Гнали мы за Урал Колчака.
И тебе я, мой внучек, желаю,
Чтоб фашизм в пух и прах разнести,
Самому чтоб живым и здоровым
Эту ложку домой принести".
И пошла эта ложка с солдатом,
Побывала в различных краях:
В Сталинграде, в Крыму, на Карпатах
Не бросала солдата в боях.
И не раз приходилось ложке
В медсанбатных каптерках грустить,
Чтоб солдату, хотя бы немножко,
Свои раны от пуль залечить.
А солдат, как окрепнет немножко,

Медсанбату помашет рукой,
Брал мешок с деревянного ложки
И опять уходил с нею в бой.
Не расскажешь все стежки-дорожки,
Где пришлось в котелке ей стучать,
Но скажу: посчастливилось ложке
День Победы в Берлине встречать.
Отгремели салюты Победы,
Чтоб о мире весь мир известить,
И поехал солдат тогда к деду,
Чтобы ложку ему возвратить.
Хоть прошла эта ложка сквозь годы,
Побывала она тут и там,
Но лежит эта ложка в комоде
Как солдатской души талисман.
А годы, а годы, как птицы, летят
И многое в жизни меняют
И бывшего воина трое ребят
Папкой теперь называют.
Когда его первый птенец
Крылья к полету расправит,
То, несомненно, в дорогу отец
Старую ложку подарит.
Но только не хочет бывалый солдат,
Чтоб дети ушли с ней в сражение.
На мирные стройки для блага людей
И в ВУЗы, чтоб шли на учење.
Не только чтоб дети и внуки его
Не знали кровавых сражений,
Он за мир на земле и за счастье детей,
Как нам завещал это Ленин!

1960 г.

ГАРМОНЬ.

(Вишневкой М.И.)

Была в одной семье гармонь,
Веселая, певучая,
Играл на ней отец и сын
По праздничному случаю.
Гармонь та пела про любовь
И про края родимые.

Отец любил играть кадрили,
Сын про свою любимую.
Но вот настал суровый час,
Войны взметнулось зарево.
Ушли на фронт отец и сын,
Гармонь свою оставили.
Хозяйка "хромку"-сироту
С тревогой пешки гладила
И в лучший в хате уголок
С тяжелым вздохом ставила.
Жила с надеждой, что придут
Герои-победители
И вновь гармонь свою возьмут,
Чтобы развеселить ее.
Но до победы на войне
Не все солдаты дожили,
И вышло так: отец и сын
В сражение жизни сложили.
Мы, сопляки военных лет,
К хозяйке приходили
И на гармошке поиграть
Всегда у ней просили.
Хозяйка в горницу вела
Нас рядышком садила
И, сдув с мехов гармони пыль,
Её нам подносила.
И мы, дыханье затая,
Гармошку в руки брали
И, враз нажав на все лады,
С усердьем растягали.
Казалась музыка нам та
Пленительно-чудесной,
И от приподнятости чувств
Дыханью было тесно.
Хозяйка слушала наш скрип,
Передник в руки брала,
Едва сдержав душевный крик,
Слезинки вытирала.
Казалось ей, что то не мы
Скрипим тут надоедно,
А будто муж иль сын пришли,

Играют марш победный.
Мы, поиграв, все шли домой
Веселою ватагой,
Один парнишка объяснял,
Что он играл "Варяга",
Другой парнишка говорил,
Что он играл "Катюшу" -
Никто из нас не понимал,
Как бередили душу
Хозяйки той, уж пожилой,
Чьи муж и сын ушли на бой
И не вернулись домой.
Живет она в моем селе,
Белы ее косицы,
И я спешу при встрече с ней
Ей первым поклониться.

СМОЛЕНСК

На берегах днепровской кручи,
Лаская красотой своею взгляд,
Как щит Руси всяя, могучий
Стоит Смоленск - старинный град.

Друзей и врагов встречает
Старинной каменной стеной.
Собор Успенский покоряет
Всех златоглавой красотой.

И сколько б не было нашествий,
Здесь дух российский не сломить,
Да будь, Смоленск, еще прелестней,
Ты сделал все, чтоб только жить.

БЕЛАЯ РУСЬ

Сколько же вас, пострадавших
Сел, деревень, городов,
Горесть разлуки познавших
От иноземных врагов.

Что ни деревня ли город
Встанут теперь предо мной -

Всюду разруха и голод
Сюда заглянули с войной.

Сколько же вас перебито,
Милых советских людей,
Сколько же кровью облиты
Полесских болот и полей.

Крепки, от роду не трусы,
Могут отпор дать врагам,
Братья мои белорусы,
Я преклоняюсь вам.

От Гитлера шли в партизаны,
Били фашистов везде,
После войны свои раны
Вы залечили в труде.

Снова ты садом цветущим
К солнцу и миру идешь,
Но поколениям грядущим
В жизни уроки даешь:

Будьте же бдительны, люди,
Будьте всегда начеку!
Что было, того пусть не будет
На человеческом веку.

Живущим в Москве иль в Берлине,
В любой пусть земной стороне
Пусть слышится звон из Хатыни
Проклятьем проклятой войне!

Я ИДУ К ТЕБЕ, ХАТЫНЬ

Я иду к тебе, Хатынь,
А навстречу мне мужчина
С обнаженной головой
На руках выносит сына.
Я хочу его спросить:
- Что случилось, папаша?
Но, увидев его взгляд,

Как тяжела его ноша,
И не может он сказать,
Не раздвинуть ему губы.
Я взглянул, деревни нет,
А одни лишь трубы, трубы.
*Что случилось, родной,
Где твои селяне?
Все под крышею одной
Испеклись углями!
Кто мог вам причинить
В жизни столь страданий?
Лишь фашизм мог проявить
Зверство над людьми.

ДЕВЯТЫЙ ФОРТ

Есть на земле литовской
Людьми и Богом проклятый,
Фашистская кузница смерти.
Чудовишный форт - девятый.
Холодные толстые стены,
Решетка, колючка и смрад,
Проклятья, рыдания и стоны,
И нету дороги назад.
И тысячи непокоренных
Безвинных советских людей
Прошли в этот форт прокляненный
Последней дорогой своей.
На смерть идя с верой в победу -
От расплаты фашист не уйдет,
И группа героев к побегу
Секретно работу ведет.
Железную дверь пропилили,
Сумели и трапы связать,
Одеялом колючку накрыли
И все же смогли убежать.
По ним пулеметы строчили,
Пытаясь всех в землю вогнать,
По трупам друзей уходили,
Чтоб миру всему рассказать
О том, как в фашистских застенках
Фашистские изверги века

Пытались в народе убить
Морально убить человека.

ЛЕНИНГРАД

Как каменный цветок цветущий,
Великое творение Петра,
От пушкинской строки поющий
И ленинской мечтой живущий
Немеркнувшей звездой российской –
Таким мы видим Ленинград.
Здесь, сырость Балтики раздвинув
От хмурых невских берегов,
Ты гордый взгляд на запад кинул,
Пугая и маня врагов.
Сапог фашистский к тебе рвался,
Чтоб растоптать красу твою.
Но медный всадник не сдавался,
Топча проклятую змею.
И будем вечно восхищаться
Железной стойкости людей,
Кто и в блокаде жил, сражался
Девятьсот ночей и дней.

ХАТЫНЬ

Хатынь, Хатынь. От слова "хата"
Деревня названа была,
Качались в люльках там ребята,
И песня звонкая жила.
Дымились в той деревне трубы,
А возле хат сады цвели.
Но вот ворвались душегубы,
Хатынь с лица земли снесли.
Весенней мартовской порой
Весна и солнце к жизни звали,
Фашисты жителей села
В сарай колхозный всех согнали.
Всех от мала до велика:
Стариков, детей и жен.
Рукой фашиста в злобе дикой
Сарай с народом был сожжен.

Кто от огня спастись пытался -
Тех поливал свинцовый град,
Рукой фашистов возвращался
Опять в сарай, в горящий ад.
Когда все жители углями
В одном сарае испеклись,
И двадцать шесть изб факелами
Сгорят, лишь трубы остались.
Ушли в былые дни сражений,
Опять в округе жизнь цветет,
Но никогда уже в Хатыни
Петух утрами не поет.
Из труб печных здесь дым не вьется.
Пастух не выгонит коров,
А из Хатыни к миру льется
Скорбящий звон колоколов
О тех, которым не подняться.
Хатынь, сгоревшая в огне,
Ты будешь вечно нам казаться
Кровавой раной на земле.

К ДЕВЯТОМУ МАЯ

Годы удаляют те события
За годом год, как за волной волна,
Но не уйдет из памяти в небытие
Хоть и давно прошедшая война.

Выросли другие поколения,
Есть попытки переоценить,
Но не должны мы предать забвению
Память о погибших — сохранить.

И потому в уральской деревушке
В честь погибших памятник стоит,
В ту войну здесь не стреляли пушки,
Но боль войны здесь каждый дом хранит.

И потому приходят ветераны,
И потому идут ученики
Почтить минутой скорбного молчания

И к обелиску возложить венки.

Они нужны и павшим, и живущим,
Чтоб сохранить живую нить,
И связь времен из прошлого с грядущим
Нужна нам всем, чтоб Родину любить.

**Слева направо: ПУТИН Л.И., КОЗЛОВ П.А., ПУТИН В.А., КОЛЧАНОВ А.И.,
НЫРОБЦЕВ Н.А., ПОЛЯКОВ А.Н.**

ФРОНТОВИКИ

Лишь раз в году у обелиска
Все вместе, в блеске орденов,
Их с каждым годом меньше в списках,
Живых стоит фронтовиков.

Стоят они в молчанье строгом
С солдатской выправкой груди
И рассказать могут о многом,
Как нам Отчизну сберегли.

Им и под старость еще снятся
Давно прошедшие бои,
И перед павшими склоняют
Седые головы свои.

И вы, грядущим поколениям
Мир отстоявшие в войне,
Для нас история живая,
Сегодня дороги вдвойне.

К. СИМОНОВУ

В дни суровых испытаний,
Когда насмерть билась Русь,
Написал поэт любимой:
Жди меня, и я вернусь.

Те стихи не устарели,
А в сердцах людей живут,
Чтобы наши души грели
Верой в то, что где-то ждут.

Верю я, что ожиданьем
Всем ушедшим за порог
Мы поможем возвратиться
На родимый огонек.

И пред дальнею дорогой
Я к груди любви прижмусь -
Через годы, расстояния
Жди меня, и я вернусь.

А.Т. ТВАРДОВСКОМУ

Хоть я солдат послевоенный,
Служил уже после войны,
Но вам скажу я откровенно -
Нам тоже Теркины нужны.

Без них в пехоте и на флоте,
И в эскадрильи, и в полку,
Как для курящего тоскливо,

Когда кисет без табаку.

Да что война, где каждый Теркин
И грудью встанет за страну,
Я увидел, когда в Сибирь он
Пахать приехал целину.

И в наши дни трудно представить,
Какая б скука была там,
Коль если б Теркин затерялся
И не приехал строить БАМ.

И ваш герой - в душе народа,
Он со страной своей живет.
Василий Теркин через годы
Уйдет в космический полет!

СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Ты Родиной нашей любима,
Ты гордость народа и щит,
Та армия непобедима,
Что на страже Отчизны стоит.

Мы целью своею не ставим:
Разбить, растоптать, захватить,
Но, если Отчизну кто тронет,
Тот дорого будет платить.

И славный свой путь от тачанки
До танков и грозных ракет -
Он пройден солдатской душою,
Солдату всегда двадцать лет,

И кто опален был в сраженье,
Кто в мирные дни был в строю,
Всегда вспоминают с любовью
Армейскую службу свою.

Мы Родины нашей солдаты,
Мы солнца и мира хотим
И чтоб не дымились закаты -

Храните свой порох сухим!

МОЁ МОРОЗОВО

У истоков речушки Озерной,
На старинной уральской земле,
Приютилась моя деревенька,
Дорогая и близкая мне.

В деревеньке живут хлебопашцы,
Трудовой и веселый народ.
Он по-уральски умеет трудиться,
По-уральски он песни поет.

Были годы, когда деревенька
Провожала на фронт сыновей,
А сама с ленинградской блокады
Принимала голодных детей.

На великих просторах Европы
Обелиски в честь павших стоят,
Славят те обелиски за доблесть,
И морозовских наших солдат.

Они пали в боях за Отчизну,
Не вернулись с кровавых полей,
Чтоб мы жили счастливо и мирно
В деревеньке уральской своей.

В мире много селений прекрасных,
Городов с ожерельем огней,
Но мы любим Морозово наше,
Часть великой России моей.

ГДЕ ТЫ?

Путину В. П.

Где-то в соленых просторах
На боевом корабле
Служит матрос из Очера
В спаянной флотской семье.
Где-то ты в Северном море
Службу морскую несешь.

Знаю, ты сердцем в Очере
Встречи с любимую ждешь.
Фотки твои мы целуем,
Только ты редко их шлешь,
Где-то ты в море штормуешь,
В море по курсу идешь.
Скоро ль простишься с волнами,
Будешь в родимом краю
И на хранение маме
Сдашь бескозырку свою?
Где же ты, где же ты, где ты?
Где ты, кровинка моя?
Морю дарю я приветы,
А море качает тебя!

ВОТ И ВЫРОСЛИ НАШИ РЕБЯТА

Вот и выросли наши ребята,
Очень быстро уж годы идут,
И повестки из военкомата
Их в дорогу теперь позовут.
У них будут дороги, тревоги,
Будет много бессонных ночей,
Но пройти это все нужно с честью
В ратной службе, там нет мелочей.
Где б ты ни был на воинской службе,
Каждый шаг будет твой на виду,
Будь способен в любую минуту
Отодвинуть любую беду.
Находясь вдалеке, не забудьте
Деревеньки уральской своей,
Отслужив, возвращайтесь с солнцем,
Здесь вас ждут, дорогих сыновей.

ЕСТЬ УГОЛОК НА ОГРОМНОЙ ПЛАНЕТЕ

Есть уголок на огромной планете -
Ночью над речкой четыре огня -
Это отсюда для воинской службы
Мы проводили, сыночек, тебя.
Где б ни пришлось на воинской службе
В форме солдата по свету шагать,

Знай, что в родимом дому ожидает
Писем твоих поседевшая мать.
Верим мы в то, что у дальней дороги
Будет, сыночек, счастливый конец,
С первой минуты и до возвращения
Ждать тебя будет родной твой отец.
Честно закончив солдатскую службу,
К мирным делам возвратишься ты вновь,
Ждет тебя с маленькой дочкой Иринкой.
Ждет тебя верно жена и любовь.
Так пожелаем же службы счастливой,
Службы твоей, чтоб гордиться могли,
Чтоб не посмела нечистая сила
Нарушить покой нашей русской земли.

ПЕРВОМУ ШОФЕРУ ДЕРЕВНИ МОРОЗОВО

Путину Леониду Ивановичу

Он сел за баранку парнишкой безусым,
Война их на фронт позвала,
И юность его с легендарной "Катюшей"
В солдатской шинели прошла.

Закончил войну он, пройдя пол-Европы,
"Катюшу" поставили на пьедестал,
А сам возвратился в свою деревеньку
И первым шофером в ней стал.

И сколь километров проселков щербатых
Изъезжено, он не считал.
Менялись машины, выросли ребята,
А он все руля не бросал.

Давно уже дед, но душа не остыла
К шоферской работе своей
И мы пожелаем, чтоб солнце светило
Всегда над машиной твоей.

ЛИТОВСКАЯ ХАТЫНЬ

У литовского народа в жизни есть своя
Хатынь -
Перчупай - и через годы заставляет
сердце стыть.
И когда я в Перчупае посетил мемориал,
Семилетнюю Эяну в списках павших
повстречал.
Ах ты, милая Эяна! Это что же за зверье
В то лихое бросил пламя детство светлое
твое.
Пред тобой не виноват я, ну и вроде бы
в долгу.
Я вот вырос, но сегодня тебя встретить
не могу.
Да, я вырос, радость жизни в полной
мере испытал,
Был влюблен, познал отцовство, теперь
дедушкой стал.
И тебе бы быть любимой, сын за шейку
б обнимал,
А теперь, быть может, внучек тебя
бабушкой б звал.
И мы, сверстники Эяны,
Грозно скажем: нет войне,
Чтобы больше не горели
Семилетние в огне.

СОЛДАТСКИЕ ВДОВЫ

В деревенской избе, на передней стене
Их немало в селениях наших.
С довоенных тех лет висит этот портрет,
Полотенцем расшитым украшен.
То хозяин избы с фото в избу глядит -
Взгляд веселый и усы подковкой,
Словно хочет жену обласкать,
подбодрить
И погладить детей по головкам.
В сорок первом на фронт он ушел
рядовым,
Был приставлен к коням. Был и там
ездовым.

Чтоб не пала Москва, за детей и жену
В самом первом бою отдал жизнь он
свою,
А в деревенской избе, все не веря судьбе,
С малолетней оравой крестьянка,
Вся в работе была, с фронта мужа ждала
И не верила той похоронке.
Годы, годы прошли. Кто живые пришли,
Кто за жизнь заплатил головою.
Ихним женам пришлось горько слезы
угреть
И назваться солдатской вдовою.
И с седой головой, неутешной слезой
Каждый год к обелиску приходит,
Среди фронтовиков, мужевьевых
дружков
Своего там никак не находит.
И представить не может своего седым,
Тыщу лет пусть вращаться планете -
Для нее навсегда будет он молодым,
Каким смотрит он в избу с портрета.
Много есть орденов у отважных бойцов,
Кто с врагами героически сражался,
Жаль, что нет орденов для солдатских тех
вдов,
Кто навеки им верен остался.

СОЛДАТСКИЕ ФОТО

Мне в солдатском письме
Сын послал фотографию,
Где с друзьями по призыву
В новой форме стоят.
И невольно я вспомнил свою
биографию,
И слезою непрошеной затуманился
взгляд.
Взял семейный альбом, где на фото
любительском
Я такой ж молодой был в солдатском
строю,
И на сына глядя я с любовью

родительской,
Теперь в сыне своем я себя узнаю.
Сколько их, дорогих, этих фото
солдатских
Разнесут по стране почтальоны домой,
И на вас, дорогих, будут с нежною
ласкою
Ваши мамы смотреть, утираясь слезой.

КАК ПРОВОДИЛ ВТОРОГО СЫНА...

Как проводил второго сына
Служить в советские войска,
То самого неодолимо
Взяла отцовская тоска.
И в отпуск, бросив все заботы
И все домашние дела,
На крыльях аэрофлота
Тоска и к сыну привела.
И вот ворота Н-ской части,
Где есть порядок уставной,
В глазах слеза, а в сердце счастье,
Что где-то рядом сын родной.
Прошу дежурного по части,
Чтоб мне сыночка увидеть.
Он отвечает: "Вам, папаша,
Пока придется подождать.
Ваш сын сегодня на ученьях".
Идет в полях учебный бой,
Познать науку побежденья
В ученье должен воин мой.
Но вот окончено ученье,
Я долго буду вспоминать,
Как мне пришлось с большим
волнением
Солдата сына обнимать.
Мой сын подтянут, загорелый,
И на плечах от пота соль,
Не легкое, как видно, дело,
Вести хотя б учебный бой.
Да, видимо, ребята,
Не зря солдатский хлеб едят,

И верю я, коль что случится,
Такие парни победят.
А младший сын одел пилотку,
Она ему тоже к лицу,
И видно долго жить в тревоге,
Мне, как солдатскому отцу.

1981 г.

БРАТУ МОЕМУ

Среди тысяч могил отыщу я одну,
Пусть убранством она не богата,
А найду, поклонюсь, Богу я помолюсь
Над могилою старшего брата.
Старшим был среди нас
Ты в крестьянской семье,
Был ты пахарь, кузнец, был ты воин,
И за это за все, что творил на земле,
Средь нас высшей награды достоин.
И для высшей награды, скажу я любя,
Не нужны ордена и медали,
Будет высшей наградой, что помнят тебя,
Кто при жизни твоей тебя знали.

ГРУЗ "200"

Везут по России груз "двести",
В нем слезы и страх матерей,
И нету страшнее известий -
Убитых встречать сыновей.

Парни мечтали о счастье,
В счастливую веря судьбу,
Теперь их из воинской части
Домой отправляют в гробу.
А где-то чеченка под Грозным,
Никто ей не может помочь
Хоронит в истерике слезной
Солдатом убитую дочь.

Какая нелепость в России,
Идет на Кавказе война
Не скажут, кого б ни спросили,
Кому же нужна та война?
Неужто, никак невозможно
Без крови проблему решить,
И чтобы в Москве или Грозном
Без страха могли люди жить.

ПОДЛОДКА

Погибла подлодка в пучине морской,
Уйдя в глубину по приказу.
Не знает никто по причине какой
Она не вернулась на базу.
Одно стало ясно - случилась беда,
Какой ни была бы причина,
И сто восемнадцать парней навсегда
С собой унесла субмарина.
Теперь громко плачут и мать, и жена,
Всплакнут и отец, и невестка,
Так пусть тех парней не забудет страна
С подводной трагедией "Курска".
А в море, как прежде, пойдут корабли,
И снова на сердце забота,
Чтобы возвратиться они все могли
На базы российского флота!

12.08.00 г.

ДЕРЖИТЕ ВЫШЕ ГОЛОВУ

Идет ли рота на парад,
С ученья ли идет,
Наш старшина шагает в ряд
И нам приказ дает:

Солдатушки-ребятушки,
Равнение на флаг,
Держите выше голову,
Рубите тверже шаг.

В ученье приустиали мы,

А он не устает,
Хотя шагает с нами же
И нам совет дает:

Солдатушки-ребятушки,
Чтоб нас боялся враг,
Держите выше голову,
Рубите тверже шаг.

И провожая нас в запас,
Он, как отец родной,
В дорогу каждому из нас
Давал совет такой:

Солдатушки-ребятушки,
Идти по жизни так:
Держите выше голову,
Рубите тверже шаг.

Давно я снял с себя шинель,
Давно я не служу,
Но я наказом старшины,
Конечно, дорожу.

И коль, где станет трудно мне
Я вспомню старшину,
Я выше вскину голову,
Вперед смелей шагну.

В строй провожая молодежь,
Служить велю им так:
Держите выше голову,
Рубите тверже шаг!

МНЕ ЧАСТО СНЯТСЯ...

Мне часто снятся те ребята
И наш родной аэродром,
С кем приходилось спать когда-то
Под авиамоторный гром.

Кому-то дано быть в полете,
Машиной грозной управлять,
А нам солдатская работа
Их керосином заправлять.

В ТЗ шестнадцать тонн вместится
В моих руках могучий ЯАЗ.
А ТУ прожорливая птица
Их выпивает восемь враз.

А вы видели ли стартера,

Чей самолет ушел в полет,
Ему в часы те не до смеха.
Он на секунды счет ведет.

Ну, наконец, вот и садятся
За самолетом самолет
Глаза стартера заискрятся,
Он свой по звуку узнает.

Мне часто снятся те ребята,

Хоть сорок лет уж не в строю,
А вспомню "девяносто пятый",
А с ним и молодость свою.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДЕВЯТОМУ МАЯ

Полвека празднуем Победу,
А разве кончилась война?
Когда сегодня, у погибших,
Назвать не можем имена.

Не до имен, но даже цифру
Не можем точную назвать,
Так почему же мы за правду
Не сумели воевать?

Курт захватчик, с Иоганом -
Им на Руси мемориал;
А где изгнали Петр с Иваном
Никто всей правды не сказал.

Полвека празднуем победу...

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Речка Малая Озерная.
"Зимой под сугробом не скоро найдешь..."

МОРОЗОВО

Кого-то манято океаны,
Кого столичное житье,
А мне мила моя деревня.
Люблю Морозово свое.

И в поздний час, спеша с Очера,
Забьется сердце веселей,
Когда увижу я с угора
Деревню в россыпи огней.

Моя деревня от истока
Растянулась по реке.
Река, слезинкою сверкая,
Петляет змейкой в ивняке.

Спускаюсь ниже, и прохлада
В свои объятия берет,
И потому в деревне нашей
Поздней черемуха цветет.

И если верить нам преданью,
Что здесь, в далеком далеке,
Когда-то первый здешний житель
Морозил шкуры на реке.

И мы мороза не боимся,
Уж триста лет как здесь живем,
Своей деревнею гордимся,
Ее Морозово зовем.

И о морозовцах с любовью
Я песни пел бы без конца,
Здесь тот народ, у кого бьются
В груди горячие сердца.

ДЕРЕВЕНЬКА

Занесенная снегами,
Ты мерцаешь огоньками,
Деревенька.

Летом росными утрами
Манишь ты пройтись лугами,
Деревенька.

И во время листопада
Я душой с тобою рядом,
Деревенька.

Потому, что край родимый,
Я твой сын, тобой любимый,
Деревенька

На твоих зеленых плесах
Повстречал я русы косы,
Деревенька

Повстречал я и влюбился,
Как живой воды напился,
Деревенька.

От любви моей к тем косам
Сыновей русоволосых я рашу,
Деревенька.

И любовь к родной сторонке
Передам им в песне звонкой,
Деревенька!

Я В ГОРОДЕ ЖИТЬ НЕ УМЕЮ

Я в городе жить не умею,
Хоть город комфортом дразня,
Иной раз затянет в людскую пучину,
Помнет день-другой и отпустит меня.
Мне кажется, в городе
Все мне мешают,
И сам я мешаюсь везде
И счастлив, когда возвращаюсь
К своей деревенской среде.
Здесь все естественно и просто,
Здесь жизнью я взалбеш дышу,
Поэзия мне прибавляет роста,
Любя свой край, о нем пишу.
И глядя на людские толпы,
Когда случается в городе мне быть,
Мне кажется, среди комфорта
Вам скучно, люди, в суете
Столичной жить.
Не потому ль, прибыв в деревню,
Средь горожан такие есть -
От вольности и дури неумной
Готовые на стены прямо лезть
Притом крича, что жизнь скука,
От скуки он в селе умрет.
Я, положив на сердце руку,
Скажу, что, ой, товарищ врёт!
Он просто жизнь еще не знает
Но поживет, может, поймет,
Что корень жизни - хлеб насущный
Деревня городу дает.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ФУТБОЛ

Каникулы в разгаре, веселая пора,
В совхозе на покосе хлопочет детвора.

А вечерами теплыми, нет устали следа,
Кипит, волною катится футбольная
страда.

Я видал футбол столичный,
Где команды класса "А"
Против наших футболистов
Не годятся никуда.

Здесь Танька с Колькой верховодят:

- Ты за нас! - А ты за нас!

Вовка, ты не задавайся,
То в нападеньи выбьем глаз.

В нападении девчонка,
Словно ветер огневой,
Прорывается к воротам,
Мяч ведя босой ногой.

А вратарь одел фуфайку:
- "Мягче падать, мяч имать"

А падет, так всей командой
Его надо поднимать.

Здесь болельщиков не надо,
Шума и без них хватает.

Здесь победам сами рады
Так, что уши разрывает.

Свечерело и темнеет,
Мяч шуршит в траве сырой,

Только страсти не стихают -
Бой идет, футбольный бой.

Матч мог длиться до рассвета,

Но вот тучей грозовой
Из окошка криком мама

Вратаря зовет домой.

Лето 1973 г.

В ПУСТОЙ ДЕРЕВНЕ НОСКОВО

Была когда-то деревня,
Была деревня когда-то,
Дымились в деревне трубы,
Качались в зыбках ребята.

Когда здесь жили люди,
Бригадой ходили в поле,

А в праздники собирали
Веселое хлебосолие.

Но цивилизация съела,
Сманили людей города,
Не стало здесь людям дела -
Разъехались все - кто куда.

И жутко ходить в той деревне,
Где не слышать петуха,
Не слышно коровье мычанье,
Невеста не ждет жениха.

Здесь все заросло бурьяном,
Лишь две уцелевших избы
Глядят в мир пустыми глазами,
Не зная дальнейшей судьбы.

УРАЛ

Красив мой Урал,
И красив повсеместно,
И люди красивы на нем,
И видя Урал, в сердце просится песня,
О людях Урала мы песни поем.
В лесные урманы идут лесорубы,
В полях наливается рожь,
В небо Урала взметнулись трубы,
В заводах - уральская мощь.
Недры Урала - страны кладовая:
В них уголь, нефть и металл.
И все это люди, трудом воспевая,
Славят советский Урал!

ГДЕ Б Я НИ БЫЛ...

Нет, где б я ни был, а душой
Всегда стремлюсь в свой край родной.
И много, мало ль я видал,
Но никогда не променял
Тот край, где вырос и понял,
Что для меня есть пуп земли

Седой и ласковый Урал.
Шумят там чудные леса,
Растут заводов корпуса.
Там, под окном избы моей
Журчит серебряный ручей.
И кто с того ручья напьется -
В лесные чащи окунется,
Тот навсегда с тобой, Урал,
Душою вместе остается.

ЧТО ЖЕ МЫ-ТО ОСТАВИМ?

Я иду по деревне,
Моя с краю изба.
В деревеньке той древней
Моя боль и судьба.
Здесь родился и прожил
Здесь, дай Бог, умереть.
Что богатства не нажил -
Я не буду жалеть.

Пусть на вид неказиста,
О ней песни мои,
И поют голосисто
Здесь весной соловьи.
Деревеньки начало
От крутых кержаков.
Жаль, здесь мало осталось
Деловых мужиков.
Много их разбежалось
В чужие края,
Потому и хиреет
Деревенька моя.
Большинство престарелых
В деревеньке живет
Да не знающий дела
Пролетарский народ.
Не способный исправить
У машины мотор,
Ни хозяйство поправить,
Взявши в руки топор.
Не храним и не строим,
На готовом стоим,
Что же мы-то оставим
Здесь потомкам своим?

ДЕРЕВНЯ НАША МОРОЗОВО

Деревня наша Морозове,
Дворов в ней около ста.
От города расположена
Всего в девяти верстах.

Дорога до нас хорошая,
Теперь по асфальту кати,
И времени ехать колесами
Вам хватит минут десяти.

Строенья здесь, правда, не новые,
Столетние избы стоят
Да, как бараки, брусовые, -
Колхозно-совхозный стандарт.

Народ в основном здесь приезжие,
Нашедшие здесь благодать,
А коренных-то морозовцев
По пальцам руки сосчитать.

Зато и самих-то морозовцев,
Уж если по свету пойдем,
В больших городах и столицах
Немало сегодня найдем.

Немало по свету мной езжено -
Россия у нас широка,
В далеком краю неожиданно
Случалось встречать земляка.

И он тут завалит расспросами
С тоской по родимым местам,
Умытая чистыми росами,
Душа и теперь его там.

*Иду впереди стада я,
Зову: "Пру- ко, пру-ко",
А сзади морем плещется
Парное молоко!*

ПАСТЬБА

Я жду тех дней, как праздника,
Я песни петь готов,
Когда подходит очередь
Идти пасти коров.

Готовлюсь основательно,
Рюкзак, где вица, нож,
Быть должен обязательно
На пастуха похож.

С коровами встречаемся,
Как старые друзья,
За ними отправляюся
Вновь в детство свое я.

Я мерз и в жару парился,
Не мало стер лаптей,
Теперь уже состарился,
Но не забыл тех дней.

Хлеб первый, заработанный,
Не буду клясть судьбу,
На трудодни полученный,
Был дан мне за пастьбу.

ДЕРЕВНЮ НАШУ ПО ПРЕДАНЬЮ...

Деревню нашу по преданью
Обосновали кержаки,
Когда от Никона в изгнание
В леса бежали мужики.
Для сохранения веры ради,
Шли за Урал и далее
И через триста лет их встретишь
В Сибири и в Австралии.
Они несли свои иконы,
Они читали свой псалтырь,
Живя по Божеским законам,
Могли обжить любой пустырь.
И здесь лес предки корчевали,
В поле сея лен и рожь,
Скотоводством занимались
И выделываньем кож.
Топор в руках держать умели
Крепкой силы мужики,
Бабы прясть и ткать умели,
Ткали холст, половики.
Чтобы с Богом не расстаться,
Свою веру сохранить,
Занялись старообрядцы
Свою церковь возводить.
Храм построили на славу,
Подняв кресты, колокола,
Служба шла в нем по уставу,
Отец Потап в нем вел дела.
Сколько время пролетело,
Воды в речке утекло,

Все, что было, перебыло,
И в предание ушло.
И если верить нам преданью
Может, правда, может, нет -
Деревне нашей с основания
Уже проходит триста лет.
Время шло, менялись власти,
Стали Бога забывать
Кому горе, кому счастье -
Стали церкви закрывать.
Злая участь разрушенья
Церковь ту не обошла,
И пришло постановление -
Снять кресты, колокола.
Посмотреть на это действо
Прибежали млад и стар,
Управлял сим богохульством
Сам партийный секретарь.
И нашлись добровольцы
Из крестьянской бедноты,
Из способных за бутылку
С церкви выбросить кресты.
И когда кресты валились,
Звякнув, рухнул колокол,
Старики в слезах молились,
Песню грянул комсомол.
И замолчали церковные звоны,
Ни в деревне, а в целой стране,
Портрет Ленина вместо иконы
В бывших храмах висел на стене.
Потому-то и десятилетия
Не схоронен лежит у Кремля,
За нанесенные церкви увечья
Прах его не приемлет земля.

О КОРОВЕ

Для крестьянина не ново,
Чтоб не было пустым застолье,
Надо добрую корову
На своем держать подворье

И тогда любые годы
Очень сложных для страны
Для твоей семьи невзгоды
В твоём доме не страшны.

Не ленись, коси им сено,
Ведь известно средь людей:
"Кто в навозе по колено,
Тот и в масле до локтей".

ПЕСНЯ О МОРОЗОВО

Мы не с Северного полюса,
Но мы скажем, что всегда
Здесь зимой снега до пояса
И под сорок холода.

Здесь зимою ходят в валенках,
Шубы длинные до пят,
Здесь весною на завалинках
Старики у нас сидят.

Ах мое, Моро - Морозово,
Ведь не даром говорят -
От мороза щечки розовы
У морозовских девчат.

Вечерами ходят парочки,
В небе звездочки горят,
Трактористы да доярочки
О любви здесь говорят.

И идя родной сторонкою,
Сердце просится в полет,
О любви здесь песню звонкую
Соловей весной поет.

Ах, мое Моро - Морозово...
В ожерелии березовом,
В речке чистая вода,

Кто хоть раз бывал в Морозово,
Его полюбит навсегда.

Ах, мое Моро - Морозово,
В речке чистая вода,
Кто хоть раз бывал в Морозово,
Не забудет никогда!

МОРОЗОВО - 245 ЛЕТ

В сизой дымке морозной
Иль в цветущих лугах,
Деревенька Морозово,
Сердцу ты дорога.
Если верить преданию,
Здесь горит в окнах свет
От ее основания
Двести сорок пять лет.
Предки хлебом кормились
От своих пахарей
И в одежды рядились
От своих дочерей.
Были годы военные,
Полыхала земля,
И на поле сражения
Шли твои сыновья.
С дорогими иконами
Своя церковь была,
Колокольными звонами
На молитву звала.
Все прошло, все промчалось,
Столько лет позади,
Но надежда осталась -
Лучшее - впереди.
Деревенька старинная,
Чтоб жила и цвела,
Чтобы неперспективной
Никогда не была.
И желают морозовцы,
Чтоб не гас в окнах свет
В деревеньке Морозово
Еще тысячу лет!

САЛОМАТКА

У речки, в туманном распадке,
Укрывшись от лютых ветров,
Деревня была Саломатка -
Всего восемнадцать дворов.
Две версии есть у названья,
И обе уместные здесь,
Что свиньи и пчелы дают здесь питание
Или, по-татарски, глухой здесь был лес.
Деревня была, и деревни не стало,
Живет лишь старушка одна.
Разъехались все, а она здесь осталась
И будет здесь жить до последнего дня.
На дальних и ближних погостах
Теперь саломатцы лежат,
Все реже на родину в гости
Теперь в Саломатку спешат.
А если уж кто соберется,
Собравши детей и внучат,
Тот памятью в детство вернется,
Сердца их с волнением стучат.
Придя на родное поместье, -
Бурьян да крапива кругом,
Потомкам покажет он с грустью.
Стоял здесь когда-то наш дом.
И снова: "Прощай, Саломатка",
Дай Бог, здесь еще побывать,
Длинна иль коротка дорога -
Не должны тебя забывать!

ХОРОШО

Хорошо, позабыв все тревоги,
После дальних и тряских дорог
Оказаться на банном пороге
И на жаркий забраться поллок

В руки взять жаром дышащий веник
И по всей ширине и длине
Жару дать, чтобы кожа лупилась
Просолевшей от пота спине.

А затем, разомлевший, уставший,
Тут желание очень больно,
Выпить бражки холодной, под пенкой,
До чего ж, черт возьми, хорошо!

РУССКАЯ ПЕЧКА

В русских сказках нам писали:
Дураки да силачи,
Ума силы набирались
Они лежат на печи.
Печка русская из глины
С трубкою из кирпича,
Сохранив рецепт старинный,
В мороз лютый горяча.
Приготовь обруч да свинку
Да покрепче токмаки,
Тебе за день, как картинку,
Собьют печку мужики.
Не скупись на угощение,
Когда вырежут чело,
Собери потом моление,
Будет печь хранить тепло.
Раньше малые ребята
Годов до пяти, шести
На печи да полатях
Без штанов могли расти.
В зимних сумерках вечерних.
Керосин в лампе сберечь,
Залезали мы семейно
Посумерничать на печь.
Здесь ученье и моление,
Сказки, шутки, детский смех.
Залезай к нам в час вечерний -
Места хватит здесь на всех.
С тех пор немало лет прожито,
Сам я видно стал стареть,
Ну, а печка, как магнитом,
Манит косточки погреть.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Окончено в школе учение,
И вот на последний урок
Детей серебристою трелью
Зовет в класс последний звонок.

В нем радость детей и тревога,
Прощанье со школой ребят.
От школы по жизни дороги -
И что они им подарят.

Учитель встревожен разлукой,
Слеза, перепутал слова.
Запомнится детям надолго
Седая его голова.

ВЛИВАЯСЬ В УЛИЦЫ ОЧЕРА

Вливаясь в улицы Очеры,
С прохладной утренней зари,
От деревенского шофера
Прошу, Очер, поклон прими.
Я сам-то родом не очерский,
В своем Морозово живу.
Тобой, Очер, как старым другом,
Мужскою дружбой дорожу.
Очер, Ош-Шор, ручей медвежий -
Так повествует старина,
До наших дней с большой любовью
Цветком Очеры собрана.
Да, да цветком, хоть Нещетаев
Его фамилия была
И все очерцы его знают
За его славные дела
От гулких строгановских далей
И до сегодняшнего дня.
Стоит Очер и расцветает,
Свои окраины тесня,
Рабочий люд твой знает дело,
Его продукции есть спрос

И от "очерок"-молотилок
До трубоукладчиков дорос.
Пусть будет впредь он расширяться,
Очер, Ош-Шор, любовь моя,
Водою счастья умываться
Из медвежьего ручья.

Я В ДЕРЕВНЕ СВОЕЙ УПРАВЛЯЮЩИМ БЫЛ...

Я в деревне своей управляющим был,
Все деревню поднять я пытался,
Я с крестьянами жил и по-волчьему выл,
Когда хлеб на полях оставался.
Я на зорьке вставал и на ферму бежал,
Быть полезным дояркам старался.
На посев и покос трактористов я гнал,
С лодырями безбожно ругался.
А в хозяйстве у нас всюду шло
воровство,
Процветали шабашки да пьянство,
Никому не скажи, ни с кого не спроси,
Норма жизни для нас -разгильдяйство.
А деревню мне жаль, и на сердце печаль,
Почему стал бездушным крестьянин?
Почему на земле, на которой живет,
Он душою своей не хозяин?

О МОРОЗОВСКИХ АРТИСТАХ

Мы живем вдали от клуба.
И наверно потому
Все концерты и спектакли
Нынче смотрим на дому.
Деревенские детишки,
Они ходят в первый класс,
Песней, танцем и частушкой
Веселят под старость нас.
Доморощенных артистов
Всегда с радостью мы ждем,
И сегодня с сердцем чистым
Поименно назовем.
То Субботина Кристина -

Очень славная дивчина
Она только подрастет -
С тетей вместе, затем вместо
В клуб работать к нам придет.
Не хуже Хазанова
Две сестры Азановы -
Это Таня и Наташа,
Хорошо поют и пляшут.
Точно как Андрей Миронов,
Для нас Алик Балахонов -
Очень умна голова,
Знает разные слова,
И с ним в шутку и всерьез
Нахохочемся до слез.
Вдали от клуба мы живем
И артистов в гости ждем.

НА ПОГОСТЕ

Стою на родном мне погосте,
Где старые ели шумят,
Здесь предков моих они кости
Под тенью своею хранят.

Сюда прихожу я по снегу,
Иду по зеленой траве.
И вечные мысли о вечном
Витают в моей голове.

Кто, бедный ты был, иль богатый,
Для всех скоротечны года,
И все непременно когда-то
Навечно приходим сюда.

Здесь все мы равны перед Богом,
Средь мертвых различия нет -
Какою шагал кто дорогой,
Какой ты оставил свой след.

Поэтому жизнь прожить надо,

При жизни всех сердцем любя,
И вышею будет наградой,
Пока будут помнить тебя.

ПАМЯТНИК РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКЕ

Не рекламную красоту
Достойной фирмы "L'OREAL",
А бабу, русскую крестьянку,
Поставил б я на пьедестал.

Ей, как солдату в Трептов-парке,
Где он полвека простоял,

Слева направо: Марья, Наталья,
Пелагия, Прасковья.

Я деревенской бы доярке
В России памятник поднял.

Она в поношенной фуфайке,
Туго подвязанном платке,
Стоит в резиновых сапожках
С ребенком малым на руке.

На лоб морщинка в тридцать ляжет,
В глазах есенинская грусть,
И в тех глазах без макияжа
И отражается вся Русь.

МОРОЗОВСКОМУХОРУ

Тесная сцена у сельского клуба,
Но виден отсюда широкий простор.
Русскую песню послушать все любят,
Когда запекает морозовский хор.
Вроде недавно еще начинали,
Годы промчались, пять лет позади.
Первые песни давно отзвучали,
Будут ли песни еще впереди?
Мама и дочка, бабушка с внучкой
Звонкою песней тревожат сердца,
Значит, не рвется у жизни цепочка,
Значит, не будет у песни конца.
Песня, русская песня...
Пусть песня звенит и летит выше гор,
Жить на земле будет всем интересней,
Если петь будет морозовский хор.

ПРИРОДА,

Любимицы Филя и Фрося.

ЛИРИКА

ЛЕТО

Вот и лето пришло долгожданное,
Снова солнце пригрело желанное,
Прошли дождички благодатные,
Наступили денечки отрадные.

Откипела в цветенье черемуха,
Гладит ветер посевы зеленые,
Задухмянились травы росные -
Знать пришла пора сенокосная.

И на дальних лугах со стрекотом
Вновь гуляет косилка конная,
Из урочищ сырых сочный силос везут,
Вечерком, глядь, и яма полная.

Солнце встало в зенит, зноем душу морит,
К водопою стада потянулись,
От жары косари собрались в тени
И блаженно в траве растянулись.

Жаль, коней-работяг овод зверский грызет,
Кони в злобе от мух отбиваются.
А когда на обед дети скачут в галоп,
Бригадир недоволен, ругается.

Поворчит да простит он лихих ездоков,
Ведь с самим тоже в детстве бывало,
Сам любил поскакать на Савраске верхом,
Чтоб рубаху в пузырь надувало.

Зной полуденный спал. Вечер летний настал.
Все с работы домой возвращаются.
Сбросив потный наряд, все на речку спешат
И прохладной водой умываются.

Вечерком по селу пастух стадо ведет,
И хозяйки кормилиц встречают,
Непослушных телят да игривых ягнят
С ребятей по дворам закрывают.

А колхозных коров стадо двести голов,
Ждут доярки доить аппаратами.
Молоко подоя, процедят, охладят
И на пункт увезут сепараторный.

Дома тоже дела:

Кто-то сено косить или грядки полоть,
Кто-то в круг собрался посудачить,
Кто уж снасти собрал да спешит на реку -
На вечерней заре порыбачить.

Молодежь - та вся в клуб,
Там сегодня кино, ну а после кино будут танцы.
Кто-то просто к любимой на встречу спешит -
В темноте по селу прогуляться.

У четы молодой заревело дитя,
Сразу свет загорелся в окошке.
А у клуба в тот час, словно душу травя,
Про любовь заиграла гармошка.

То солдат молодой возвратился домой,
Снял он форму и в белой рубашке
Через песни свои объяснялся в любви
Синеокой дивчине Наташке.

ОСЕНЬ

Прокатилось лето, промчалось,
Обласкало теплом и ушло.
Осень с красками к лесу подкралась,
Знать, её теперь время пришло.

Осень, осень - пора хлеборобная,
Тут уж, брат хлебороб, не зевай,
Душу вложь, не считаясь со временем,
Засыпай в закрома урожай.

Нам упорства в труде не займовать,
Не покинут широких полей,
Соберут урожай до зернышка
Командиры степных кораблей.

Ребятишки уселись за партами -
Загорелые крепыши:
Щечки их, словно яблочки спелые,
До чего же они хороши.

Про моря да про страны дальние
Им учитель рассказ ведет,
Про Россию свою бескрайнюю
И её богатырский народ.

Дети учатся чистописанию,
Дети учатся здесь считать,
Слово "Родина" - объясняют им,
Нужно свято всегда понимать.

Осень также пора расставания
Для ребят восемнадцати лет.
Предстоит им дорога дальняя
И солдатскую форму надеть.

Им сыграют гармошки прощальную,
Да дивчина платочком махнет,
Да святая слеза материнская
На плечо пареньку упадет.

Ну а те, что уже отслужились,
Парни крепкие, на подбор,
Нагулялись и влюбились
И о свадьбах ведут разговор.

Свадьбы хмельные, хлебосольные -
Все в достатке на праздном столе.
Льются осенью песни застольные
На присыпанном снегом селе.

ЗА ГРИБАМИ

Дождь прошел во всей округе,
Вымок угол у избы,
Я бросаю всю работу -
Отправляюсь по грибы.

По грибы мне не далеко,
Дышит рядом дивный лес.
Забираю я корзинку,
Отправляюсь в мир чудес.

Елки в каплях изумрудных -
Тронешь чуть, и зашумит.
Льет вода с неё, как с гуся,
И мне руку холодит.

Насбирал грибов корзинку
На опушке на лесной,
Хоть промокший, но довольный,
Возвращаюсь я домой.

И чудесною жарехой
Всех могу я угостить.
Будешь есть, да только бойся,
Чтоб язык не проглотить.

ВЕСНА

Вновь оживает лесная опушка,
Песни чудесные слышатся в ней
Грусть навевая, кукует кукушка,
Душу тревожа, поет соловей.

Снова природа полна вдохновенья,
Травка в лугах начала зеленеть,
В душу весенние вкрались волненья,
Вместе с природой хочу молодеть.

Помню свое босоногое детство,
Рос я средь этих лесов и полей,
И через годы храню это чувство -
Чувство любви ко сторонке своей.

ВЕСЕННЕЕ

Давно ли глядя на сугробы
Мы думали когда когда...

Из этих снежных небоскребов
Польется талая вода.
Еще от мартовских морозов
Бежали греться на печи,
Но вили гнезда на березах
Неугомонные грачи.
А солнце, поднимаясь выше,
Лучами плавило снега,
И первая сосулька с крыши
И наст, не тонет в нем нога.
И ребятишки спозаранку,
Пока наст схвачен холодком,
С зимой прощаясь, на санках
С угора катят с ветерком.
От первых полевых проталин
Через овраги и луга,
К реке ручей с водою талой, -
Ей станет тесно в берегах.
А у пенечка, на лужайке,
Уж не от снега там бело,
Подснежники веселой стайкой
Соткали вешнее сукно.
В ложбиночке, под косогором,
Верба с ивой расцвела,
И к ним спешит за первым сбором
Трудолюбивая пчела.
В округе птичьи хороводы
С запевкой звонкого скворца,
Весна в природе - песня года,
И пусть не будет ей конца.

БЕЛЫМ ИНЕЕМ ПОДЕРНУТА...

Белым инеем подернута
Порыжевшая трава,
Под ногой шуршит, ломается
Разноцветная листва.

Я люблю ходить тропинками
Поздней осенью в лесу
Наблюдать природы русской
Неповторимую красу.

Наблюдать, как раздеваясь,
Лес готовится ко сну,
Чтоб, проснувшись, снова молодо
Встретить новую весну.

ЗИМА

Пришла зима в мой край родной,
Детишки с горки катятся.
И мы, любимая, с тобой
Не будем в шубы прятаться.
Наденем лыжи мы с тобой,
Возьмем ли просто саночки,
И вставит в щечки румяна
Мороз моей уралочке.
Мне хорошо вот так катить
Лесной лыжнёю узкою,
Мне хорошо тебя любить,
Тебя да зиму русскую.

РУБЯТ ЕЛОЧКИ

Из года в год под Новый год
Без сожаления и стеснения
Рубят елочки в лесу
В дом для украшения.
Рубят елку за красу,
Что стройна да зелена,
Через два дня никому
Не нужна будет она.
Будут люди приходить
Мимо этой елки
И ногами в снег топтать
Павшие иголки.
Елки, девки! Ваши судьбы
Порой очень схожие.
К себе маните, пока
Зеленые, пригожие.
Но иной весь век качаться
В пышной зелени своей,
А другую рубят, губят

И забудут вдруг о ней.
Но сколько елочки ни рубят -
Елочки рождаются.
Сколь любовь девчат не губит -
Девочки влюбляются.

МАРТОВСКИЕ ВЕЧЕРА

Как хороши, как девственно-прекрасны
Бывают в марте вечера.
День отыграл лазурью ясной,
Закат багрян, как от костра.

Ни ветерка, ни дуновенья -
Торжественна в природе тишина.
Страхнув снега, лес замер на мгновенье,
Стоит и слушает, как с юга к нам идет весна.

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ПЕТУХ

Один петух Восьмого марта,
Как и другие петухи,
Своей наседке в знак вниманья
Купил в подарочек духи.
И вот, польщенная вниманьем,.
Духи наседка приняла.
А вечером в одну компанию
На праздный ужин позвала.
Петух надел свой фрак парадный,
Наседка - туфельки свои:
И парочкой такой нарядной
Под ручку улицею шли.
В пути наседка говорила:
- Ах, Петя! Милый петушок,
Прошу тебя, не напивайся,
То за тобой бывал грешок.
- Ну что ты, милая подруга!
И как язык чесать не лень,
Неужто я себе позволю
Напиться пьяным в Женский день.
Когда компания вся в сборе
На праздный ужин собралась,

За женский пол в стаканы морем
В тот вечер водка полилась.
И Петя наш, петух горластый,
Там за столом поднявшись в рост,
Держа стакан в тот вечер часто,
Произносил за тостом тост.
Он пил за милую наседку
И за приятную соседку,
Пил за парунью-продащицу,
И за цыпушку-ученицу.
И, в общем так натостовался,
Что на ногах не удержался.
Последний тост прокукарекал,
Он - плюх на стол и на пол съехал.
А в доме музыка и танцы,
Но он ничто и не видал,
И вместо курочки любимой
У стола ножки целовал.
Но вот окончено гулянье,
И гости парами домой,
Наседке тоже неохота
В обратный путь идти одной.
Пальто и шапку нахлобучив,
Взвалив за плечи, как мешок,
Верхом на курочке насадке
Домой поехал петушок.
В дугу под тяжестью сгибаясь,
Наседка ночью под луной,
Кляня судьбу и потом обливаясь,
Тащила пьяницу домой.

Хоть в басне этой я сослался
Все на пернатых петухов,
Но кто не глуп, тот догадался,
Что это все про мужиков.

КУНГУРСКАЯ ПЕЩЕРА

Холодная сказка кунгурской пещеры
Меня поразила своей красотой.
Природа народу здесь щедрою мерой
Дарит таинства подземной тропой.

Что ни грот, с затаеньем дыхания,
Люди, как в бездну столетий, глядят.
И не запомнишь всех гротов названий,
Но все они сказки Бажова хранят.
Чудны озера с водою кристальной -
Глаз и не верит, что рядом вода:
Камешек бросишь — волна всколыхнется -
И этому чуду поверишь тогда.
Представьте на миг - одному здесь остаться,
Где вечная ночь, как в гробу, тишина...
Захочется к свету и солнцу прорваться,
Где рядом с пещерою Сылвы волна.

ЗИМНЯЯ СТЕПЬ

Не приветлива, холодна
Степь январскою порой.
Жизни нет. И лишь голодный
Меж стерни петлял косой.

Дремлют снежные барханы,
А под ними спит земля.
Лишь от ветра с песней пьяной
Мчится снежная змея.

Все живет здесь ожиданьем,
Веря в то, что срок придет,
И весной в степи бескрайней
Жаворонок запоем.

РЕКА ОЗЕРНАЯ

Течет вдоль деревни река Озерная,
Слезой ручеек струится,
Плотов, кораблей не качает она -
Воды воробью в ней напиться.
Рыбачьих снасти сюда не вези,
Не вытащишь даже сорожку,
Лишь вербы купают в ней ноги свои,
Да тополь ей дарит сережки.
Зимой под сугробом не скоро найдешь,
Лишь пар над речушкой клубится.

Но верю, родная, мечтой ты живешь -
В далих к океану пробиться.
Апрельской порою растают снега,
Весенней капелью напьется,
И шумом наполнив леса и луга,
Как песня лиха, разольется.
На свете немало я прожил,
Видал и чужие края,
Но с каждым мне годом дороже
Родная деревня моя.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

С треском рухнул старый тополь,
Не дождавшийся весны,
Представитель той далекой
Седовласой старины.

И теперь уж не сгибаться
Под напором вешних бурь
И ветвями не впиваться
В поднебесную лазурь.

Древо дряхлое, гнилое
Поглотит в себя земля.
От корней взрастут весною
Молодые тополя.

ЗЕМЛЯНИКА

В это лето, в это лето земляника удалась,
По полянам, перелескам ароматом
разлилась.
Деревенские ребята в лес спешат за ней
с утра.
До чего же хороша ты, эта летняя пора.
Собрались и бабка с внучкой -
Внучке той уж пятый год,
Потому с цветастой кружкой
Вслед за бабкою идет.
Между ними скачет Моська -
Незлобивый малый пес,
Охраняет бабку с внучкой,
Чтоб медведь их не унес.
Но не дай Бог, быть медведю,
Моська вряд ли их спасет.
А, наверное, сам к деду
Первым ноги унесет.
И как вкусно, вы бы знали,
Бабка с внучкой вечером
Все семейство угощали
Земляником с молоком!

ПРОМЕЛЬКНУЛО УРАЛЬСКОЕ ЛЕТО

Промелькнуло уральское лето,
Вот уж снова в клину журавли.
Чему цвести - отцвело,
Кому петь — теми спето,
Напилось, налилось все от сока земли.
В соке льется с небес лучезарная просишь,
Под дождливым крылом ночи все холодной,
На рубинах рябин благодатная осень
В бабье лето сверкнет красотой своих дней.

РЫБУ, ЗВЕРЯ, ЧЕЛОВЕКА...

Рыбу, зверя, человека
На земле Бог сотворил
И еще в начале века
Человеку покори́л,
Чтоб не властью упиваться,
Угнетая всех зверей,
А чтоб жизнью наслаждаться -
Дружно жить одной семьей.
Потому и от рожденья
До последних своих дней
Все живем мы в окруженьи
Рыбок, пташек и зверей.
Потому, должны мы, люди
Всех зверей и птиц любить,
На земле чтоб все живое
Для потомков сохранить.

1998 г.

РАНО УТРОМ

Рано утром на рассвете,
Когда сладко спится детям,
Петух только начеку,
Будит всех - ку-ка-ре-ку!
Услыхав команду эту,
Просыпаются все дети.
Тут проснулась кошка Муська,
Звонко лает песик Моська,
А в хлеву корова Зорька
Ждет хозяйшку для дойки.
И вот с полным дойником,
С пенным, вкусным молоком
Ждут доярку дочка Люська,
Ждет хозяйку кошка Муська,
Ждет ее и песик Моська.
Встав по зову петуха,
Ждут от Зорьки молока.

НА БОЛЬШОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЕ

На большой, лесной поляне
Собирал медведь собрание -
Со зверьем обмозговать,
Как им зиму зимовать.
Чтоб зверей собрать ко сроку,
Вестовой послал сороку.
И сорока-белобока
На весь лес защебетала,
О собраньи у медведя все зверье
оповещала.

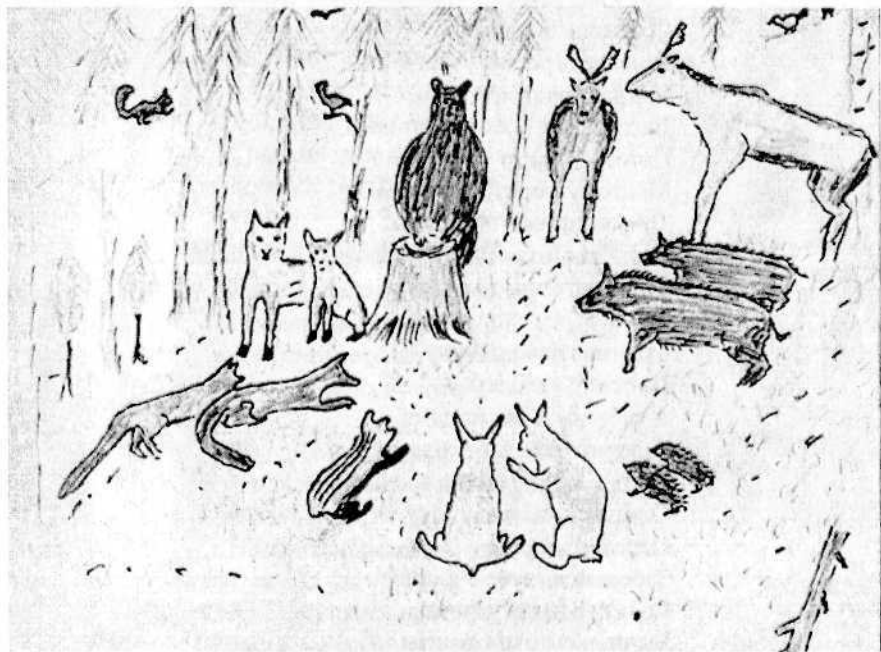

Рисунок автора книги.

Из густого сколка прибежали волки.
Сквозь малинник, бурелом
Перлись лоси напролом.
Из "хмельниковой" низины
Пришли стайкой кабаны.
Распустив хвост для красы,
Две явились лисы.
Заяц со своей зайчихой,

Тихой, толстой, как купчиха.
На коротеньких ноженьках
Прибежали ежики.
Полосатые зверьки -
Шли вразвалку барсуки.
С веточки на веточку
Прискакали белочки.
Косачи и глухари,
Воробьи и снегири
На деревьях сели,
Слушать прилетели,
Вот у нас какое
Собрание большое.
И медведь решил узнать,
Кто как хочет зимовать.
Нас, волков, всех кормят ноги,
Потому, уж кто убогий,
Мы тому умереть поможем,
Тому косточки обгложем.
Лось: строить стаю не могу,
Буду спать зимой в снегу.
А чтобы не голодать,
Буду мерзлую рябину
Да осину я глотать.
А себе мы, вместо дома,
Присмотрели стог соломы,
Жить в нем будем до весны, -
Отвечали кабаны.
Пережить холодну пору
Заберемся глубже в нору.
Коль кур негде воровать,
Будут лисы мышковать.
Заяц молвил: Я линяю,
К зиме шубу я меняю,
В теплой шубе я смогу
И зимою спать в снегу.
А колючие ежи
Лягут в спячку у межи.
Ну, и мы не дураки, -
Заявляют барсуки,
В труде осень провели,
В пору хлеба припасли.

Будет белочке тепло -
Шерстью выстлано дупло.
Чтоб зимою сытно было,
Себе грибочков засушила.
Косачи да глухари,
Воробьи да снегири,
Клюют на морозе
Мочку у березы.
Услыхав от всех ответ,
Успокоился медведь:
- Ну и мне пора в дорогу,
Пойду спать в свою берлогу,
Ко мне в гости не ходите
И зимою не будите,
Буду я смотреть там сны.
До свиданья, до весны,
Спасибо за внимание,
Кончилось собрание!

МЫ ОЖИДАЛИ, ЧТО В АПРЕЛЕ...

Мы ожидали, что в апреле
Придет к нам талая вода,
А с севера пришли метели
И, как зимою, холода.

Под дикий вой и свист метели
По полю катит снежный вал,
В нем, кажется, все черти пели,
На свой собравшись карнавал.

А солнышко, поднявшись выше,
Метелям всем наперекор,
Сосулькой длинною от крыши
Весну спускало к нам во двор.

3.04.98 г.

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Мой край родной, тебя люблю я,
Будь ты в цвету или в снегу,
Но на тебя всю жизнь смотрю я
И наглядеться не могу.

Твоей красою очарован,
Я у тебя словно в плену
К тебе душой навек прикован –
И жизнь за это не клянчу.

Я знаю то, что кто-то, где-то
Другие любит уголки.
Ведь говорят - "свое болото
Повсюду хвалят кулики".

Уголок Малой Озерной речки.

СИДИТ ВОРОНА

Сидит ворона на антенне,
И на бок голову склоня,
Своим карканьем вороньим
Она приветствует меня.
Давно с вороной этой дружим,
Всегда друг друга узнаем –
Ведь в дни суровой зимней стужи
Мы остаемся здесь вдвоем.

Все птицы певчие умчались,
Оставив нас до теплых дней,
И зимовать мы здесь остались:
Ворона, я да воробей.
Они к избе поближе бьются,
Им делать нечего в лесу.
Над конурую низко выются,
Когда собаке есть несую.
И здесь бесплатные концерты
Порою можно наблюдать -
Спор собаки и вороны:
Кому же костью обладать.
Злой собаке, с цепи рвущей,
Объясняю я одно,
Что здесь не только лай собачий,
А нам и карканье нужно.

ПОЛОВОДЬЕ

Половодье, половодье,
Как картина хороша.
В половодье, нараспашку
Наша русская душа.

Речка малая зимою
Бьется в тесных берегах,
Но зато, взгляни, весною
Тесно ей в наших лугах.

Под березу подмывает,
Угрожая: "Уроню!".
И береза замирает,
Стоит, сохнет на корню.

Зимой речка по песочку
Под мостом тихо течет,
А весною тот мосточек
За лесочек унесет.

Поиграв весенней брагой,
Шаловливою волной,

Вновь река поит округу
Своей чистою водой.

Так и мы, подобно речке,
Тихо, мирно воз везем,
И тогда лишь всколыхнемся,
Когда с устали запьем.

Выпив водки два стакана,
Загорит в душе огонь,
Будешь ты в веселье пьяном,
подавай тогда гармонь.

И пойдет мужик вприсядку,
А то, в голову взбредет,
Для хозяйского порядку
Бабе в ухо завезет.

И проспавшись у порога,
Вновь фуфайку на плечо...
Я встречал таких вот много
И люблю их горячо.

И за хмельное разгулье
Я судить их не берусь,
Ведь они в этих фуфайках
На плечах и держат Русь.

МАЛИНА

Ах, малина, как красива,
Сочна ягода в лесу.
Только жгучая крапива
Стережет ее красу.
И пусть я изжалю руки,
Штаны в сучьях изорву,
Пусть меня кусают мухи,
Но малины соберу.
И какая будет радость,
Когда сядем вечером -
Непревзойденную сладость -
Есть малину с молоком.

Лето 1998 г.

ТОРСУНОВСКОЕ ОЗЕРО

Красотой своей сказочной
Оно всем, как магнит,
Торсуновское озеро
Свою тайну хранит.
В блюдце озера чудного
Солнце смотрит с небес,
Видит, как заколдованный
Под водой стоит лес.
Видно, там повстречались
С Нептуном Берендей,
Там их царства смешались
И стоят до сих дней.
И водой омываемый,
Стоит лес тот года,
Никогда не узнаем мы
Почему и когда.
Потому и приходим мы,
Словно в сказку, сюда...
Торсуновское озеро,
Будь загадкой всегда.

КОГДА ЧЕРЕМУХА ЦВЕЛА

Мне не забыть, как повстречались
Мы за околицей села
И первый раз поцеловались,
Когда черемуха цвела.

И сладость этих поцелуев
Дарила сердцу два крыла
Казалось, к солнцу полечу я,
Когда черемуха цвела.

На цвет черемухи весною
Всегда приходят холода.
И мы расстались с тобою,
С тобой расстались навсегда.

Я не корю и не ревную,
Тебя ни в чем я не виню,
Но сладость первых поцелуев
В душе навеки сохраню.

ВЕСНА. АПРЕЛЬ.

Весна. Апрель. Под звон капли
Весенним воздухом дышу,
Пока скворцы не прилетели,
Скворечник вывесить спешу.

Теперь с волнением ожидаю
Я припозднившихся гостей
И им квартиру предлагаю,
Чтоб в ней им вырастить детей.

Ну, наконец-то! Прилетели!
И рад я видеть тех певцов,
Как на антенну нашу сели
С дороги парочка скворцов.

Ах, мои птички, приустали,
С дороги надо отдохнуть.
А мы вас здесь уж ожидали -
Извольте в домик заглянуть.

Вот начинаются смотрины:
Сперва скворец на крышку сел,
Осмотрелся, вострепенулся
И звонко, длинно просвистел.

Через леток вовнутрь спустился,
Все, видно, в доме осмотрел,
Опять на крышке покрутился,
Вновь на антенну улетел.

Теперь очередь скворчихи
Жилье по акту принимать,
Ведь это ей в этой сворешне
Детей на ноги поднимать.

На скворечные заботы
Я люблюсь из окна.
Видя их, и жить охота,
И в душе моей весна!

ОГУРЦЫ

Из поколения в поколение
В деревне парни-молодцы
Девчоночкам для угощенья
Воруют ночью огурцы.

Тех огурцов дома на грядке
Им можно ведрами порвать,
Но слаще те, когда с оглядкой
К соседу лезешь воровать.

Девчата с хрустом уплетают,
Такой веселенький народ,
От матерей утром узнают,
Что их обчищен огород.

От безобразия такого
Сойти тут можно и с ума,
Но ни одна не молвит слова,
Коль ела огурцы сама.

НА РЫБАЛКЕ

Я рыбак-то сухопутный, ну а все же раз
в году,
Специально иль попутно, на рыбалку я
иду.
Мне рыбачить безразлично - на реке
иль на пруду,
Ну а чаще, по привычке, я на озеро иду.

Блюдец озера лесного кругом в топких
берегах,
Потому туда из дома отправляюсь в
сапогах.
По жердочкам, по мосточкам

пробираюсь к плавуну
И, пристроившись на кочке, свою уду
разверну.

В предвкушении улова взволновалась
душа-
Вот поймать бы мне большого,
полпудового леща!
В воду я крючок закинул, взор уставил в
поплавок,
И сижу так, рот разинув, не пропустить
бы мне клевков.

А меня здесь будто ждали, с
прошлогодней все поры,
Голоднее волчьей стаи, налетели
комары.
С комарами жарко бился, вся в крови от
них рука,
Отбиваясь, спохватился - на воде нет
поплавка.

Дернул уду, там маришка трепыхалась
на крючке,
И был рад я, как мальчишка, когда зажал
ее в руке.
И удачей окрыленный, добавляю
глубину,
И, червями начиненный, вновь крючок
идет ко дну.

Битва снова с комарами, вновь не видно
поплавок,
Удой я двумя руками резкий делаю
рывок.
Натянулась леска стрункой, удилище гну
в дугу,
Знать, пудового лещенка из воды взять
не могу.

Удилищем вправо, влево, ясно стало

тогда мне,
Что крючок мой за корягу зацепился в
глубине.
Тогда с силою собрался, дернул леску,
что есть сил,
От рывка сам повалился, задом в воду
угодил.

В осоке вода холодна, в озере не видно
дна,
Неужель я столь голодный, так уж рыба
мне нужна?
Не дай Бог, здесь искупаться, я пловец-
то, как топор,
Скорей к берегу добраться, где стоит
сосновый бор.

Без лешей и без сороги, по жердочкам,
дай Бог ноги,
По тропинке, сквозь туманы, с малой
рыбкою в кармане
Я домой теперь спешу, годовым своим
уловом дома кошку угощу.
А на жизнь не обижаюсь, духом я не
упаду,
На рыбалку собираюсь теперь в
следующем году.

МЫ ЖИВЕМ НА УРАЛЕ

Песня

Мы живем на Урале
У Озерной реки,
И по пермскому краю
Имя нам - пермяки.

Припев:

Эх, музыкант, веселее играй,
В сердце огонь разжигай.
Над пермской сторонкою
Лейсь, песня звонкая,
Славя уральский наш край.

В скуку не веря, живет молодежь
В нашем морозовском крае,
И потому у нас песня и труд
В ногу по жизни шагают.

Припев.

Весело, дружно живем на селе,
Работа на фермах и в поле.
Славим людей, кто упорен в труде,
За трудовые мозоли.

Приезжайте к нам жить на село,
Приезжайте в гости,
Будем вместе на пермских полях
Урожаи растить.

Припев.

ТРОПИНКА

Живу, живу в глубинке я
И в белый свет тропинкою,
Годами мною топтаной,
Я каждый день хожу.
И о своей тропиночке, как о своей судьбинушке
В душе с большим волнением
Я в песне расскажу.
Была пора весенняя, была пора счастливая,
И у ручья студеного черемуха цвела
Во полюшко широкое, под небо синеокое
Меня с любовью встретится
Тропиночка звала!
Прошло и лето жаркое, прошло оно, и жалко мне,
Что для меня отпели во ржи перепела.
Но лето не забылося, как жарко сердце билось,
Когда звенели радостно
В душе колокола.

И вот уж в снежной замята
Тропиночка, которая
Звала меня в далекие края.
И пусть кому-то кажется тропинка не приметною,
Мне став дорогой жизненной,
Тропиночка моя!

ПОЛЯ РОССИИ

За деревней, за крайними хатами,
Где большие стоят тополя,
Там угорами, перекатами
Распахнулись родные поля.

Эх, поля! Вы поля России,
Не за то ли вас любит народ,
Что богатырский размах и силу -
Русский хлеб - он с полей берет.

Издавна, из далекой стари,
Как стоит на земле отчий край,
В поле соху да серп с собой брали,
Чтоб с полоски собрать урожай.

Но мы ушли от некрасовской жницы,
Что квасок со слезами пила,
Мы зажгли коммунизма зарницы,
Жизнь колхозная в поле пришла.

И на смену подгорбленной спине
Да трудяге - гнедому коню
Мы ведем по полям машины
И задорную песню свою.

НОЧЬ НА СВЯТКАХ

Ночь на святках так чудесна
В царстве лунной тишины,
Удалось понаблюдать мне
За затмением Луны.

Спит земля под снежной шалью,
В лунном свете даль видна.
Постепенно, как вуалью,
Накрывается Луна.
Словно свет электросварки,
С неба землю озарит,
И к земле метлою яркой
Пролетел метеорит.
Сказку эту от природы
Удалось мне увидеть,
И теперь нам снова годы,
Чтоб увидеть, надо ждать.

10.01.01 г. 1ч. 15 мин.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Я живу на земле
Средь хороших людей,
Врагов нет у меня -
Зато много друзей.
Пусть друзья у меня
Без чинов и наград -
Зато с чистой душой,
И я встретить Вас рад.
Приходите ко мне,
Приезжайте ко мне
Приплывайте ко мне,
Прилетайте ко мне.
Если грустно тебе -
Я с тобой погрузу,
Если в радости ты -
Я тебе подпою.
Если болен мой друг -
Твою боль утолю,
Если голоден ты -
Я тебя накормлю.
Приходите ко мне
По зеленой траве,
Приезжайте ко мне,
Когда лес в серебре,
Приплывайте ко мне
По весенней воде,

Прилетайте,
Пока я хожу по земле.

ЖЕНЕ

Ты меня все ревнуешь к дорогам
Говоришь, мол, машину бросай
И спокойно тогда, без тревоги,
В деревеньке своей поживай.

Ну а я вот привык к расставаньям,
К нежным встречам я тоже привык,
И зовут меня в даль расстояния
И надежный мой друг грузовик.

И когда я в пути задержуся,
Не волнуйся и нервы не трать,
Все равно домой возвращусь я
На машине "02-35".

Годы, как километры,
Все бегут и бегут,
И когда-то в отставку
Мне напишут маршрут

Так хочу, чтоб на смену,
Вновь мотором ревя
Сели смело в кабину -
Вы, мои сыновья.

И чтоб кто-то с любовью
Ждал из рейса опять,
А вы к встречам спешили
На "02-35"

О ЛЮБВИ

Порой мне кажется, что я,
Совсем без паруса и моря,
Под белым парусом плыву,
С морской волною спора.

А то без крыльев и винта
Меня захватит высота,
И тут хоть сердце разорвись -
Несусь в заоблачную высь.

Ах, почему же я плыву,
Ах, почему же я лечу,
Себя на мысли я ловлю,
И сам ответ я дать хочу.

Да потому, что я горю,
Да потому, что я люблю,
А без любовного огня
Была б жизнь скучной для меня.

Не суждено б мне было плыть
И не набрать мне высоту,
Я без любви не смог бы жить,
А провалился б в пустоту.

Так пусть живет во все века
Любовь чиста и широка,
Любовь, как море, глубока,
Любовь, как небо, высока!

Я ТЕБЕ ПОДАРИЮ ЛЕГКОЙ ДЫМКИ ПЛАТОК

Я тебе подарю легкой дымки платок -
С голубою каймой, посредине цветок.
Ты оденешь его, головой повернешь,
Королевою в нем по деревне пройдешь.

Ты подружкам своим мой платок покажи
И о нашей любви, не тая, Расскажи,
Пусть узнает весь свет, я любовь не таю,
Что тебя я одну в целом свете люблю.
Ты платочек храни с голубою каймой.
Для меня будешь ты в нем всегда молодой.

ЗАЧЕМ ПРИДУМАНЫ РАЗЛУКИ

Зачем придуманы разлуки?
Для того, чтобы скучать,
И испытав разлуки скуку,
По почте письма получать.

Чтобы ходили почтальоны,
Приветы в сумках нам несли,
И расстаются миллионы
Людей хлопчущей земли.

Разлукой верность проверяют,
В разлуке чувства так нежны,
В разлуке люди понимают,
Как друг для друга мы нужны.

Зачем придуманы разлуки?
Не только, чтоб всю жизнь скучать,
А как пройдут разлуки сроки,
С большою радостью встречать!

В ПОЛЕ СОРВУ Я ЦВЕТОВ

В поле сорву я цветов,
Буду гадать на ромашке:
Любишь - не любишь, скажи, лепесток,
А сердцу так хочется ласки.

Хочется, чтобы ромашка-цветок,
Мне о любви говорила,
Хочется, чтобы ты сердце свое,
Мне одному подарила.

Буду тебя, как цветочек, хранить,
От непогоды укрою,
И не расплесканы чары любви
Я разделил бы с тобою.

ЖЕНА НАВОДИЛА ПРИЧЕСКУ

Жена наводила прическу
И вот у себя на виске
Стального излома сединку
Нашла, как осенний букет.
Я, веря тому и не веря,
Вздохматил свой рыжий висок,
Среди отливающей меди
Увидел седой волосок.
Так вот почему мы сегодня
Во сне не летим в высоту,
А с ужасом снится порою.
Что валимся мы в пустоту.
Ушедшую юность теперь нам
Осталось лишь вспоминать
Ее, как бы мы ни хотели,
На добром коне не догнать.
Что прожито, то - не вернется
А в будущем лучшего ждем.
И пусть седина остается -
Не смыть ее вешним дождем.

ИЗ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЛИРИКИ

Раз шофер привез вдове копейшку сена,
Вдовушка довольная была,
Позвала шофера в свои стены
И за работу хмельной бражки подала.
А вдова собой была прекрасна,
Морской волной вздымалась грудь вдовы,
И потому, как видно, не напрасно
Терял шофер рассудок головы.
Он бражку пил у ней за кружкой кружки,
Спустилась ночь, в избушке свет погас,
В объятья жаркие, на мягкую подушку
Упал шофер, а под окном стоял забытый "ГАЗ".

Жена шофера, все дела управив,
Еще с часок примерно пождала,
Дверь на замок, детей одних оставив,
Искать в деревню милого пошла.
В тиши ночной нашла его машину,
В сенной трухе, в кабине настезь дверь.
Из палисада выломив дубину,
В душе ее взревел ревнивый зверь.
На дом вдовы, она, словно в атаку,
Поднявши стяг, отчаянная шла.
В тиши ночной, перепугавши птаху,
Раздался звон разбитого стекла.
Услышав звон, шофер с переполоху,
В одних трусах он в палисад скочил,
И дрыном крепким от жены лупеху
За вдовушку сполна тут получил.
Она его с усердьем колотила,
А он со стоном подставлял бока,
О его ребра дрын переломила,
И лопнуло внутрих у мужика.
Полгода чах, звезда его скатилась,
Зимой снесли бедняжку на погост,
А жизнь, она не прекратилась,
Опять пришел в деревню сенокос.
И две вдовы, теперь они подружки,
Теперь никто к обеим не придет.
Теперь уж обе варят хмельну бражку,
Вдруг кто копешку сена привезет.

ЖЕНЩИНАМ

Пускай за окном метели
Снега на полях ворошат,
Но где-то с веселой трелью
Скворцы к нам с весною спешат.
И март, этот месяц व्यюжный,
Весенним уже называем,
И первый весенний праздник
Мы женщинам нашим справляем.

От их молока и ласки
Растет и цветет человечество,
От их утонченной мудрости
Крепчает родное Отечество.
Для них вся работа знакома:
Трудиться в науке и землю пахать
Иль, чайкой взлетев с космодрома,
Планете рукой помахать.

И женщин мы всюду встречаем -
Врачом, инженером, солдатом,
И женщину мы выбираем
В Верховный Совет депутатом.
Живите, растите, цветите,
Чтоб всем вам счастливыми быть,
Чтоб каждой из вас быть любимой,
Самим горячо чтоб любить.

ПОЖЕЛАНИЕ

Всех людей согрел б я лаской,
Всех врагов я б примирил
И цветов бы в сочных красках
Всем для счастья подарил.
Солнцем быть для всех хотелось,
Чтобы всем от счастья пелось,
В хмурый день чтоб ваше тело
Мое солнышко согрело.
В жаркий день ручьем струиться,
Путник чтобы мог напиться,
Иль травую шелковистой
Я б под ноги людям стлался,
Чтобы всем вперед идущим
Путь счастливым оказался.
Чтоб уютным мир казался
Юным, взрослым и седым,
Чтоб сквозь годы оставаться
Всем душою молодым.

КОГДА РАННЕЙ ВЕСНОЙ ВИЖУ ТРАКТОР НА ПОЛЕ

Когда ранней весной вижу трактор на поле,
Сизой гривой дым над его бороздой,
От картины такой, своей жизнью доволен,
И в душе становлюсь я опять молодой.
Потому и спешу на весеннее поле,
Тракториста прошу: "Дорогой ты мой друг!
Ты меня не гони, хоть и в этом ты волен,
Ты на тракторе дай мне объехать хоть круг".
И когда заберусь к рычагам я в кабину,
От волнения своего я просто дрожу,
И в просторы полей направляя машину,
В лобовое стекло, словно в юность, гляжу.
Хоть нынче другие моторы в работе,
По той же рабочей стезе
Я юным водил по полям этим НАТИ
Да, шпорой блестя, здесь водил СТЗ.

ЖЕНЕ В ДЕНЬ 62-ЛЕТИЯ

На орбите житейского круга
Всем нам точка опоры нужна.
Это точка для нас - плечо друга,
Этой точкой быть может жена.

Для меня жена - зоренька ясная,
Для меня ты - цветок на лугу,
Для меня ты, как солнышко красное,
Лучших слов подобрать не могу.

Я с тобой лишь могу быть счастливым,
И люблю я тебя горячо.
Даришь ты мне надежду и силу,
В моей жизни ты третье плечо.

Ну а если тебе станет тужо,
Если вдруг попадешь ты в беду,

Ты меня, как надежного друга,
В трудный час позови. Я приду!

По цветному приду разнотравью,
Я приду по глубоким снегам,
И тебя я в беде не оставлю,
И тебя я в обиду не дам!

12 марта 1999 г.

АЛЕКСАНДРЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ПУТИНОЙ

Не в царских роскошных палатах
И не в чистоте городской,
В крестьянской избе на полатях
Мы выросли оба с тобой.

Мы выросли не на конфетках,
Не шелк и парча на плече,
Была в пир, и мир нам фуфайка
С похлебкою в русской печи.

Нам на босоное детство
Печать наложила война,
И горький удел безотцовства
Пришлось тебе выпить сполна.

Мы, колец златых не имея,
Купили два медных кольца,
И прожил я жизнь, не жалея,
С тобою связав до конца.

Мы жили у маленькой речки,
Сколько в речке воды утекло.
Мне с тобою тепло и без печки,
Мне с тобой и без солнца светло.

Всю жизнь мы прожили в заботе,
Иметь чтоб кусок на столе,
Твоею любовью согретый,
Я счастливо жил на земле!

ВЕЛОСИПЕДУ

Что стоишь, друг, прижавшись к забору,
Верный спутник отроческих лет,
Иль забыл, как давали мы фору,
Двухколесный мой, велосипед.
Как бывало, вечерней порою,
На тебе я к девчонке спешил,
Много верст деревенской тропою
Я стальные педали крутил.
И когда мы катились вместе
По деревне до нашей реки,
Говорили, жених и невеста,
Нам кивая во след старики.
Только эти слова не сбылись,
И мой велик давно без колес,
А девчоночку ту в "мерседесе"
Городской себе в жены увез.
О прошедшем душа не томится,
И возврата к прошедшему нет,
Но порою зовет прокатиться
Спутник юности - велосипед.

Я ОТ РОДУ ДЕРЕВЕНСКИЙ ЖИТЕЛЬ...

Я от роду деревенский житель
И бросать деревню не спешу.
Колыбель моя, моя обитель,

Здесь я вольным воздухом дышу.
Пусть я вырос в маминых опорах,
Пусть морковки слаще не едал,
Туалет мой ветхий на задворках,
Санузлов столичных не видал.
Но себя несчастным не считаю,
Что город знаю лишь издалека.
И на ситро сегодня не сменяю
Я стакан парного молока.
Здесь знаком мне каждый сук в
простенке
В той избе, в которой я живу,
Гимны б пел я о родной сторонке,
Родиной которую зову!

ЖАЛЬ, НЕ СТАЛО В ДЕРЕВНЕ ВЕЧЕРОК...

Жаль, не стало в деревне вечеров,
А остались одни вечера,
Где найти тех ребят и девчонок,
Что умели плясать до утра.

Не найдешь их теперь и не сыщешь,
Давно папы и мамы они.
И от пляски "колхозной" давнишней
Вспоминанья остались одни.

Не висело афиш на заборах
И не нужно их было писать -
Приходи в клуб вечерней порою
Там "колхозную" будут плясать.

Гармонист прибыл с дальней деревни
И попал сразу в девичий плен:
Не отпустят, пока не сыграет
Он "колхозную" - девять колен.

И когда в веселом сборе
Плещет пляска, словно море,
В пляс идут пара на пару
Да дадут такого жару,
"Что в танцующем кругу

Пол сгибается в дугу.
Выйдет юноша с девушкой,
А девушка-то с частушкой.
Топнет парень сапогом,
А девчонка каблучком.
Тут "комаринская" с полькой,
Не жалея подметки только,
Все коленца хороши,
Хоть всю ночь иди пляши.
Всю "колхозную" пропляшем,
То доймет тебя до поту.
Ночь пройдет, и не заметишь,
Что пора и на работу.
Вместе с утренней зарей
Отправляемся домой.

МЫ ПОВСТРЕЧАЛИСЯ НА ТАНЦАХ

Мы повстречались на танцах,
И ты мне крепко руку жал
И целовать меня старался,
Когда до дому провожал.

Ты песни пел и улыбался,
Светил мне в девичьей судьбе.
И ты в любви мне признавался,
А я не верила тебе.

И ты ушел, я не грустила,
Тебя к себе я не звала,
Опять на танцы я ходила,
Другого рыцаря ждала.

Но показалось свету мало,
И прокляла тогда себя,
Когда подружку повстречала,
С моей подругою - тебя.

Подруга хоть не из красивых,
Но она розою цвела,
Она с тобой была счастлива,
А я-то счастье отдала.

ЖЕНЕ НА СЕРЕБРЯНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Позади двадцать пять вместе прожитых
лет:
Стала бабушка жена,
Стал и муж уже дед.
Серебро по вискам разливают года,
Молодыми душой должны быть мы
всегда.
И влюбленными пусть
Сердца наши стучат,
Продолженье любви,
Слыша в смехе внучат.
Пусть синхронно сто лет
Бьются наши сердца,
Свое чувство любви
Сохранив до конца.
А вернуть бы назад
Нам опять двадцать пять,
Мне бы снова решать,
С кем шагать по планете...
Я не стал бы менять, я бы выбрал опять
Саломатскую девушку эту!

1986 г.

ШИПЫ ДА РОЗЫ

Нам пчелы мед лечебный дарят,
За это нас так больно жалят.
Пчелиный яд - тоже лечение,
Но надобно иметь терпенье.
И так вся жизнь - шипы да розы...
Чем звонче смех, тем горче слезы.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

"Я последний поэт деревни"

С. Есенин

Я к Сергею с уважением,
Но в одном согласия нет -
С утверждением, что в деревне
Был последний ты поэт.
Да, Сергей, ты был поэтом,

Воспевал и хаял Русь,
Красил радужным все цветом,
Сеял радостную грусть.
Но деревню ты покинул,
Мир хотелось повидать,
В кабаке московском сгинул -
О деревне стал страдать.
И хоть пьян, хранил ты свято
Тот источник красоты,
Где кудлатые щенята
Залезают в хомуты.
Мать звала тебя к соломе,
Там где яблони кипят,
Ты сидел бы в исполкоме,
Она нянчила б внучат.
Не послушался ты маму,
Не вернулся ты домой
И оказался в петле пьяной
Своей светлой головой.
Горсть семян, солнцем согрета,
Сочной зеленью взойдет -
И в душе тогда поэтом
Каждый сеятель живет.
И пока под жаворонком
Морской волною в поле рожь,
Будет жить поэт в деревне,
И ты с ним в стихах живешь.

* * *

Хоть я в другом краю родился,
Но запленили и меня
Твои березовые ситцы
И жар рябинового дня.

Ты мог любить и хулиганить
И чудеса в стихах творить,
И потому тебе в Рязани
Сегодня памятник стоит.

Я никогда в Рязани не был,
Едва ль когда и попаду,

Но знай, что мысленно хотя бы
К твоим ногам цветы кладу.

ОТКОЛОСИЛАСЬ НИВА

Отколосилась нива золотая,
Страда волной скатилась с полей.
Чернея зябью, поле отдыхает
И провожает к югу журавлей.

Рисунок автора книги.

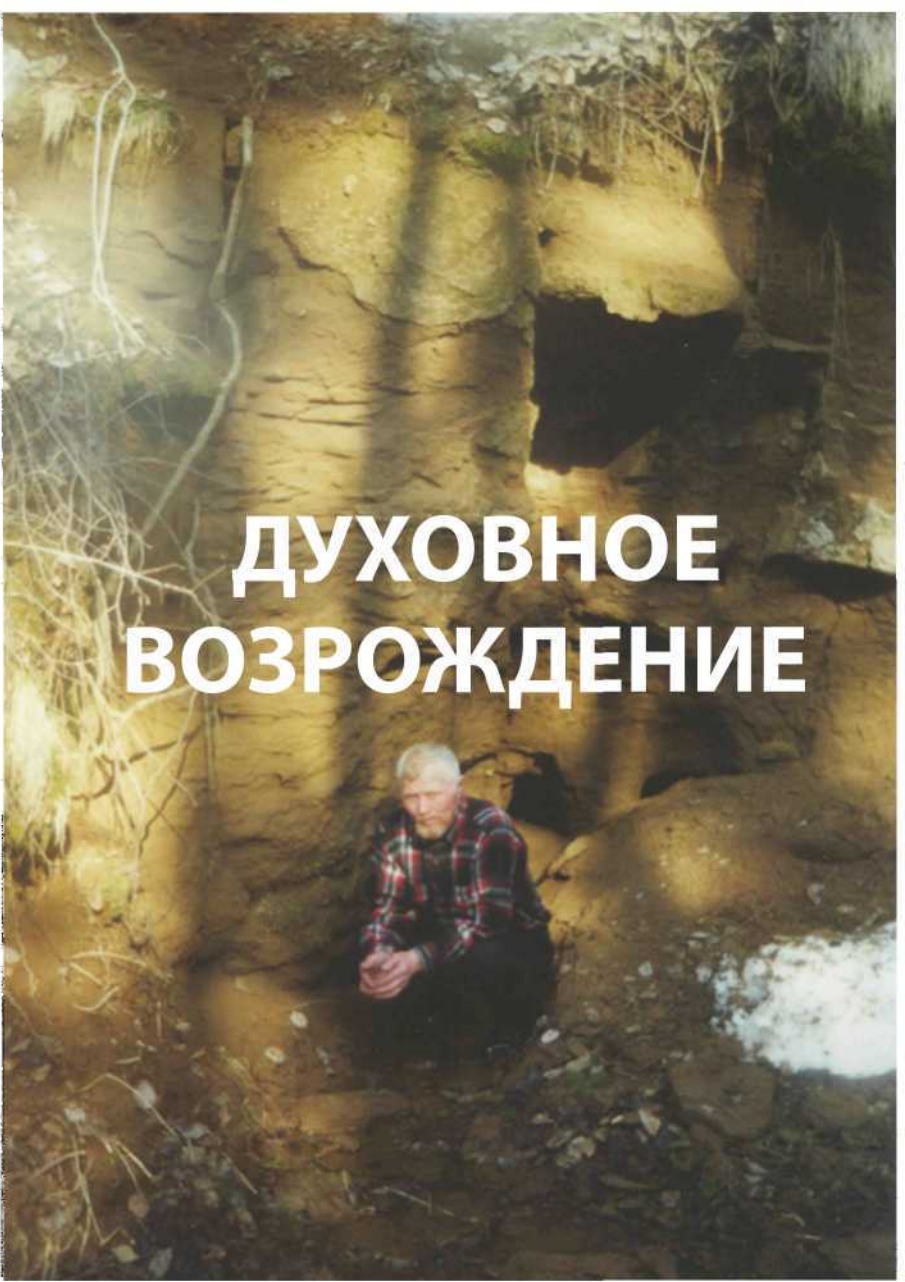
Ты помнишь, поле, как в апрельской неге,
Услышав первый окрик журавлей,
Словно бойцов, стремящихся к победе,
Весной встречало поле пахарей.
Они тебя лушили, боронили,
Зерном отборным засевали в срок,
А в дни страды комбайны выводили,
И в закрома лился зерна поток.

И вот теперь с тобой прощаюсь, поле,
А от прощенья в душу вкралась грусть,
Но счастлив я в своей крестьянской доле,
И, поле, верь - весной к тебе вернусь.

ПИСАТЬ СТИХИ

Писать стихи занятие не ново,
Сколь человек шагает по земле.
С седых пещер рифмованное слово
До нас дошло на каменной скале.
И если взять стихи поэтов,
Единой книжкой издать,
Последний автор с книги этой
Луну рукой бы мог достать.
Казалось бы, что все труднее
Стихами новое сказать,
Наверно, было бы вернее
Известных авторов читать.
Как мудро древние писали,
Через века волнует мир.
Себе бессмертие создали
Стихами Пушкин и Шекспир.
Но только вот живут поэты
С надеждой вечною в груди,
Что лиры лучшие, куплеты
Еще все будут впереди.
И потому, как эстафета,
Бегут стихи через века.
В тетрадь у юного поэта
Ложится новая строка.

1997 г.

A photograph of a man with grey hair and a beard, wearing a red and black plaid shirt, crouching in front of a large, layered rock formation. The rock face has a dark, cave-like opening. The scene is dimly lit, with some light reflecting off the rock surfaces. The text "ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ" is overlaid in large white letters.

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

ПРОСТИ МНЕ, БОГ...

Прости мне, Бог, что я не знаю,
Я православный иль кержак?
Гром не гремит, не вспоминаю
Я имя Божье просто так.
Прости мне, Бог, что я родился
В такой стране в двадцатый век,
По воле партии лишился -
Здесь вера в Бога, - человек,
Мне говорил учитель в школе,
Снимая с детской шеи крест,
Что нет на свете Божьей воли,
А воля партии лишь есть.
Когда на воинскую службу
Меня Отчизна позвала,
В дорогу мать с благословеньем
Мне медный крестик подала.
И я носил, пусть не на шее,
Его хранил я в портмоне,
Истерся он среди копеек,
Но был всегда так дорог мне.
Раз на ученье, на привале,
Солдат стал шарить по траве,
Что утерял он, мы не знали,
А он молчал и был во зле.
Уже команда к построению
А он все шарит, рвет траву,
И вдруг воскликнул от волнения
И к небу вскинул голову.
Что же искал солдат российский,
Готовый сжечь траву окрест,
С земли поднял он не мальтийский -
Простой славянский медный крест.
И к строю шел такой смущенный
Он, опустив к земле глаза,
И по щеке его катилась
Скупая, чистая слеза.
И мы все взоры потупили,
И мысли были не просты,
Мы видно втайне все хранили,
И веру в Бога, и кресты.

МЫ ХРИСТИАНЕ

Мы христиане от рождения
И до могильного креста.
Ведём летоисчисленье
Со дня рождения Христа.
С детских елок новогодних
К нам приходит торжество,
А затем, через неделю,
Русь встречает Рождество.
Здесь гаданья и колядки,
Ходят ряжены гурьбой,
По России едут святки,
С бубенцами под дугой.
И крещенские морозы
Россиянам не страшны,
На стекле оконном розы,
Как предвестники весны.
И на масляной неделе
От нас зимушка-зима,
Помахав рукой метельной,
Катит под гору сама.

ОТ ВИФЛЕЕМА ДО ГОЛГОФЫ...

От Вифлеема до Голгофы
Все мы знаем о Христе,
Что Божий Сын при Каиафе
Был распятый на кресте.
То библейское ученье
Обсуждать я не берусь,
Но тыщу лет после крещения
Во Христа верит Русь.
Сколько храмов златоглавых,
Как шеломы, купола.
Медный звон во Божью славу
Льют на Русь колокола.
Но пришел к нам век двадцатый,
Бес сказал нам: "Бога нет",
И велели верить свято
Всем в партийный комитет.

Мы в церквах открыли клубы
С пьяной пляской под гармонь,
Вмест крестов подняли трубы,
В алтарях зажгли огонь.
В церквах мельницы и склады,
В них могли доить коров,
Создавали здесь бригады
Для ремонта тракторов.
И пошли мы брат на брата,
Сын готов убить отца,

Здание бывшей церкви.

И росли наши ребята
Без крещенья и венца.
Не умереть бы нам духовно
И на Руси безродными не быть -
Нам в стены храмов катать бревна,
Чтобы Россию возродить!

ДАВНО ЛИ ЖИТЕЛИ ОЧЕРА...

Давно ли жители Очера,
Не зная, где ж лоб перекрестить,
По воле Божьей, очень скоро
Смогли две церкви освятить.

Сперва Михайло-Архангел
Разлил над прудом медный звон,
И потянулись прихожане
К его кресту со всех сторон.
Тут собрались старообрядцы,
Для них Архангел не указ,
Они свои читают святцы,
Им нужен свой иконостас.
И сил приложено не мало,

В Михайло-Архангельской церкви.

Труд от зари и до зари.
Из клубов, мельниц в храмах старых
Чтоб вновь стояли алтари.
И я не против веры в Бога,
И, в храм войдя, перекрещусь,
Чтоб от церковного порога
Светлее вдаль смотрелась Русь.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Тот обычай старинный
В душе не отверг,

Поднимусь я пораньше
В Великий четверг.
Поспешу на реку, чтоб умыть образ
свой,
Из пригоршни напьюсь ключевой
водой.
А затем перечту я монеты и скот,
Чтобы жить на земле без нужды и забот.
Чтобы в душу мою Бог послал чистоту,
Чтоб мог людям дарить я свою доброту.

ХРИСТОС, ПРОСТИ!

Когда я с грешною душою
Встаю пред царские врата,
То остается за спиною
Моя земная суета.

И, поклонясь иконостасу,
К челу приложив два перста,
Гляжу в волнении и страхе
Я на распятие Христа.

Ну как же так вот получилось,
Что жил среди нас Божий Сын,
Законам Божиим он учил нас,
И нам бы вслед шагать за ним.

Но слушать мы не захотели
По своей глупой темноте,
Венок терновый мы одели
И с ним распяли на кресте.

Теперь вот два тысячелетия
Его возврата в страхе ждем,
За те издевки и проклятия
Мы все на Божий Суд пойдем.

И за все наши преступления
Другого нет у нас пути,
Как, вставши в храме на колени,
Просить Его: "Христос, прости!"

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Христос воскрес!
Христос воскрес!
Христос воскрес!
Еще такого небывало,
Чтобы живое существо
Вновь после смерти оживало.
Учил нас жизни Божий Сын,
Но, мы учению не вняли,
А озверевши, словно псы,
Мы на кресте Его распяли.
Нам говорили - Бога нет!
Вводя запреты и законы,
А Божий Сын сквозь толщу лет
Все на меня глядит с иконы.

ОТЦУ ВАЛЕРИЮ

Была случайной встреча эта,
Чтобы обычай соблюсти,
К одной старушке в час предсмертный
Священника просили привезти.

Поехал я в недалний город
В старообрядческий приход
Был сбор священника не долог
Когда услышал просьбу тот.

Знавал священника здесь прежде,
То был уж дряхлый старичок.
Теперь стоял, как дуб ядреный,
Широкогрудый мужичок.

Он с шевелюрою богатой,
Хоть голова и не седа,
Чуть не до пояса, лопатой,
Висит густая борода.

... Бежит дорога под колеса,
Бежит с угора на угор,
Я с собеседником хорошим
Веду душевный разговор.

Я говорю: "Такой могучий,
Да Вам бы на лесоповал,
Там с бородой своей дремучей
В лесу бы лешего пугал".

Священник только улыбнулся,
Собрав морщинки возле глаз,
И о судьбе своей поповской
Поведал мне такой рассказ.

Что он, священник волей Божьей
И благодарен он судьбе,
Что был рожден он и воспитан
В старообрядческой семье.

Что был когда-то он рабочим
И был электрик - высший класс,
В душе своей он днем и ночью
Все громче слышал Божий глас.

Бог звал его: иди к народу,
И Мое слово понесешь,
То света больше, чем электрик,
В душе народа ты зажжешь.

И ты, мой брат, не насмехайся
С улыбкой едкою в груди,
А лучше ты в грехах покайся
И в церковь к Богу приходи.

...Вот и обратная дорога,
Исполнив требу, катим мы.
И мне казалось, понемногу
Катился к Свету я из Тьмы.

Теперь огромное спасибо
За то, что в церковь я хожу,
Став на ступеньку к Богу ближе,
Отцу Валерию скажу.

ГРАЖДАНСКАЯ ТЕМА

МНЕ ТРУДНО В ЖИЗНИ РАЗОБРАТЬСЯ...

Мне трудно в жизни разобраться,
Я не политик, не герой,
Но в жизни б я хотел остаться
С людьми и с чистою душой.
И я не буду лицемерить,
Что нам легко в России жить,
Но я хочу в Россию верить
И труд во благо приложить.
И будь Верховные палаты
Иль развалившийся колхоз,
Мы все пред Русью виноваты,
Что не сумели везти воз.
Но нам не в поисках виновных
Сегодня время проводить.
А вместе в стены катать бревна,
Чтобы Россию возродить.

МОСКВА

Я сегодня гость столицы
Славной Родины моей,
И на плечи мне ложится
Пух московских тополей.

Да, столица, ты прекрасна
В пышной зелени своей,
Город мужества и братства,
Город-памятник, музей.

Побывав в дворцах и парках
Стадионах, площадях,
Представляем очень ярко
Мощь и ум в твоих людях.

Ты старинна, ты и нова,
Гостеприимна и грозна.
И тобой, Москва, недаром
Так гордится вся страна.

Мой визит в Москву окончен,
Путь мой ляжет на Урал.

Но надолго я запомню,
Что в столице повидал.

МОЕ СЧАСТЬЕ

Течет золотою струёю
Из бункера в кузов зерно,
Рожденное русской землёю,
Крестьянской рукой возвращено.

Беру я граненые зерна,
Пригоршней к губам подношу,
И радости грудь моя полна -
Я запахом хлеба дышу.

Комбайнер в пыли, только зубы
Улыбку его выдают,
Он рад этим зернам, в которых
Его величается труд.

И я разделяю с ним радость,
Великую радость творца.
Ведь хлеб - это счастье,
А труд - это песня,
Которой не надо конца.

УГОЛЬ

У дороги в Гремячинск,
Край уральский хваля,
Символ славы шахтерской -
Лежит глыба угля.
Кто его положил
Людям всем напоказ,
Тот незримо ведет
Об Урале рассказ.
Камень угольный -
Уголь каменный,
Но для тех, кто идет в забой,
Для шахтеров -
Людей с сердцем пламенным,
Он не каменный -- золотой.

Я МОЛОД БЫЛ

Я молод был, лохматен, грязен,
Но благодарен был судьбе,
Что был я с техникою связан,
Был дан мне трактор ХТЗ.
С ним, правда, всякое бывало:
Бил рукояткой, грудь крестя,
Но все ж, как сердце ликовало,
Когда он шел, на солнце шпорами
блестя.
Тех тракторов давно не стало,
Ушла и юности пора,
Не потому ль весной волнует сердце,
Когда на поле вижу трактора.
Гонимы вешними лучами,
Снега покинули поля,
И своей встречи с пахарями
Ждет отдохнувшая земля.
И пахарь ждет, тревоги полон,
Когда придет его пора:
Перекликаясь с первым громом,
На поле выйдут трактора.

О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ

Чтобы скот сохранить на Урале,
Чтобы сытной зимовка была,
Нас в Сибирь за соломой послали,
И Сибирь нас тепло приняла.

Не погоду имею в виду я,
Здесь, в Сибири, мороз не слабей,
Мы за Омском, в степях Прииртышья,
Повстречали хороших людей.

Мы людской теплотою согреты -
Оттого и Сибирь нам теплей.
В Генераловке нас тетя Паша
Приняла, как родных сыновей.

В ее хате мы сыты и сухи,
Как домой, к ней идем ночевать.
И ее материнские руки
Мы готовы за то целовать.

За ее материнское сердце.
По-украински щедрый прием,
Когда Парасковью - хозяйку
Мы сибирской мамашей зовем.

Тебя, Сибирь, нам надо видеть,
В тебе, Сибирь, нам надо жить,
Чтоб о тебе и твоих людях
Нам в полный голос говорить.

Там с титаническим размахом,
Что описать я не берусь,
Лежит страна, кузнец и пахарь,
С коротким емким словом Русь.

ОТ МЕНЯ ГОРИЗОНТ УБЕГАЕТ...

От меня горизонт убегает,
Как я быстро к нему ни стремлюсь,
Под колеса машины бросая
Даль дорог, необъятную Русь.

Я топчу те дороги в стремлении
Ухватить за край неба рукой.
И бегут города и селения
Предо мною блеснуть красотой.

Мне навстречу леса и озера,
Мне навстречу хороший народ.
Уж такая работа шофера -
Мчаться к людям и к миру вперед!

ПЕСНЯ О ГЕНЕРАЛОВКЕ

Средь высоких хлебов,
Прииртышских ветров
Там, где хлебное море шумит.
Есть в Сибири село:

Ни большо, ни мало -
Генераловка наша стоит.
Любя песню и труд,
Украинцы живут
На сибирской земле с давних пор.
О любви и труде,
О счастливой судьбе
По-украински здесь разговор.
Хаты белые в ряд
В мир с улыбкой глядят,
И людей здесь встречают любя
За сибирский простор,
Украинский говор,
Генераловка, любим тебя!

ОСТАЛИСЬ ПОЗАДИ КИЛОМЕТРЫ

Остались позади километры,
Позади нас большой перегон,
Но как пели сибирские ветры -
И сегодня в ушах стоит звон.

Мы дороги Сибири топтали
В Прииртышье холодной порой,
Там солому в степях прессовали
И ее отправляли домой.

Мерзли люди, машины ломались,
Но все, словно солдаты в бою,
Там невздам друзья не сдавались,
До конца оставаясь в строю.

Пусть морозы нас там не щадили,
Ветер пусть обжигал нас степной,
Как бы ни было, мы победили
Неподкупною дружбой мужской.

ПУСКАЙ ЗИМА НАС ДОЛГО ДЕРЖИТ

Пускай зима нас долго держит
Под снежным пасмурным крылом,
Но о зиме мы рассуждаем,
Как о прошедшем, о былом.

Теперь весенние заботы
В душе крестьянина легли:
Как лучше справиться с работой
Нам на полях родной земли.
Вот бригадир по стану ходит
Под шум грачей, скворцов, ворон,
Готовность к севу проверяет
Всех сцепок, сеялок, борон.
Агроном спешит ко складу,
Ведь для него своя весна:
Еще разок проверить надо,
Готовы ль к севу семена.
И зоотехники на ферме
В кормах меняют рацион,
Чтоб со скотиной без упадка
Прийти налетний перегон.
Вот потому-то, словно боя,
Весну с тревогой пахарь ждет.
Не зря в народе говорится,
Что день весенний кормит год.

О КОМБАЙНАХ

Стоят на стоянке, остыв после жатвы,
Помыты комбайны в ряд.
И кажется мне, что они меж собою
О прожитых днях говорят.
Вот рядом две "Нивы" -
Нарядны, красивы,
Лишь нынче поставлены в строй,
И им посчастливилось пробовать силы
На ниве уральской, во ржи золотой,
А этот комбайн поставлен в сторонку -
Он вычищен, чисто помыт,
Но кажется мне, он грустит втихомолку,
Стесняясь за старческий вид.
А был он когда-то такой же красивый,
Как витязь стосильный, ходил по полям.
Хозяин его, человек не ленивый,
И радость побед с ним делил пополам
И люди ценили рабочую поступь,
Стремление быть впереди -

Сверкала на бункере звездная россыпь,
И орден сиял на груди.
Но жизнь, как есть жизнь,
Ничто в жизни не вечно,
Пусть вечной всегда на земле будет жизнь.
И ты не сердись, наш комбайн, друг сердечный,
Что кто-то догнал и кричит: "Сторонись!".
Ты в этом движенье увидишь
Продление жизни своей,
И с доброй отцовской улыбкой проводишь
Ушедших вперед сыновей.

ТРАКТОР СХТЗ

Пришел на поля ты "Фордзоном",
Был мощью пятнадцати сил,
И соху прижавши к забору,
Копыто коню приступил.
Шло время, на смену "Фордзонам"
По той же счастливой стезе,
Играючи солнцем на шпорах,
Советский шагал ХТЗ.
Деревня сбегалась на поле -
Увидеть стального коня,

Махал поп с испугу кадилом,
Нечистую силу кляня.
Теперь к космонавтам привыкли,
Подумаешь, в космос летал,
Тогда же казалось чудом -
Железный конь поле пахал.
Крестьянские парни коня оседлали,
Который дала им страна:

Пахали да жали, страну поднимали,
Да вот, помешала война.
В военные годы девчонки
Сжимали железный штурвал,
А парни садились на танки,
И Гитлер от них отступал.
Давно тракторов тех не стало,
Другие моторы гудят,
И жаль мне, что на пьедесталах
Их мало сегодня стоят.
Мы в вихре забот позабыли,
В тылу кто победу ковал,
Чтоб рядом с Т-34
Колесный тот трактор стоял.

БЕГУТ ГОДА

О, Боже! Как бегут года!
Давно ль стоял в строю солдатском,
Теперь седеет голова,
И счет годам шестой десяток.
Винить судьбу причины нет,
И в доме вроде бы достаток,
А прежнего веселья нет,
Так как года... шестой десяток.
Мы прежних песен не поем,
И петь их вроде бы стыдимся.
И в клуб на танцы не идем,
А к телевизору садимся.
По вечерам болит спина,
И руки чувствуют устаток.
Причина, видно, тут одна -
Идут года, шестой десяток.

МЕЧТОЮ ДЕТСКОЮ СВОЕЙ...

Мечтою детскою своей
Я плыл средь сказочных морей.
Быть покорителем хотел
Всего воздушного простора,
А в жизни вышло все скромней,
Лишь одолел в судьбе своей
Я участь деревенского шофера.

До службы поле бороздил,
На службе там тягач водил,
Со службы я в колхоз опять,
Где дали старенький "ЗИС-5".
Скрипела деревянная кабина.
Механик, бывший фронтовик,
Хвалил: "Вот это грузовик",
Мол, лучшая военная машина.

И я ему, чтоб доказать,
Что я люблю его "ЗИС-5",
Что я и сам чего-то тоже стою,

Что я и сам еще не слеп,
Цеплял за старый "ЗИС" прицеп,
И возил трубы с Мелиоводстроя.

И годы чередой прошли, "ЗИС-5" в
предание ушли.
Теперь их встретишь лишь на пьедестале.
Теперь "КамАЗ" да "Жигули" - на
автострадах короли,
А "Газ" да "Зил" колхозниками стали.

Теперь седеет голова, и обменять бы
мне права,
Наштамповать там всяких категорий.

Подумаю, да наплевать, на букву "Е"
мне и не сдать,
И выгонят под старость из шоферов.

ТЯЖЕЛО МНЕ ПОРОЙ ПРЕДРАССВЕТНОЙ...

Тяжело мне порой предрассветной
День встречать с тупой болью в груди,
Терзать душу свою безответно:
Неужель, моя жизнь позади?
Неужель, моя песенка спета?
Впереди мне не брезжит рассвет,
Руль сжимая, с душою поэта
Я спешил по земле, чтоб оставить свой
след.
Пусть мой жизненный путь был не

гладким -
Я ни Бога, ни черта не буду корить.
Жизнь свою прожил я без оглядки,
Жизнь я буду лишь благодарить.
Жаль, что мало я сделал хорошего
Для семьи, для страны, для людей,
Но умру коль, болезнью подкошенный,
Не страшася кончины своей.
Пройдут годы, меня здесь не будет,
Забурьянит родные места.
Темный ельник и в праздник, и в будни
Будет петь у моего креста.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Других языков я не знаю,
А к этому с детства привык.
Поэтому и прославляю
Богом данный мне русский язык.
Он и ласковый, он и сердитый,
Он лиричен, напевен, простой.
В русском слове для нас знамениты
Стали Пушкин, Некрасов, Толстой.
Я с любимой на нем объясняюсь,
И она мои чувства поймет.
Сочным матом по-русски ругаюсь,
Когда зло мою душу прожжет.
И по-русски молюся я Богу,
И по-русски я песни пою,
Я по-русски сказать хочу много
Про родную Россию свою!

ПРОЩАЙ, МОЙ "ЗИЛ"

Прощай, мой "ЗИЛ"! Прощай, приятель,
Если можешь, то прости.
Я пред тобою, как предатель,
Бросил тебя среди пути.
Теперь другой рукой ведомый -
Твои дороги впереди,
А я пешком пойду до дому,
И коль догонишь - посади.

И я скажу тебе спасибо,
Ты одевал меня, кормил.
Из тридцати трех лет шоферских
Я три с тобою разделил.
Теперь в лужковском сельсовете
Я называюсь головой,
Моя служебная машина -
Изгнивший "ГаЗик" бортовой.
О старый "ГаЗ", мое начало
И моей старости удел.
Я снова сев в твою кабину -
На тридцать лет помолодел.

САНТА-БАРБАРА

Помню, в года молодые,
Точный год мне не назвать,
Когда начали в России
Санта-Барбару казать.
Там интриг, страстей немало,
Но нигде не виден труд.
Потому те сериалы
"Мыльной оперой" зовут.
Не скажу, что от тех опер
Никакого толку нет,
Где-нибудь да как-нибудь
Свой они оставят след.
От Изауры "фазенды"
На Руси теперь стоят,
"Крузом", слышал, наши бабы
В деревнях зовут телят.
Видел "Джину" кобылицу
Видел хряка я - "Сиси".
Так вот сказка-небылица
Станет былью на Руси.
Мне уж скоро в гроб ложиться,
Протекли мои года,
А вот Иден, Круз да Джина
Не стареют никогда.

1997 г.

КАК МНОГО В РОССИИ ТЕПЕРЬ БЕЗРАБОТНЫХ...

Как много в России теперь безработных:
Стоят на учете на бирже труда.
Иной и при этом живет беззаботно,
Работать идти не спешит никуда.
И я не пойму, как же так получилось,
Теперь заграничное пьют и едят,
Деревня российская вся развалилась,
А мужики без работы сидят.
Мы все утонули в словесной баталии,
И все за границу лишь только глядят.
Силосный комбайн везут из Италии,
Свои же заводы без дела стоят.
И если впредь, как манну с неба,
Из-за границы блага ждать,
То не пришлось бы вместо хлеба
"Дирол" без сахара жевать.

БЫЛА ПОРА

Была пора, дождь люди ждали,
Пусть он бы лил, как из ведра,
А люди б только ликовали,
Но жгла июньская жара.

Ни облачка в бездонном небосводе,
Хлеба засохли, нет кормов.
Засуха! Говорят в народе -
Тяжелый год из всех годов.

А время шло, страда настала,
Хоть низок хлеб, а надо жать.
И тут небесну кадь прорвало
И стало землю поливать.

Лохматым пологом нависли,
Скрыв солнце, тучи над землей.
Дороги и поля раскисли,
И колос сник к земле сырой.

Комбайны в поле и дежурят,
Лишь чуть подсохнет, жать пойдут.
Комбайнеры с досады курят

И поднебесную клянут.

Для них бы солнца луч струился
По хлебной ниве шел гулять.
Эх, жаль! Народ не научился
Пока природой управлять.

1973 г.

О КРЕСТЬЯНСТВЕ

Крестьянин в России - подопытный
кролик.

Все крутят и вертят его, как хотят.
То он крепостной, живет в барской
неволе,

А то на кулацком подворье батрак.

И только дождался заветной полоски -

И с нею расстался, хоть жалко до слез,

Погрузил семена и на конской повозке

Он с лошадьёю вместе приехал в колхоз.

Колхозная жизнь была тоже не сахар,

Годами трудились, не видя рубля.

Но в лучшую долю всегда верил пахарь,

Ту веру и силу давала земля.

Мы вынесли все: и войну, и налоги,

Немало истерто лаптей.

Порою казалось, протягивай ноги,

Но поле звало: "Надо жить! Иди, сей!"

И не одно поколение

Трудилося ночью и днем,

Колхоз чтоб поднялся с коленей,

Деревня чтоб шла на подъем.

И в поле, на смену лошадке,

Натужно рокочет мотор.

Деревня была стройплощадкой,

Звенели пила и топор.

И новые люди в деревне

Живут, тракторист и шофер,

И вместе с дояркой на ферме

Сегодня электромонтер.

Кому-то казалось косо,

Что Русь поднималась с колен.

Вставляли стали палки в колеса,
И в этом помог президент.
Он президентским указом
Колхоз разделил на паи,
И кой-кто от радости сразу
Пропили наделы свои.
И что наши предки нажили,
В колхоз вложив силы свои,
Потомки их труд развалили -
С итогом пришли на нули.
И вместо пшеницы на поле
Растет двухметровый бурьян
И кто той картиной доволен?
Кто ввел вновь крестьянство в обман?
А там, где нет постоянства,
Сползают с крестьянства штаны,
А там, где не будет крестьянства,
То там и не будет страны.

НАША ЖИЗНЬ, КАК ЗАЖЖЕННАЯ СПИЧКА

Наша жизнь, как зажженная спичка,
Много ль даст спичка в мире тепла?
А иная еще и погаснет при вспышке,
А друга на ветру догорает дотла.

И за это короткое время,
Что дано нам, как спичке, гореть,
Своим сердцем горячим, как пламя,
Надо всех осветить и согреть.

Жизнь прожить надо так постараться,
Что когда придет смерти пора,
Чтоб потомки могли бы собраться -
У твоева согреться костра.

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

*"Только не сжата полоска одна
Грустную думу наводит она "*

Н. Некрасов (Ноябрь 1854 г.)

Стою я у края несжатого поля,
Волнения снова сдержать не могу,
И сердце в груди замирает от боли
При виде, как хлеб погибает в снегу.
Торчит из сугроба неубранный колос,
Он тянется к свету из всех своих сил.
И кажется мне, я его слышу голос,
Ко мне наклонясь, робко просит:
"Спаси!".

А где же тот пахарь, который здесь сеял?
Иль не по силам работу затеял?

Может, он болен, и сам еле дышит,
Голос о помощи хлебный не слышит?
Пахаря встретил - он жив и здоров,
Много сказал он нерадостных слов:

Ранней весною засеял он поле,
Старый комбайн он к уборке готовил,
Жатку исправил, мотор перебрал,
Странной поры он как праздника ждал.

Время пришло - налилось зерно,
В бункер комбайна просилось оно.

Но вот беда - в период тот жаркий
В нашем хозяйстве не стало солярки.

В погожие дни: в сентябре, октябре
Стоял мой комбайн на машинном дворе.

А там уж дожди, за дождями снега,
В снегу по колено уж тонет нога.

Вот так и пришлось хлеб в снегу
хоронить,

И надо ли пахаря в этом винить?

Может, повыше спросить руководство,
Кто развалил на селе производство?

Из сводки районной мы знаем: давно

У добрых хозяев - в амбаре зерно.

У нас лишь не сжата полоска одна,

Грустную думу наводит она.

10.12.97 г.

ТАК НА РУСИ ДАВНО СЧИТАЛИ...

Так на Руси давно считали,

Чтоб долг был красен платежом,

А что без спросу где-то брали -
То называлось грабежом.
И не считалось нам зазорным
Для пользы дела и занять,
После пожара иль погрома
Хозяйство на ноги поднять.
Мы помним, как после фашистов
Лежали в пепле города,
В казне союзной было пусто,
Что было делать нам тогда?
Как из руин стране подняться,
К кому за помощью пойдем?
Решили: надо подписаться
На государственный заем.
И на народной той копейке
Из пепла встали города,
И в деревенскую глубинку
Пришли электропровода.
Когда спустя десятилетия
Собрались деньги возратить,
То многим, давшим деньги эти,
Пришлось лишь свечки засветить.
Лихое время пролетело,
Немного стало легче жить,
И появилась нам возможность
В сберкассу деньги положить.
Нет, это были не излишки -
Излишка нету никогда
Ведь клали люди на сберкнижки
Итог нелегкого труда.
Идут, бегут десятилетия -
В лицо нам ветер перемен,
На Конституции поклявшись,
Страною правит президент.
Исчезли звезды на знаменах,
Над Русью вновь орел парит,
И президентская команда
Из "новых русских" состоит.
Они до власти как дорвались,
Тащили все, кто сколь могли,
И на счетах у нас остались

От вкладов наших лишь ноли.
Теперь по вкладам рассчитаться
У нас не выдержит бюджет.
Но если честно разобраться,
То денег тех в России нет.
Они сегодня на Канарах
Да в банках западных лежат.
Так почему же не на нарах
Прихвизаторы сидят?
Народ дает один совет
Кремлевским аппаратчикам:
Вы не мутите белый свет -
Верните деньги вкладчикам.
Публикация в газете "Очерский край"

ИЗ СИБИРСКОЙ ТЕТРАДИ

Над Западной Сибирью льют дожди,
Над Западной Сибирью непогода.
Ты, милая, меня скоро не жди,
В руках моих здесь нету вездехода.
Прошли для нас золотой поры деньки,
Настало время осени унылой.
Буксует "ГАЗ", желанью вопреки,
На черноземе скользком, словно мыло.
Не думайте, что вас я позабыл,
Не думай, что домой мне неохота.
В мечтах своих давно б я дома был,
Да держит здесь тяжелая работа.
Как хочется сейчас прийти домой,
Как хочется в своей помыться бане
И лечь в постель с любимой женой...
Желания, желания, желания...

1973, 1980 гг.

ИЗ ТЕТРАДИ ПРЕД. СЕЛЬСОВЕТА

Я сам не думал, не гадал,
Вдруг председателем я стал.
Простой шофер, без партбилета,
Служу в Лужковском сельсовете.
Сижу в кресле, как на коле,
Передо мной ряд телефонов,

В шкафу пылятся стопы книг,
Постановлений, свод законов.
Законы эти надо знать,
Но я в них мало понимаю.
И потому я книги те
Из шкафа и не вынимаю.
Усвоил я один закон:
Имей в запасе лишь талон
На водку, мыло и на сахар -
Тогда советский наш народ
За председателем пойдет
В одном строю - кузнец и пахарь.
1988-1991 г.

НА РАСПУТЬЕ

Россия снова на распутье,
России снова выбирать -
Какой в дальнейшем в мире быть ей,
В какую сторону шагать.
Толи под флагом полосатым
На лбу с распластанным орлом,
Толь под молоткастым и серпастым,
Кровью обмытым кумачом.
Нам важность этого момента
Нельзя пустить на самотек.
Нам надо выбрать президента,
Чтобы Россию вел вперед.
Не надо нам опять талонов
На водку, сахар и муку
И тех столыпинских вагонов,
Чтоб нас везли на Колыму.
Не нужен кодекс коммунизма,
А надо Библию читать
И десять заповедей Божьих
Всем неустанно выполнять.
Не надо нам пустых заводов,
Весной непаханных полей
В стране воюющих народов
И мафиозных главарей.
И не нужны нам "ножки Буша",
И сникерсы нам не нужны.

Нам не чужие басни слушать -
Нам трезвы головы нужны.
Чтобы рабочий и крестьянин
Хозяин был в своей стране,
И чтобы имя - Россиянин
Звучало гордо на земле!

1992-99 гг.

К ВЫПУСКНОМУ ВЕЧЕРУ В ОСШ №1

Когда под курицу-наседку
Чужие яйца кладут,
То верят в то, что все цыплята
Тепло и ласку здесь найдут.
И пока малые цыплята
Свой пух не сменят на перо,
Наседка с ними вся в заботе,
Стараясь делать им добро.
Но вот цыплята вырастают,
Уже им тесно под крылом,
И их наседка выпускает -
Согретых лаской и теплом.
Когда родители за руку
Дитя к учителю ведут,
То верят в то, что путь в науку
Дитя с учителем найдут.
За годы долгие учебы
Весь класс - единая семья,
Хотя не братья и не сестры,
А просто школьные друзья.

КОМУ КАК, А МНЕ МАШИНА...

Кому как, а мне машина
В моей жизни, как жена.
Больше чем на ней морщинок,
Тем дороже мне она.

И на жизненных ухабах,
Если что-то заскрипит,
Значит, там подтяжка слабо,

Значит, там что-то болит.

Ну а если к непогоде
Барахлит сердце-мотор,
В молодые значит годы
Не жалел его шофер.

И хотя проходят годы,
Я присох словно к рулю.
С каждым днем жена дороже,
И машину я люблю.

О ГИМНЕ

Был гимн Советского Союза -
На труд и на подвиги нас вдохновлял -
Теперь этот гимн богачам толстопузым
Костью колючей в их горле застрял.
Наш гимн, войной опаленный,
Звучал во всех концах земли,
Когда фашистские знамена
На Красной площади легли.
А помните, в шестидесятых
Как он торжественно звучал,
Когда впервые мир с орбиты
В Москве Гагарина встречал.
Сегодня многие поэты
Занялись гимны создавать,
Любого шлагера куплеты
За гимн российский выдавать.
Да только что-то не поется,
Стихи, быть может, хороши...
Сильнее сердце не забьется,
Коль в них не вложено души.
Возьмите песенку "Катюшу" -
Поем мы многие года.
В нее создатель вложил душу,
И песня с нами навсегда.
Вот так и гимн в душе народа
Десятилетия живет.
Так пусть и впредь нас через годы
На труд и подвиги зовет!

НАРКОМАНЫ

Раньше мы лечили пьяных,
Говорили: "Пьянству-бой!".
А сегодня наркоманы
Ходят улицей гурьбой.
Есть артисты и спортсмены,
Чтоб достичь пик высоты,
На дистанции и сцены
Не идут без наркоты.
Кто дурную курит травку,
Кто-то колетса иглой,
А затем получит справку,
Что для службы он больной.
А болезнь-то на запятках
Уж давно у тех стоит.
К наркомании добавка
Идет шлейфом - ВИЧ и СПИД.
Что же дальше с нами станет,
До чего же мы дойдем,
Если от наркодурмана
Молодежь не сбережем.

ЗА ДЕРЕВНЕЙ ГАЗОПРОВОД

За деревней газопровод
Славной фирмы "Пермьтрансгаз".
Гонит он в жару и холод
За бугор тюменский газ.
Хорошо братьям-славянам -
С газом им комфорт, уют.
А российским вот крестьянам
Газ понюхать лишь дают.
Он тогда нам достается,
И все чаще с каждым днем,
Когда что-то где-то рвется -
Тогда "с газом" мы живем.
С ревом свистом вылетает
Из трубы газ в небеса.
А затем он оседает
На деревни и леса.
И жить будет нам не просто

Рядом с газовой трубой -
Здесь деревья уж в коростах,
И народ в селе больной.

ОСТАЛИСЬ ПОЗАДИ КИЛОМЕТРЫ

Остались позади километры,
Вместе с ними и жизненный путь,
И те песни дорожного ветра
Не дают мне порою уснуть.
Приходилось мне на автострадах
На спидометре версты мотать,
Ну а больше в колхозных бригадах
Непролазную глину топтать.
Я возил от комбайна силос,
Я возил от комбайна зерно -
Так и жизнь вот моя прокатилась,
Глядя в мир в смотровое стекло.
Эту песню дорожную ветра
Слушал я и в жару, и в пургу.
И поэтому даль километров
Я сегодня забыть не могу.
О пройденном пути не жалею,
Где все спуски да длинный подъем,
Потому и, наверно, во сне я
Часто вижу себя за рулем.

ПОСВЯЩЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВУ ХИРУРГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Очерской центральной районной больницы
Когда у нас беда над головой,
Готовы мы тому молиться...
Эти слова придуманы не мной,
Но в них сумел я убедиться.

Неврит, бронхит, радикулит
Лечу я в терапии,
А тут неожиданно для себя
Попал я в хирургию.

Под скальпель боль меня гнала,
Но лег на стол я смело -
Я верил в то, что доктора
Здесь знают свое дело.

Для них я был очередным
Едва влачащим ноги.
А для меня Вы стали Все -
Мои земные Боги!

На своей шкуре испытал,
Что значит операция,
Что между небом и землей
Стоит реанимация.

Теперь я снова на ногах,
И мне пора в дорогу,
И я пойду за всех за Вас
В храм помолиться Богу!

Сентябрь 1996 г.

КОЛЧАНОВУ АНФАЛУ ИГНАТЬЕВИЧУ

Его звать хотели Семеном,
Да только священник сказал,
Что этот младенец крещеный
Носить будет имя Анфал.
Супруги Игнатий с Варварой
Поспорить с попом не могли -
И вместо Семена - Анфала

Из церкви домой привезли.
И рос этот мальчик смышленный,
Был первенец в этой семье,
Он с детства был в книгу влюбленный,
Приучен к труду на земле.
Окончивши сельскую школу,
Он в город учиться идет,
Освоив работу на поле,
Мечтает он сесть в самолет.
Да так бы, наверно, и было -
Звала на крыло сесть страна.
Да времени им не хватило -
В стране загремела война.
И снявши курсантскую форму,
Для боя она не годна, -
Обмотки, ботинки "на вырост"
Уже выдает старшина.
А дальше вагоны-теплушки.
И вот уже с криком "Ура!"
Под пули бежали мальчишки -
Но это была не игра.
Не знает, откуда рвануло,
Но помнит он, как обожгло,
Со злостью на землю толкнуло,
А дальше сознание ушло.
Не знает он, сколь его крови,
Роняя живое тепло,
Сквозь грязную рвань гимнастерки
На землю из ран утекло.
Мальчишку нашли санитары -
Нет, рано ему умирать.
И, видимо, дома недаром
Всю ночь пред иконою мать.
Она на коленях пред Богом
В молитве просила: "Спаси!..."
И стал ее сын понемногу
Опять набирать живых сил.
Пройдя череду медсанбатов,
Понюхав хлор госпиталей,
Суровую ниткою залатан,
Вернулся он к маме своей.

Искал себе по сердцу пару -
И тут не обижен судьбой:
Девчоночка Тома - Тамара
Его стала верной женой.
Влюбилась девчонка без страху,
Хоть было и чем отпугнуть:
Жених-то ее и рубаху
Не мог на себе застегнуть.
Не мог он водить в поле трактор,
В лугу не намечет он стог,
Зато он отличный бухгалтер,
Любой подсчитает итог.
И так пробежало полвека,
Шумит золотой юбилей,
И два пожилых человека
Танцуют на свадьбе своей.
Невеста в цветах, под вуалью,
Жених весь блестит, в орденах,
И видно за прожитой далью -
Любовь лишь сильнее в их сердцах.
Любуются дети и внуки,
И радость их можно понять:
У деда прострелены руки,
Но всех он сумел их поднять.
Немало народу там было,
И каждый желал паре той,
Чтоб солнце подольше светило
Над их неразрывной судьбой.

12.09.97 г.

КОЛЧАНОВОЙ НАТАЛЬЕ ПЕТРОВНЕ

"По мосткам тесовым вдоль деревни
Ты идешь на модных каблуках" -
Песенка годов послевоенных
И теперь звучит в твоих ушах.
Но пришлось Наташе-фронтовичке,
Сняв шинель, остаться в кирзачах,
Сняв с себя все звездочки и лычки,
Груз нести на девичьих плечах.
На путях-дорогах тех военных
Повстречала там свою любовь

И за нею в дальнюю деревню
Ехала в колхоз доить коров.
Всем в деревне ты была по нраву,
Муж любил, росла твоя семья,
И могла гордиться ты по праву -
Дочери росли и сыновья.
Не сгибаясь под житейской ношей,
Напевая песню веселу,
Ты, надев глубокие калоши,
Королевой шла в них по селу.
Боевая юность пролетела,
И тебя нам не в чем упрекнуть.
Лишь одно ты в жизни не успела -
По деревне в туфлях щегольнуть.
А в той песне - гимн тебе и слава,
И смогла ты жизнью подтвердить,
Что в России ты имеешь право
В самых модных туфельках ходить!

14.10.97 г.

ДЕРЕНДЯЕВОЙ ТАТЬЯНЕ НИКОЛАЕВНЕ

При серости сельской житухи
Не хлебом единым живем,
А, выключив телепорнуху,
Мы в гости к Танюше идем.
Работает Таня завклубо'м,
И надо сказать, что с душой -
За это ее и все любят:
И школьник, и старец седой.
Ребятам прочтет она сказку,
На "шейк" позовет молодежь.
И, видя веселую пляску,
Забыв про года, в пляс пойдешь.
И муза, подвластная Тане,
Любому до сердца дойдет,
Когда она нам на баяне
Мелодию вальса ведет.
А то соберет всех артистов,
Которых взрастила сама,
Такой даст концерт трактористам -
От радости те без ума.

То ярмарку Таня проводит,
То в клубе шумит юбилей,
И доброе слово находит
О людях деревни своей.
Одно у меня пожелание,
И в этом я не одинок, -
Чтоб в клубе и в сердце у Тани
Не гас золотой огонек.

4.11.97 г.

ИВАНУ КОЖЕВНИКОВУ

Живет в Очере журналист
С талантом ярким, редким,
Литературный псевдоним
Его "Ерема Редькин".
Его газетная строка
И в шутку, и всерьез
На ум наставит дурака
И рассмешит до слез.
Теперь "Ерема" уже стар:
Ему уж не до смеха.
Так пожелаем внуку мы
Такого же успеха.

26.08.97 г.

ГАЗЕТЕ "ОЧЕРСКИЙ КРАЙ"

Была ты "Сталинский ударник",
Была ты "Знаменем труда",
Как боевой районный вестник -
Такой останься навсегда.
Чтобы твои корреспонденты
Писали честно и остро,
Чтобы при трудности момента
Не притуплялось бы перо.
Живи с людьми, не зазнавайся,
Своих позиций не сдавай,
При всех невзгодах издавайся -
Наш общий друг - "Очерский край".

21.07 98 г.

ПУТИНУ ПОЛИКАРПУ ИВАНОВИЧУ

Сегодня нам припомнить кстати,
Кто жизнь деревне посвятил,
Сколь Поликарп Иваныч Путин
Крестьянам тесу напиллил.
Он сжег соломенные крыши,
К тому ж и мельник был не плох.
Теперь на пенсию он вышел
И пилорамы ритм заглох.
Ему с женой своею верной,
Взрастившим пятерых детей.
Мы пожелаем жизни длинной
Без бед, невзгод и хворостей.

АЗАНОВОЙ ЗИНАИДЕ МАРКЕЛОВНЕ

Девчушкой хрупкою на ферму
Тропинка Зину привела,
И сердце жар, и труд отменный
Животноводству отдала.
И пусть по праву Орден Славы
Величает ее труд,
Односельчане с уважением
Ее Маркеловной зовут.
Немало тружеников славных
Живет сегодня на селе,
Свой труд Отчизне посвящая,
Во имя жизни на земле.

АЛЕКСАНДРУ ГРЕБЕНКИНУ

Была случайной встреча эта,
Но нам, считаю, повезло,
Что настоящего поэта
В деревню нашу занесло.
Он в сельском клубе нас стихами
Обворожил и покориł
И сельским жителям на память
Автограф с книгами дарил.
Его стихи просты и чисты,
Как родниковая вода,
Росой с цветка их будешь пить ты

И не напьешься никогда.
Я жизнь свою прожил в деревне,
В траве купаясь на лугу,
Но написать стихотворение,
Как он, наверно, не смогу.
И я б хотел от встречи этой
Не оборвать живую нить -
И в сельский клуб зимой иль летом
Поэта снова пригласить.
Ты приезжай сюда, родимый,
С женой приедешь иль один,
И встретит Вас здесь ваш знакомый
Крестьянин Путин Валентин.
Ни коммунистов, демократов
Нам не хвалить и не ругать,
А встретимся мы, как два брата,
Друг другу есть что нам сказать.
При встрече можно выпить чарку,
Желанье есть - и не одну.
Способность есть, возьми гитару,
Расшевели ее струну.
Гитары нет, мы без изъяна
Здесь летний вечер проведем,
Под звук кунгурского баяна
Мы песню русскую споем.
Случись, во время сенокоса
Сюда дорога приведет,
То, как Есенину, Вам косу
Хозяин в руки принесет.
И пусть в лугах, средь трав душистых
Вы не намечете стогов,
Зато для нас простых и чистых
Опять напишите стихов.
А если зимнею порою,
Когда сугробы здесь до крыш,
Пройтись спящею тайгою -
Для Вас найдется пара лыж.
Ты приезжай сюда, не бойся
В чудесный наш Очерский край,
Прибыв в деревню, в ней постройся
И никуда не уезжай!

ВЛАДИМИРУ РАДКЕВИЧУ

Ты был уральским самоцветом
И, сам горя, другим светил.
И песнь души своей широкой
Ты всю Прикамью посвятил.

ПЕТРУ ЕФИМОВИЧУ АКИНЦЕВУ

Здоровье - счастье. Коль есть, мы не
ценим.
Болезнь это горе, а в горе хоть плачь.
Но счастливы мы, что в Очере
Есть Акинцев Петр, по призванию врач.
Он лечит уколом и словом,
Чтоб меньше больному страдать.
Готов он любому больному
И сердце, и душу отдать.
От клятвы своей Гиппократу,
Что в юности Акинцев дал,
Врачебную свежесть халата
Он в грязь бытия не втоптал.

ФЕДОРУ ВОСТРИКОВУ

Ах, Федор, Федор из народа,
Скажи, где силы ты берешь?
Свои стихи, как воду в ведрах,
В жару напиться нам несешь.
К ведру воды припав губами,
Глоток, другой и хорошо...
Но не напьемся мы стихами,
А просим все: "Еще, еще!".
И впредь, как воду из колодца,
Стихи ты черпай из души,
И жар любви к тебе народной
Тебе вовек не потушить.

ЗАВОЛОКИНЫМ

Два сибирских самородка,
Оба ценностью равны,
Для России как находка -
Братья Заволокины.
В любой край Отчизны нашей

Их дорога приведет,
И вся Русь поет и пляшет,
В круг гармонь народ зовет.
Всех танцоров, музыкантов
В один круг хотят собрать,
Чтоб народные таланты
Всему миру показать.

НЕЧАЕВУ МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧУ

Рожден в небольшой деревеньке,
Воспитан в крестьянской семье,
Для жизни со школьной скамейки
Приучен к труду на земле.
Отец твой был Федор Нечаев,
Не так что-то, где-то сказал,
За это несчастный отправлен
Копать Беломорский канал.
И так мужика доконали,
Согнули его до креста.
И мать от трудов и печали
Прожить не смогла и полста.
Хозяйству чтоб не развалиться,
Хоть сам был еще молодой,
Решил ты, что надо жениться
И жил с молодой женой.
За долгие годы работы
Ты был кузнецом и жнецом,
Но не было выше заботы -
Быть детям хорошим отцом.
Ничто не изменишь в судьбе -
Из жизни ушла половина,
Оставив как память тебе о себе
Надежду и гордость - два сына.
И вот позади уже семьдесят лет,
А это не так уж и мало.
Семейное званье теперь - ты прадед,
А это равно генералу.
Желаем тебе мы здоровья, добра,
Чтоб долго ты жил и не кашлял,
У деда пусть будет приставка прапра,
Тогда ты для нас будешь маршал.

ВЛАДИМИРУ КОНСТАНТИНОВИЧУ ФЕДОРОВУ

Болела в хозяйстве корова,
Стонала она день и ночь,
И члены семейства большого
Не знали чем Зорьке помочь.

И маленький мальчик Володя
Кормилицу Зорьку жалел,
Помочь чтоб животным и людям,
Врачом стать тогда захотел.

Окончивши среднюю школу,
В Казанский идет институт -
Научится делать уколы,
Лекарства изучит все тут.

И вот уж Владимир с дипломом.
Судьба привела на Урал.
Вдали от родимого дома
Любовь и судьбу повстречал.

И скольким животным и людям
Помог он, никто не считал.
Он знания свои и призванье
От сердца для жизни отдал.

Вот так и промчались годы.
Для Вас шестьдесят не предел.
И верим, в служеньи народу
Вы не отойдете от дел.

Живите с людьми, дня народа,
И множится счет пусть годам.
И дай Бог на долгие годы
Здоровья и счастья Вам.

ПОЛЯКОВУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

Молва в колхозе "Пролетарий"

Средь местных баб и мужиков:

- К нам председателя послали,

Какой-то новый, Поляков.

- Он, говорят, после раненья,

Была бы целой голова!

- Его к себе для поддержанья

Взяла солдатская вдова.

- А кто? - Степанова Мария.

- Так трое у нее ребят.

- И что, ведь сами молодые -

Своих успеют наплодят.

Он сам идет к ее ребятам

И хочет стать для них отцом,

Не зря на фронте был солдатом

И мечен вражеским свинцом.

Такие шли вот разговоры

Средь сельских баб и мужиков,

И с ними в радости и в горе

Жил председатель Поляков.

Трудясь в колхозе или в школе,

Перед людьми и Богом чист.

В своей душе, не в протоколе,

Носил он званье - коммунист.

И не в семье, во всей деревне

Ему то званье, как венец

Он стал для многих поколений

Для нас учитель и отец.

9.05.98 г.

Пролетают годы, словно птицы,
И теперь назад их не вернуть,
Только память может воротиться,
Ну а ей там есть что вспомнить.
А там были годы молодые,
Там была кровавая война,
Там остались годы трудовые,
И была там женщина одна,
С кем делили радость и печали,
Поднимали на ноги детей,
С кем в любви по жизни прошагали
Рядом, до последних ее дней.
Жизнь есть жизнь. У жизни свои "фоки",
Проводив в последний путь же ту,
Вы одни, но Вы не одиноки -
Есть кому погладить седину.
С Вами ваши дети, Ваши внуки,
И покуда вертится земля,
Словно к солнцу, все к Вам тянут руки,
С Вами ваши старые друзья.
И пускай растет счет дням рожденья,
Стороной обходит Вас беда,
Все желают крепкого здоровья
Вам еще на долгие года!

23.03.01

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Есть несколько версий о начале развития деревни Морозово. Одна из них это приход в эти края старообрядцев из центральной России, и имя деревни дано в честь боярыни Морозовой, которая вместе с сестрой пошла на смерть, но не отреклась от первоначального христианства. Как бы то ни было, но умели наши предки выбрать и обустроить место своего обитания, где бы то ни было, самые глухие уголки России или дальше Зарубежье. И Морозове расположилось на берегах чисто водной речушки, которую окружает лесное ожерелье, отодвинутое от самой деревни проплешинами полей, на которых трудится не одно поколение землепашцев.

Строились здесь основательно, каждое поколение дополняло строительством свое хозяйство. В моей памяти осталось то хозяйство, которое осталось после смерти моего отца. Две избы — зимняя и летняя. Зимняя была построена еще дедом, стояла по правую сторону ворот. Имела два окна в улицу с видом на реку и два окна в ограду.

Летняя - по правую сторону, высокий красивый дом с семью окнами на юг и запад, построен уже моим отцом в 1925 году. Надворные постройки выполнены в виде буквы "П.". Слева - за летней начиналась конная стая, за ней - овчарник, телятник, коровья, далее поворот - сарай с обширным сеновалом, по левую сторону сверху вниз - погреб, завозная, амбар; все это закрыто единой крышей.

Переход из избы в избу всегда был своеобразным семейным праздником. Осенью, выкопав картошку, убрав капусту, закрыв скотину в хлев, к Покрову, намерзнувшись от осенней слякоти, как приятно прийти в небольшую теплую избу, с печкой-буржуйкой.

Убранство этой избы всегда вспоминаю с любовью. Там все было естественно и просто. Стояли: по правую руку русская печь, по левую - деревянная кровать, две лавки да стол. В переднем - углу божница с темными ликами святых. Над столом - семилинейная керосиновая лампа. От порога до середины избы - полати с широкой доской на печь. Со старым полушубком и одеялом из цветных лоскутков. Это самое любимое и заветное место для всех малышей, которые выросли в этой избе.

Печь челом стояла к верхнему окну, обращенному в ограду. Площадь перед шестком и окном сегодня называли бы кухней, а у нас называлась "середь", где находились кадки с водой, пойлом скотине, чугуны и прочий инвентарь. У стенки была полочка, которую звали "грядкой", где хранился хлеб и разные припасы. Здесь же на "середе" и ход в подполье, где хранится картофель. Никаких ковров, шифоньеров, сервантов не было. Но всегда здесь поддерживалась чистота. И эти чистота и простота создавали чувство уюта и душевной нежности ко всему окружающему.

Летняя изба. О ней тоже самые светлые воспоминания. Отшумела масленица, в торжественном ожидании чего-то яркого, праздничного подходит к

концу Великий пост. Природа, очнувшись от сна, снова будоражит все соки жизни. В эти солнечные дни, под свист первых скворцов мама с сестрами идут натапливать "новую" избу. Моют потолок, стены, окна, пол. Вешают шторы, стелют половики. Накануне Христова дня красят яйца. И во Христов день, отстрятавшись со скотиной, из старой избы на обед собираемся в новой избе, полной солнечного тепла и света. Перешагнув порог, из озорства крикнешь: "Эгей!". И изба отзовется гулким эхом. Мама встанет на молитву перед иконами и первое крашеное яичко кладут на божничку, убрав прошлогоднее. В летней избе вся обстановка настраивала нас на веселый праздничный лад.

Трехметровая высота, где даже на полатах я мог ходить во весь рост. Русская печь разделяет избу на две половины, что дает возможность побегать по избе вкруговую. Здесь две комнаты, две кровати, два стола. За одним ежедневно завтрак, обед и ужин. За другим собирается семья по праздникам и по случаю гостей. Здесь нет буржуйки, здесь подтопок встроен в одно целое с русской печью.

Вот так жила наша крестьянская семья, переходя из избы в избу, в зависимости от времени года, устраивая этим себе маленькие праздники. И так жили многие крестьяне, имея по две избы.

Теперь о тех, кто жил в этих домах. К моему сожалению, ни дедов, ни бабушек ни по папиной, ни по маминой линии я уже не застал. Поэтому бабушкиных сказок не слышал. Не мог я и перенять у дедушки мудрого крестьянского ремесла. Сделать кадку, сплести лапти. Дед Алексей умер в 1924 году. Любовь деда испытал старший брат Павел. Он был первенец, и дед его очень любил. Папа мой, Афанасий Алексеевич, был первым и одним сыном у Алексея Степановича, далее были дочери, мои тетки, Ольга и Васса. По тем временам одного сына в армию не брали и их называли "сметанниками". Бабушка Екатерина рано умерла, дед женился на другой. Бабка Анастасия пришла к Алексею и к трем его детям. Дед заболел и умер, а бабка Анастасия вышла замуж в Веселково, тоже к детям, и вырастила там их. Поэтому Афанасий, Ольга, Васса и Дмитрий Кузьмич, Александра Кузьмовна были как бы братья и сестры, воспитанные одной бабушкой, хотя те и другие были уже взрослыми. Мама моя, Прасковья Тимофеевна, урожденная Носкова, из семьи корнями уходящими в старообрядчество. Бабушка родом из Макарят, вышла замуж в Морозове за Тимофея. Поэтому мама часто вспоминала, как гостили они у бабушки в Макарятах. Как широко отмечалась там праздник - масленица на знаменитой Макарятской горе с играми и катанием. Был у бабушки брат, Ефим Егорович, который при моей памяти бывал у нас в гостях, но об этом потом, пойдем по порядку.

Мой отец - красивый русский мужчина, мама - небольшого роста, с толстой русой косой через плечо. На папе - сатиновая косоворотка, подпоясанная ремешком, на маме - кофта с кружевным воротником и широкая юбка, на ногах высокие ботинки. Папа заложил руку за спинку стула, на котором сидит мама.

Такими они смотрели в объектив фотоаппарата, создавая свою семью. Тогда они еще не знали, какие испытания выпадут на их долю. В их взгляде любовь и уверенность в своем будущем. И сейчас, через годы, я могу сказать, что мои родители вынесли все испытания, сохранив свою любовь до последнего дня своей жизни. Прекрасный пример для подражания для их потомков.

У них было восемь детей. Двое, Владимир и Аркадий, умерли в младенчестве, шестерых вырастили и по их возможности подняли на ноги. От первенца до последнего ребенка период 25 лет. Завидная жизнеспособность. И какие годы: с 1912 по 1937 год. Представляете, какие события прошли за это время в России и какие еще предстоят. Теперь уже со мной как с младшим членом семьи.

Помнить себя я начал, видимо, лет с 4-х. Брат Александр в 1939 году ушел на действительную службу, так я его не помню.

Брата Николая, моего крестного, запомнил я одним эпизодом. Он несет меня на закрошках в баню. На нем синяя холщовая с ютовым воротником мамина шуба. Я, вцепившись ему в воротник, щекочу ему шею „и говорю: "Ко-ко, миленький, ко-ко, окаянный!". А он смеется и говорит: "Вот сейчас брошу тебя в снег, так узнаешь, какой я окаянный". А это уже 1942 год. Больше ничего в памяти о Николае не осталось. Он хорошо рисовал, его рисунок, моряк в бескозырке, вырезанный на воротах заводи, берегу по сей день. Берегу и наличники на окнах моего дома, вырезанные им. Он первым из нашей семьи окончил семь классов и ремесленное училище. Затем был направлен на работу в город Уфу, на оборонный завод, оттуда ушел добровольцем в армию.

В Уфе жилось тяжело, терял продовольственные карточки, посылки, которые посылали из дому, не получал. И когда ушел в армию, попал в школу младших командиров, домой написал: "Обо мне не беспокойтесь, теперь я сыт и одет". После школы направлен в действующую армию и прошел с боями до Польши, где погиб 12 января 1945 года.

Почему начал рассказ о братьях со середины, я сказал, что его видел и немного запомнил. Позднее, я узнал, что у меня есть старший брат и живет он в г. Молотове.

Павел, 1912 года рождения, первенец, и был первым помощником родителям при единоличной жизни, работал с отцом на лошадях в извозе и в поле. Повзрослев, подался на строительство "Бумстроя", когда строился г. Краснокамск. Служил в Красной Армии в Великих Луках и Ржеве. Отслужив, вернулся домой, окончил курсы трактористов при Очерской МТС и стал первым трактористом в деревне Морозове. Женился на Путиной Наталье Захаровне. Пошли дети - Леонид, Нина, Надежда, но девочки умерли от скарлатины. Был бригадиром тракторной бригады. Отделился от родителей, построив себе дом через одно хозяйство от отца. В августе 1939 года призван на военные сборы, фактически на войну. Эшелон уральцев был привезен на станцию Борзя - это в Забайкалье, затем походной

колонной по безводной Монголии прибыли уральцы в район боевых действий на реку Халхин-Гол. Принимал участие в боевых действиях в качестве пулеметчика и мой брат Павел.

Только из рассказов родителей узнал, что был у меня брат Александр,

Павел Афанасьевич, фото 1941 г.

1919 года рождения. Был он общительный, веселый, начинал трудовую деятельность с родителями, затем выучился на тракториста, женился на Овчанковой Анне Ивановне, у которой был сын Александр. Любил выпить в компании, со старшим братом жили дружно. Бывало, займет у Павла денег на выпивку, а затем вместе и выпьют, как тогда Павлу просить возврата денег? Женившись, отделился от отца, ушел в дом жены. В 1939 году был призван в Красную Армию. Перед отправкой у родительского дома под окном посадил черемуху на память. Служил в г. Чебаркуль Челябинской области. Со службы писал: "Последнее лето здесь комариков кормлю". 24 июня 1941 года родители получили телеграмму: "Еду на фронт через Верещагино". Родители запрягли Воронка, сварили в самоваре яиц и собрали кое-какую снедь, поехали за 18 километров на железнодорожную станцию Верещагино. Когда приехали на железнодорожный вокзал, то дежурный по станции сказал, что прошел воинский эшелон и выбегал солдат, искал родителей, отдал железнодорожнику шапку, сказав, если приедут родители, передай им. Эшелон ушел дальше. Брату Павлу пришло письмо: "Еду на фронт, послал телеграмму родителям, не знаю, увидимся - нет". Родители до последних дней своей жизни со слезами на глазах вспоминали, как варили в самоваре яйца, из-за них опоздали на встречу. Затем у Павла было письмо, где Александр сообщал, что находится там, где Павел служил в армии. Это значит Ржев - Великие Луки. Родителям приходило письмо: "Коня подо мной убило, но я пока остался невредим". Затем родителям пришло извещение, что их сын, Путин Александр Афанасьевич, пропал без вести 25 августа 1941 года.

Вот вкратце о трех моих братьях. Надо отметить, что родители были русые, а дети их - мальчики все рыжие, с разными оттенками, кто светло-рыжий, Александр темно-рыжий (шатен), а я просто рыжий. Дочери, мои сестры, были русые. Рыжими были тетки.

Когда Михаил Сеславин в газете "Сельская жизнь" (очерк "Поединок") рассказал о подвиге солдата, уложившего из простой винтовки около полусотни фашистов в сентябре — октябре 1941 года около деревни Подарки Калининской области, и, описав, что это был рыжий солдат, у нас загорелась надежда, не наш ли это Александр? Я написал Сеслаину письмо, описав судьбу и приметы брата. Долго ждали ответа, и через долгое время он в этой же газете дал ответ. Ни мне, а многим, так как писем он получил много, со всех уголков Союза. И все в этом солдате видели своего сына, брата, мужа. И сейчас я не знаю, кто-то присвоил этого солдата или он так и остался безымянным. Поэтому, редко бывая в Москве, прихожу поклониться могиле Неизвестного солдата.

Теперь подошла очередь рассказать о моих сестрах, которые, как я начал помнить себя, окружали меня лаской и заботой. Наталья - Ната - Талька - Таля.

"Братья мои, я вас даже не помню."

Екатерина — Катя — Катюша - Катька. Во-первых, это была мамина гордость, ее помощницы.

Когда у родителей было три мальчика, то появление на свет девочки, конечно, было для них желанно. Но чтоб девочка не скучала одна среди мальчиков, ей появилась напарница, за которой первая ухаживала, а затем вместе играли. Девочка с двумя косичками с бантиками и девочка, коротко постриженная под мальчишку. Это две сестры на фото сороковых годов. Эту сестринскую взаимную

любовь они пронесли через всю жизнь. Я ни разу не слышал, чтобы сестры, что-то не поделив, ссорились.

Ну вот и все члены нашей семьи, с ними мы и пойдем дальше по жизни в моем повествовании.

Из семейного альбома, фото 41-го года.

Теперь выйдем на нашу заречную улицу. Рядом с нашим хозяйством живут старички Андрей и Андрюшиха. У них тоже две избы, но живут они в одной, вторая не выделана. Сюда меня приводят посидеть, когда мама уходит на работу в колхоз, а сестры в школу. Дают мне с собой бутылку молока и краюху хлеба. Я боюсь угрюмого вида старика, у которого нет кисти одной руки. Но он и без кисти ловко орудует вилами, отметывая на сеновал сено.

Познакомившись более близко, я осмелел, особенно, когда Андрей с Андрюшихой пришли зимой к нам тараканничать и спали на нашей печи, а затем

Весна на заречной улице.

мы пошли тараканничать к ним. Но однажды, придя с мамой к ним, я увидел, что Андрюшиха водит Андрея по избе, в переднем углу у икон горит свечка. Но вот старик лег на голбчик у печки, а мама с Андрюшихой поставили лавочку посреди избы и переложили на нее Андрея, а мне сказали, что он умер и больше никогда не встанет и не будет ходить. Это был первый в моей жизни покойник. Мне было удивительно, что дедушка Андрей лег и больше никогда не встанет, и его зароят в землю. Через некоторое время умерла и Андрюшиха, она, наоборот, умирала

в агонии, крича: "От людей умираю", мама просила ее сотворить молитву, но она так, наверное, и умерла, не найдя дорогу к Богу. После смерти этих стариков много пережило в их доме людей.

Политов Нестор - о нем рассказать, какую жуть пережила наша вся заречная улица?

Он откуда-то приехал к нам в колхоз на должность зоотехника. Была у него семья, жена Трофимовна и двое детей, Коля и Клава. Сначала он жил в доме брата Павла, куда пустил его на квартиру его тесть Захар Иванович. Когда брат решил продать свой дом, то едва этого Нестора выкурили из дома.

После смерти старичков он перебрался в их дом. Была война, и все мужчины, способные к труду и обороне, были там. Этот был, видимо, на броне или как не знаю. Была в его распоряжении лошадь, которая со всей упряжью, телегой и санями стояла у него дома. Был этот Нестор, кто помнит артиста Сергея Филиппова, его копия. И самое страшное, был он пьяница и изувер. Напившись где-то и приезжая на лошади домой, он всячески издевался и избивал свою жену Трофимовну. С нее бедной никогда не сходили синяки. Одно спасение для нее с детьми было - где-то спрятаться. Женщина это была не глупая, в прошлом учительница, и прилагала все силы, чтобы выучить детей. И когда Коля окончил семь классов, то поступил в Пермский нефтяной техникум. Выучила она и Клаву. А мне врезался в память такой эпизод.

Тетка, Васса Алексеевна, из ветхой своей избышки перебралась, по сути, в избышку своего дедушки. Хозяйство расположилось на пригорке у самых ключей. Сама избышка была тоже не большая, были и добротные надворные постройки - амбар, погреб, стая. Отсюда тетка Васса в зимнюю пору 12 января 1943 года и проводила единственного своего сына Михаила на военную службу. Шел ему тогда восемнадцатый год. Собралась не многочисленная в ту пору родня, постряпали пельменей на тесте из ржаной муки и, поев их, пошли по тропинке за реку, где на релке у Еремы стояла лошадь. И ждать пришлось тетке своего сына ни много ни мало, а семь лет. И был Михаил последним из мужчин, ушедшим военными дорогами из нашей родни да с нашей заречной улицы.

Вот тут—то и появился этот Нестор. Трофимовна находила спасение или у нас, или у тетки. И вот раз зимой я был у тетки, прибегает к ней вся в крови Трофимовна (имени не помню, а женщины называли ее по отчеству). Просит спрятать ее куда-нибудь, то ее сейчас Нестор убьет, долго не думая. Тетка ей отворила творило в подполье, и Трофимовна опустилась туда. Только опустилось творило, вбегают в избу Нестор, пьяный, без шапки, с топором в руках, на тетку: "Где та сволочь?! Найду, убью обеих!". Тетка, перепуганная, заявляет, что никого не видела, а я от страха забился в угол, за печку-буржуйку. Открывает творило, кричит в подполье: "Вылезай, сволочь, а то убью". Из подполья тишина. Тогда Нестор спускается туда, тетка в страхе падает на колени перед иконами. И, о Боже! Побыв какое-то время в подполье, Нестор вылезает оттуда весь в подпольных

тенетах и один. И матерясь, уходит от тетки. В избе гробовая тишина, но вот шорох из подполья, постепенно приходит в себя тетка, вылезая из своего угла я, и бледная, трясущаяся от страха выходит из подполья Трофимовна. Каким чудом пьяный Нестор не нашел ее в маленьком подполье?

Ну а дальше для Трофимовны, видимо, было все привычно, дождав, когда пройдет хмель в голове Нестора, она вернется, чтоб продолжить выполнять свои обязанности. Накормить скотину, в том числе и лошадь, на которой завтра Нестор поедет на работу, а вечером опять повторится все с начала.

В нашей семье я никогда не видел таких чудовищных сцен. Не видал я драки родителей, и никто никогда не бил детей. Поэтому эта сцена врезалась в память на всю жизнь.

В доме после Нестора, по моим подсчетам, сменилось семь хозяев. Со всеми мы поддерживали хорошие соседские отношения. Где-то в конце сороковых годов в нашу деревню приезжало много, семей десять, переселенцев татар и чувашей. Что их сюда пригнало, я не знаю. Но люди были трудолюбивые. Работали в колхозе, и все настраивали свое личное хозяйство. Так вот, один чуваш, Петров Иван Гаврилович, и купил дом Андрея. Была у них большая семья, видимо, это был не первый брак Ивана Гавриловича и Александры Ильиничны, были у них дети довоенного "производства" и послевоенного. Юлия, Лена и Гера - довоенные. Валентин, Владимир, Виктор, Николай - послевоенные. С этой семьей, ставшими нашими соседями, жили очень дружно, каждый на своем уровне, отец с отцом, мать с матерью и мы дети. Мне по возрасту ближе всех был Георгий, который приехал, не зная путем русского языка, так я для него был учителем, сам познавая немного чувашский язык. Аней - мама, атей - папа, сук — нет и т.д. И когда Петровы построили себе новый дом в другом конце деревни и переехали туда, то при встрече здоровались: "Здорово, сосед!".

После Петровых жил в этом доме Путин Леонид Иванович, отделившись от родительского дома. Жена его, Ольга Федоровна, учила в Морозовской школе, а одно время в Мешалковской школе. Росли тогда еще маленькие их дети - Витя, Сережа и Наташа.

Затем они поменялись с мамой, Евдокией Федоровной, и младшей дочерью Галиной домами. О Евдокии Федоровне расскажу позже, а с мамой они примерно одного возраста, оставшись вдовами и прожив всю жизнь в соседях, имели много общего. Они часто проводили вместе время в воспоминаниях. Даже найти повод прийти друг к другу у них был - поискать друг у дружки вшей. Приходит Евдокия и говорит: "Что-то, Параня, у меня вот за косицей чешется, не вши ли?". Раскрутит свои седеющие волосы, и ищут друг у друга, ведя в это время тихий разговор. Вошь, клоп да таракан всегда сопровождают человека. И надо сказать, что эти две женщины, имея большие семьи, выходили победителями с этими насекомыми.

После Евдокии Федоровны купил этот дом Тельканов Артемий

Иванович. Избушка обветшала, и он купил избу в Носково и поставил ее на то же место, переехав с женой, Клавдией Кузьмовной, из д. Саломатка. Тогда кому-то в голову пришло делить деревни на перспективные и не перспективные.

Прожили здесь лет 10, затем забрал их к себе сын Михаил в Куйбышев, который был военным и жил там.

У Тельканова М.А. дом купила Касьянова Т.Г. для матери, старушка прожила мало, умерла. Тогда из Перми купил. Хорошев. Николай Петрович с женой Тамарой прожили не долго, жена уехала с сыном Егоркой обратно в Пермь. Хорошев дом продал, сам ушел к женщине в Очер и вскоре умер.

У Хорошева дом купили Широбоков с сожительницей, Колчановой Лидией Федоровной, и с ними живет мать Анатолия - Анастасия Прокопьевна, хозяйство у них как дача. Вот сколько судеб прошло через один дом. И в деревне много домов с подобными судьбами, что живущие сейчас люди в доме не знают, кто обосновал это хозяйство. А мы пойдем дальше, за реку.

Но прежде чем переправиться на тот берег, несколько слов о нашей реке. Река моего детства и река девяностых лет - это две разные реки. Тогда ширина русла была в основном два метра, где-то под тополями были омуты с шириной до трех-четырех метров при глубине до метра. Водились здесь в верховьях у нас व्यюны, изредка заплывала сорожка. Сколько вилков унесено и потеряно на поимке этих व्यюнов. Привязав вилку к палке, идешь и смотришь на дно, вода чистая - все видно. А व्यюн стоит, не шевелится, только приглядевшись, увидишь, что он тихонько водит плавниками. Подводишь вилку осторожно, чтоб не вспугнуть, нацелившись, резко колешь. Всякое бывает удача - вытянешь на вилке мясного с четверть длины व्यюна, бывает и мимо, а व्यюн ушел, взмучив ил. Правда, дома этих व्यюнов кроме кошки никто не ел. Много позже из Библии узнал, что рыба без чешуи в пищу человека не годится. Поэтому мама не давала чугунок под уху. Близость источников поддерживает одинаковую температуру воды, поэтому замерзает она только в лютые морозы, но и летом в этой воде долго не купаешься. Но в детстве мы купались в своей реке прямо против дома. Ныряли с берега на берег, а после, когда кожа станет гусиной, отогреваемся на солнышке. А видели бы вы, какая наша река была шумной и грозной, когда весной с полей, лугов в нее пойдут снежные лавины, и она, приняв этот груз, перемешав с льдинами, попавшими в круговорот лесинами, несет эту массу через всю пойму. И все живущие на ее берегах выходят посмотреть на это буйство природы, крича: "Вал идет, вал идет!". И тогда наша заречная улица оказывается отрезанной от мира. Поэтому, чтобы перебраться при надобности на тот берег, поднимались в верховья и искали переход по упавшим лесинам. А когда пройдет половодье и река войдет в берега, мужики ремонтируют снесенные мосты. Речной луг, расположенный против нашей избы, раньше называли донник, так как выпускали туда коней на дневной отдых. И какой неописуемой красоты был этот травяной ковер, каких только цветов на нем ни было! Запомнил себя маленького, лежащего

на этом травяном ковре в прекрасный летний день, а надо мной голубое небо. В руках у меня детская книга, где цветные картинки-лошади, мальчик в буденовке. И я мечтал: вырасту, буду кавалеристом.

На тот берег можно попасть прямо по переходу через речку, тропинкой на взгорок к большой развилистой березе или по конской дороге, по мосту через реку на релку, и если по тропке направо, а по мосту - налево от тебя будет усадьба Тетенова Еремея Даниловича. Стояла изба с высоким крылечком, да какая-то сараюшка — дровяник, никаких стай и амбаров не было. Изба стояла как бы внутри усадьбы, чтобы зайти со стороны улицы, нужно было разгородить заборы и пройти через весь огород. Усадьба обрамлена черемухами, березами. Поднимемся по крутым ступенькам и зайдем в избу. По правую руку русская печь, по левую лавка во всю стену, если зима, то посредине избы печка-буржуйка, ну далее - стол, лавка и середь. Типичное расположение для небольших крестьянских изб.

На лавке у окошка на тебя смотрит плешистый во всю голову с лохматыми бровями и большой седой бородой старик-Ерема. На средне мечется, не находя себе места, бледнолицая, одетая в шаль и в приколотую приколкой под подбородком старенькую застиранную трикотажную кофту и юбку женщина - это Таська, дочь Еремы. Ерема сидит в ворохе стружек, обрезков дерева, в основном березы. Настасья не находит себе места, потому что она порченная и в ней скоро заговорит посаженный в нее черт ее знает кто. Еремиха давно умерла, так они и живут отец с дочерью, у которой, видимо, не все в порядке с головой. Поэтому и придуривает порой. Есть у Еремы два сына - Павел и Петр, живут в городе Молотове. Деловые семейные мужики, в отпуск приезжают попроведовать родителя. Помогать тут особо нечего, так как никакой живности кроме кошки на подворье нет. Помогут отцу изготовить охотничьи лыжи из осины, чтоб смог их старик продать. В молодости, видимо, Ерема был не очень удобным соседом. Бывало, мужики и поколачивали его. А теперь это дряхлый старик, но по привычке занимается поделками, то туесок смастерит, то лукошко. Где-то во второй половине сороковых годов Настасья пришла к нам и говорит: "Афоня! Ерема умер". Папа пошел, я с ним. Зайдя в избу, увидели, Ерема лежит на полу. Где он обычно мастерила, без штанов. Папа помог одеть Еремею и положили его на лавку. Это для меня было второе, вернее третье видение прихода смерти к человеку. Хоронили Еремею всей округой. Кто что смог принесли поесть, мужики сколотили гроб, похоронили его по-христиански и, наверное, простили ему все его злодеяния против них. Настасья осталась одна, нигде никогда она не работала. Летом занималась сбором грибов, ягод, лекарственных трав. Когда соседям поможет, в какой-нибудь домашней работе. К нам всегда приглашали ее на посадку картофеля под конный плуг. Окончив работу, обычно, собирали стол пообедать. Все, помыв руки, собираются за стол, хват, Таськи нет. Она обязательно убежит домой. Пока кто-нибудь из семейщиков не сходит за ней, еще не по одному разу, Настасью за

стол посадить не могут. Но после все-таки покормят ее и домой дадут молока и хлеба. Но как бы ни жила, в молодые годы водились у нее и водочка, и хмельная бражка. Бывало, проезжие мужики надолго задерживались у нее, и неслись по округе пьяные песни чужих мужиков.

Раз был случай. В пятидесятых годах мама уехала к сестрам, я остался дома один. Отстрепался и ушел в клуб на вечерку. Приходит в клуб милиционер Винокуров, подзывает меня и спрашивает: "Что это у вас там, в конце, за стрельба?". Я ушел из дома, все было спокойно. Пошли с Винокуровым домой. Пока шли, еще слышали выстрелы, когда подошли - все смолкло. А что было? Нам рассказал Леонид Иванович, я писал, что он одно время с малыми детьми жил в доме Андрея.

Два дворецких мужика, трактористы, ехали с Очерской МТС домой. Везли детали для тракторов. И решили расслабиться. Адрес для них, видимо, был знаком, и они приехали на лошади к Настасье. Пока угощались, в это время с работы домой на ГАЗ-51 мимо их лошади, проехал Леонид, машину он оставил дома. Когда дворчане, погуляв, пришли к лошади, оказалось, что кто-то за время их отсутствия снял с лошади ременные вожжи. А раз мимо проезжал Леонид, они его и заподозрили в воровстве. У них с собой оказалось ружье. Они, подъехав к дому, стали ломиться к Леониду. Он их, пьяных, не пускал. Они и открыли пальбу по избе. Ольга, жена Леонида, с малыми детьми пряталась в простенках избы. Ну а раз Леонид не выходит, и не несет вожжи, они решили отомстить, сняли с машины крышку трамблера и удалились восвояси. Когда милиционер, Леонид и я пришли к Настасье, чтоб узнать, кто у нее был, она отрицала, что кто-то вообще у нее был, хотя на столе были пустые бутылки и огрызки селедки. Так и осталось загадкой, кто украл вожжи у мужиков. Леонид же божился, что он даже не останавливался, проезжая мимо.

Когда Еремина изба совсем обветшала, Павел, брат Настасьи, сделал ей небольшую избушку, перелицевав купленную баню. Тут и дожила она свой век. Сейчас усадьба пустует, напоминают о том, что когда-то здесь было жилище, старые черемухи, липа да куст калины.

Все, пошли дальше. Пройдя под кронами развесистых елей, выйдем на главную улицу Морозово. Улица, в основном, односторонняя, старались селиться поближе к речке, а окнами к югу, чтоб в избах было светло и солнечно. Итак Макарихина избушка. Не знаю, кто Макариха и где она, но избушка стояла, был даже около нее палисадник. Помню, зимой порой около этой избушки, в ограде, на мостках женщины мяти лен. Стояли примитивные мялки, и женщины все в пыли, костре обрабатывали лен.

В пятидесятых годах в Морозово стоял леспромхоз. Была у них своя контора, магазин и конный двор, где стояли кони-битюки. Большие, сильные кони, которые использовались на трелевке леса. Конный двор был построен по правую сторону от дороги, напротив Макарихиной избушки, а в ней была конюховка.

Конюх был молодой парень, способный рисовать. Помню, в этой избушке, на стене висела картина, нарисованная им. Чапаев на белом коне. Вырубив леса в округе, лесозаготовители уехали дальше. Не стало и конного двора, избушки, конторы, магазина и, главное, не стало лесов, питающих влагой нашу речку, поэтому - разница реки между сороковыми и девяностыми годами.

В шестидесятых годах облюбовал это место для постройки дома талицкий молодой мужик, Павел Миронович Путин. Построился он здесь крепким хозяйством, вырастил со своей женой Анной троих детей. И стоит его дом, как картинка, украшением для всей деревни.

Далее стоит хозяйство Путина Ивана Илларионовича и его жены Евдокии Федоровны. Если бы настоящему писателю написать об этой семье, то материала хватило бы на тысячестраничный роман. Хозяйство Ивана Илларионовича обширно, три избы. В одной живут сами, одна пустая, то ли еще не выделано, то ли уже состарилась, и еще на задах маленькая избушка, в которой живет маленький горбатый мальчик Коля. Коля больной и поэтому скоро умрет, к этому он готовится и ждет смерти. Живет он с мамой Марией.

Зайдем в основную избу. Изба большая, русская печь делит ее на две половины. Кухня против среднего окна на улицу. В переднем углу стол, над которым по христианскому обычаю божница с ликами святых, вдоль стены лавка, в углу кровать, обширные полаты. На лавке сидит плешивый, только на затылке торчат седые волосы, когда-то бывшие, наверно, черными. На одном глазу настругано бельмо. Опершись руками на лавку, он надрывно кашляет. Это - тятя. Жили два крестьянина рядом - Афанасий был папа, Иван - тятя. С ведрами поила пошла ко скотине хозяйка - Евдокия Федоровна, высокая стройная суховатая женщина, ей помогает бойкая черноволосая девушка Надя. С охапкой дров пришел мальчик Поля. На печи лежит сухонький старичок, отец Евдокии, Федор Васильевич. Из другой половины выглядывает старушка - тетка, а из-за ее подола выставляется русая головка с жидкими косичками - это Галька, к ней я пришел поиграть. Играть с ней интересно и опасно.

На пасхальной неделе под их обширным сеновалом подвешивались веревочные качели. Покачаться на них приходила и взрослая молодежь, и те, у кого еще сопли не обсохли. Вот тут для меня и опасность. Толкнешь еще или не поделишь, на которой стороне качелей стоять, она хнычет и грозит: "Я тятю нажалуюсь!". А тятя-то, вы знаете, какой сидит в избе! И было у тяти с мамой десять детей. Не знаю очередность, но перечислю. Анна, Екатерина, Мария, Нина, Яков, Владимир, Леонид, Надежда, Поликарп, Галина. Трое из них прошли через горнило войны. Яков перенес ужас фашистских концлагерей, Владимир погиб, Леонид был водителем "Катюши". Вернувшись домой, стал первым шофером в колхозе "Нива". И вся его трудовая жизнь прошла за рулем автомобиля. Иван Илларионович умер нестарым, а Евдокия Федоровна была долгожительницей и прожила более девяноста лет. Ей присвоено звание "Мать-героиня". Было у Ивана

и Евдокии двадцать три внука, правнуков мне не сосчитать.

Теперь в доме Ивана Илларионовича живет сын Леонид с женой Ольгой. Хозяйство они перестроили. Сейчас это компактная стройка под одной крышей, дом обшит вагонкой и покрашен. А род этот был, есть и будет. Со многими людьми этой семьи мы еще встретимся.

Пошли дальше.

Смотря куда идти, если в сороковые, то следующая изба Петрушки и Сенихи. Петрушко сидит на заваulinке и кресалом из кремния выбивает искру, чтоб подпалить трут. Если пойдем в девяностые годы, то между домами Ивана Илларионовича и Петрушки стоит добротный дом Филимонова Павла Петровича с женой Натальей, дочери Леонида Ивановича. Павел трудолюбивый мужик работает шофером в совхозе. Один у него недостаток - не пьет! Наталья, выучившись на ветработника, трудится в животноводстве. Воспитывают троих детей.

В конце сороковых годов в нашу деревню приехало семей десять переселенцев, я уже об этом выше писал, среди них была женщина, вдова с двумя детьми - татарка Зульфия, которую здесь перекрестили в Зою. Она и поселилась в доме Петрушки, отремонтировала его, сменив оклад избы. Зульфия оказалась трактористкой и пошла работать на трактор. Была это крепкая, красивая женщина и недаром заглядывались на нее местные молодые мужики. После Зои жил в этом доме железнодорожный машинист Петр Иванович Тиунов с женой Александрой. Затем купила этот дом Пепеляева Клавдия Фоминична, моя теща, которая умерла 1986 году, с той поры судьба дома не определена, хозяйство обветшало, требуется крепкий хозяин, чтобы навести здесь порядок.

Далее усадьба Пьянковой Анны Ивановны, дочери Ивана Илларионовича. В народе Нюрка-Арсиха, мужа Арсентия Ивановича отправила на фронт, где он погиб, и осталась Анна вдовой с маленькой дочерью Лидой. Всю жизнь трудилась в колхозе, была бригадиром и до последнего дня прожила в своей избушке.

Вышли мы на развилку дорог, влево через реку идет старинный Дворецкий тракт. Оглянемся, посмотрим вдоль пройденной улицы на дорогу, которая выведет на Гляденово, за Гляденово, там за далью даль. Макарята, Урванцы, Поличи, Мешалки, Саломатка. Но если повернуть сразу за деревней вправо, придешь в Костылево.

Но вернемся на развилку. Поляна против дома Арсентия Ивановича и Анны была местом для гуляний молодежи двадцатых - тридцатых годов. На выходе из деревни у моста через реку было хозяйство Вшивкова Антона с его женой Матреной Ивановной. Был у них сын Павел. Антон работал бригадиром верховской бригады колхоза "Пролетарий". Домашнее хозяйство добротно отстроенное, тоже имелись две избы, летняя и зимняя. Был он музыкант. Освоил музыку и сын Павел. Имели свою гармошку. Проводила и Матрена своего Антона

и сына Павла на фронт и получила на обоих похоронки. Осталась молодая, красивая женщина вдовушкой и до смерти несла этот нелегкий вдовый крест. Мы, малолетки, знали, что у Матрены есть гармонь, приходили к ней ватагой и просили дать нам поиграть на гармонии. Хоть никто из нас играть не умел, но по очереди играли на гармонии все. А после объясняли друг другу, кто что играл. Мы же с этой ватагой выйдем снова на развилку.

У развилки, на верхней стороне улицы, стоит избушка, не знаю кем и когда рубленная, сейчас здесь конюховка, за избушкой стаи, в них стоят лошади, также лошади стоят и на поповской усадьбе - напротив, через дорогу. Это конный двор первой бригады колхоза "Пролетарий". Мама - конюхом. Я, раз собираюсь быть кавалеристом, у нее первый помощник. Лошадь в это время была основной рабочей силой, поэтому к лошади относились с большой заботой. Лошади, сведенные сюда с единоличных хозяйств, имели клички от бывших хозяев. Иванова Сивуха, Степанов Гнедко и так далее. Но росло уже новое колхозное поколение. И была из этого поколения красивая, стройная в серых яблоках кобыла Муха. Шла война, и кони тоже шли дорогами войны. Поэтому в колхозах шли смотры лошадей, промеры и их отбор и регистрация. Ушла с этого двора со своей сбруей и эта красивая лошадь. Где пришлось воевать ей? Может, подвозила снаряды, может, перевозила раненых, дошла ли она до Победы или погибла где-то под бомбежкой, никто из нас не знает. После войны со стороны Дворца гнали табун лошадей, говорили, что это с воинских частей их возвращают в колхозы. Мухи среди них не было.

Оставшимся лошадям здесь в тылу, как и людям, было нелегко. Все полевые работы, вспашка, бороньба, посев и уборка, транспортные работы - все лежало на лошадином хребту. Помню плакат тех лет. Бородатый мужчина держит под уздцы лошадь и призыв: "Окружи коня заботой - по-ударному работай". Работали на лошадях как взрослые, так и подростки. А на такие работы, как сенокосилка, лобогрейка и другие лошадей подбирали в пару. Для хозяйственных нужд в распоряжении конюха был старый мерин - Мерушка. Так я, готовясь в кавалеристы, не слезал с него, хоть он в телеге с бочкой, хоть в поле за кормом лошадям. По оглобле забирался на него и, вцепившись в гриву, я стрелой мчался рубить врагов. А Мерушко слушал мою болтовню, понуриив голову, шел своей дорогой, едва переставляя ноги. Раз поехал на нем к речке, напоить его, спускаясь под гору, он споткнулся, и лихой наездник, через его голову, мешком плюхнулся перед его мордой. Так он не переступил с ноги на ногу и не поднял головы, пока я тем же путем, каким слетел, не забрался обратно, уселся, и тогда Мерушко пошел дальше. А вот другая лошадь и другой характер. Лошадей в ночное отправляли в Подзеленинское по Климиному логу. На Сивухе, не помню кто, поздно приехал. Я согласился отвести ее в табун в Подзеленинское. В Климином логу посреди поляны стоит одинокая большая ель, ее могучая крона начинается на высоте метра два. Так вот, эта Сивуха стрелой занесла меня под эту ель, и я,

подцепленный за подоородок толстым суком, скользнув задницей по крупу лошади, плюхнулся под елкой с ободранной шеей. Сивуха, освободившись от седока, умчалась к табуну на звон колоколов.

Вот так прокатились, пошли дальше.

А дальше будет хозяйство, некогда принадлежавшее отцу Путина Семена Артемьевича. Родина Семена, это об этом доме он хранит самые теплые воспоминания, а сейчас здесь овчарник, где в стаях живут колхозные овцы, которых нередко навешают волки. В избе - кормокухня. Рядом с этой избой стоит маленькая избушка, где живет маленькая старушка. У нее в избе крашеный пол и имеется толстая книга с кожаными корками, которая закрывается на маленькие медные крючочки. Я прошел уже весь букварь, но бабушкину книгу читать не умею, в ней много цветных букв и мне не известных. А бабушка читает эту книгу каждый день. Я здесь появляюсь в самые морозные дни, возвращаясь из школы, забегаю к ней обогреться. Есть у бабушки сын - моряк. Когда он приезжает к бабушке, мы все с завистью смотрим на этого моряка. Хорошо Вовке и Борьке Мокрушиным, он их дядя и приходит к ним домой, и даже приносит им гостинцы, и Вовка с Борькой даже могут померить его фуражку с кокардой. А мы только так, издаലെка посмотрим. Звали эту старушку Гришиха Маркова (Евдокия Васильевна).

Пошли дальше через Климин Лог, который в весеннее половодье мог доставить неало хлопот, чтоб перебраться через него. За Климином Логом по проулку зайдешь в хозяйство Вшивкова Дмитрия Ефимовича и его жены Натальи Андреевны, дочери дедушки Андрея и Андрюшихи. Дмитрий Ефимович - Митяха. У Митяхи две избы - летняя и зимняя, тоже большая ограда с постройками. Дети у них взрослые, дочь живет в Верещагино. Сын Иван на фронте, с ними младший Леонтий - Левка, работает в колхозе. Чтоб сбросить тяжесть переживаний военных и послевоенных лет, по окончании полевых работ, по решению правления колхоза, устраивался колхозный праздник. Приурочивался к Октябрьской. Так его проводили не раз в большой Митяхиной избе. Побываем и мы с тобой, дорогой читатель, на одном таком празднике уже в первые послевоенные годы.

Подготовка к празднику начинается заранее, вернее, за год. Для праздника нужно сохранить скот за зимовку, накормить его на пастбище, надоить молоко, вырастить мясо. Сохранить семена, посеять весной и собрать осенью урожай. Рассчитаться с государством молоком, хлебом, мясом. Тогда правление колхоза примет решение о проведении праздника. Недели за три распределяют обязанности: ты, Матрена, сварить пиво, ты, Пелагия, испечешь пшеничники из нового урожая, ты, Марья, сварить студень из ног и головы забитого к празднику бычка. Распределены обязанности, розданы продукты, учтены все, кто идет на праздник, кто получит, так сказать, сухим пайком на дом. В день праздника везут от Матрены крепкую хмельную брагу или пиво, от Пелагии несут пышные румяные пшеничники, увидев которые, бабы, сами искусницы в стряпне, восхищаются пшеничками, испеченными Пелагией. Мужики принимаются за

дело, рубят в корыте мясо для пельменей. Мясо, немного подмороженное, и рубить его начинают топором, а затем сечкой. Женщины, да и девушки-подростки месят тесто. Готовят сочни. Но вот и готово мясо. Все садятся вокруг стола и вместе щипают пельмени. Снимают пробу мужики с браги или пива, привезенных от Матрены, хвалят. Но бабы дают им только попробовать. Настряпав пельмени, разошлись по домам управляться с хозяйством.

Собираемся на праздник. Та одежда, в которой работали на полях и фермах, для праздника не годится, а праздничной, да просто новой, не покупали за долгие четыре года войны. Доставали женщины довоенные платья и кофты, мужики помоложе решают проблему брадобрейства. Хорошо, у кого есть суконная пара или матерчатая визитка, хороша будет и сатиновая рубаша, ну и конечно, для бывших солдат - армейская гимнастерка. Не меньше хлопот со сбором малышей. Кому-то мать из своего платья или юбки сшила штаны с ляжкой. У кого-то нет пальтишка, одевают отцовскую, материнскую фуфайку, сверху повязав коричневой "козловой" шалью. У всех проблемы с обувью. Нынче ранняя зима и к октябрьской намело зимние сугробы, то обуваются в катанки, у кого есть чesанки с галошами.

Собираются на праздник дружно, никто никого не ждет, а сразу закипает праздничная суматоха. Затапливают подтопок и русскую печь. Ставят кипятить воду. Раздевшись, свалив одежду на полати, в первое застолье сажают детей. И пока закипает вода, и варятся пельмени, мамы рассаживают своих чад, утирая им сопли. Усадив всех отойдут в сторонку и любуются ими, и ни у одной от этого любования покатится по щеке горячая слеза. Но вот и готовы дымящиеся паром на большом подносе пельмени. Их раскладывают по чашкам, тарелкам. Если дети из одной семьи, они в одной чашке ели. Не удивляйся и не придумай сорвать, если тебе попадется ложка или вилка с цветной ниткой на черенке - это метка хозяйки принесшей посуду на праздник. Быстро опорожнились чашки от первого варева, не беда, несут второй поднос, с этим уже дело идет медленнее, кто уже захотел сикать, и мама ведет того на задворки. Стряпухи спрашивают: "Наелись ли, ребята?". Наелись! Шагом марш на полати. В этом первом застолье, отдавая его детям, люди думали о продлении жизни, о завтрашнем дне.

Но вот убрана и вымыта посуда, разместились на полатях на своих одежонках дети. Садятся за стол колхозники. Садятся уцелевшие семейные пары, как-то само собой оказалось, в одном углу расселись молодые вдовы, здесь, с краю, сидят молодые ребята и девчата, уже испытывшие все тяготы крестьянского труда.

Два стула не заняты, ждут председателя колхоза. Но вот и он - молодой, высокий, красивый. На нем солдатская гимнастерка, на груди медаль и нашивка за ранение. Он очень похож на Ворошилова, портрет которого висит в школе. Председатель был на фронте с первых дней, был ранен и на лечении был в наших краях. По решению списан вчистую с армии, родом он был с Кубани, где еще шла

война, так осел на Урале. Женился на многолетней вдове, она помогла ему после ранения встать на ноги, а он помог поставить на ноги ее малолетних детей, да после своих завели и вырастили. На фронте он стал коммунистом и здесь, став на ноги, по решению райкома ВКП(б) был направлен к нам председателем. Жена его, вдова с тремя детьми, выхаживала его после ранения, тоже как маленького ребенка. И вот сегодня она пришла с ним и сидит рядом, смущенная под взорами вдов-солдаток и счастливая. Это были Поляков Александр Николаевич и Мария Степановна.

Раздобыли немного водочки, сейчас наливают всем по рюмочке, ждут слово председателя. И вот он, встав, по-солдатски оправив гимнастерку, без бумаг перечислил все основные успехи в животноводстве и полеводстве, называя имена колхозников, ударно трудившихся на полях и фермах. И когда назывались имена отца или матери сидевших на полатах детей, там тоже вспыхивало радостное оживление. А когда председатель благодарил детей за помощь колхозу и среди других назвал Еньку, моего друга, за уборку хлеба с отчимом Яковом Ивановичем на лобогрейке, а меня - за пастьбу овец, то мы были не на полатах, а на седьмом небе. И когда мы с Енькой пошли на улицу отлить, то рассуждали примерно так: "Ты слышал, что о нас сказал председатель. Я на будущий год, в каникулы, еще буду лучше работать".

А за столом, прослушав короткую, но емкую речь председателя, чокались и выпивали по рюмке за Победу, за Сталина и за все остальное. И были к месту тут и горячие пельмени, и студень с пышными пшеничниками, и хмельная забористая брага. Насытившись и немного захмелев, простая русская душа, отложив все горести и печали, выльется в русские песни да лихие пляски. Вот и сдвинуты столы, все рассаживаются по лавкам, ходит по кругу большая кружка с хмельной брагой, и полилось, начиная с "Катюши", "Землянки", "На позиции девушка..." и "Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем...", подтверждая это делом.

Веселье набирает силу, вот появилась и трехструнка в руках Сашки Ларионова. И первые звуки "Подгорной" срывают с лавок мужиков и баб, закручивают их в вихре пляски. И глядя с полатей, любишься, до чего же красивы наши папы, мамы, тети и дяди. Привыкшие видеть их в замызганных фуфайках, изношенных лаптях, с вечной печатью печали на лицах, они в этом кругу были не узнаваемы. Вот Матрена в цветастом полушалке, павой, раскинув руки, идет по кругу. А это Орина в больших подшитых валенках выдает такую дробь, что не каждая артистка в туфельках может выдать. А это Левка, он уже с бабами пляшет, да как, в присядку, где только научился. "Подгорная" сменилась, "Ах, вы сени, мои сени", и снова от дружного топота десятка людей пол, кажется, прогибается, и вся изба, кажется, ходит ходуном, в такт старинной русской пляске.

Собственно ради вот этих минут всеобщего веселья и проводится этот колхозный праздник. Далее кому-то с непривычки стало плохо, его отведут в

зимовку к Митяхе. Тут какую-нибудь вдову охватит такое горе, и она, выйдя из круга, уйдя за печку, так вззоет, что никакой песней не заглушишь. Там мужики на перекуре, что-то вздыбились петухами. Чтобы не испортить общего настроения, да и времени уже за полночь, снова закутывают своих чад в шали и фуфайки, поблагодарив стряпок, один за другим покидают праздник. На другой день еще соберутся подобрать в избе, разобрать посуду и допить брагу, бывало, опять же и заканчивался весь праздник.

А мы пошли дальше.

А дальше будет хозяйство Путина Захара Ивановича и его жены Пелагии Федоровны. Захар Иванович погорелец, была, говорят у него большая другая изба, да сгорела, когда в деревне был пожар. О нем описал Семен Путин. А сейчас у Захара не большая, но добротная избушка со всеми надворными постройками. Есть у Захара и Пелагии дочь Наталья, выданная замуж за Павла, сына Афони. Поэтому Наталья - сноха Афанасия и Прасковьи, а Захар и Пелагия - сват да сватья. И сын Павла и Натальи Леонид - Ленька большую часть своего детства провел у дедушки с бабушкой. Ленька мне будет племянник, хотя он на два года старше меня. Все каникулы школьных лет он проводил у дедушки, а так как мы с Ленькой были не разлей вода, то и тут торчал часто, может, и не всегда желанно. Захар крепкий, но прихрамывающий мужик, в его руках кипело плотничко-столярное дело, увлекался пчелками. Имел грамоту, поэтому был заведующим фермой. Пелагия низенькая, русая, круглолицая женщина, мастерица в кулинарии. Добродушна, никто, наверное, от этой женщины не слышал резкого слова. Под старость Захар с Пелагией переехали жить в Пермь к зятю и дочери. Брат, приезжая в деревню, останавливался у тестя, к нам приходил уже от них, и нам это казалось как-то не естественно, хотя и понять можно было, у нас большая семья, не те недостатки, а там он единственный любимый зять. Когда старики уехали к зятю, то хотелось им, чтоб и он отплатил им той же монетой.

Теперь зайдем в дом Кайгородовой Марии Ивановны. Она сестра Захара Ивановича. Мужа своего Степана проводила на фронт и осталась с дочерью Валей. Валя уже взрослая, работает счетоводом в колхозе. Марья крупная, полнотелая женщина. Дом их стоит как бы на углу, мимо их усадьбы проходит проулок к реке и Забегаевскую сторону. Тоже бывшие погорельцы. Не могу определить, был это сон, или детская память хранит такой момент.

Лето, за нашим огородом поле ржи, которую косит на лобогрейке усатый мужик. Мы с Ленькой пришли сказать ему: "Дядя Степан, тебя на войну зовут". И этот усатый потный мужик съезжает с круга и начинает выпрягать лошадей. Сон это был или явь, а Степан Кайгородов погиб на фронте в первые годы войны, оставив вдовой свою Марью и дочь Валю.

В 1943 году у тети Марьи были летом надомные ясли, и нас, малышню, дав с собой бутылку с молоком и краюху хлеба, водили к ней. Раз, играя у нее в ограде, мы нашли медные створчатые иконы, которым она была очень рада, так

как они были потеряны во время пожара. В яслях тетя Марья была и заведующая, и воспитатель, и няня.

В один из солнечных августовских дней мы играли с Онькой. Она, на год старше меня, такая звонкая, бойкая. Когда займешься с ней бороться, она меня побарывала. Так вот, играя со мной, она положила мне в ухо гальку. Затем сама же и пыталась ее достать своим пальцем, вталкивая ее дальше и дальше. Так с этой галькой я хнычущий и пришел домой, где мои сестры занялись доставать гальку вязальным крючком, задвигая ее еще дальше. На второй день меня повезли в Очер в больницу, где не помогли пинцеты, и меня направили в Верещагинскую железнодорожную больницу. Не помню, как и на чем, но на следующий день я с мамой оказался в Верещагино в больнице. Помню, женщина в белом халате долго мыла руки и надевала перчатки, чтоб отрезать мне ушную раковину и тогда достать гальку. Страх вытолкнул меня из этой больницы, и я наутек побежал вдоль по улице, вслед за мной, плача и зовя остаться, бежала мама. Меня поймали крепкие мужские руки, когда я огляделся - это был военный. Тут подбежала и мама. Мама рассказала всю нашу историю, что сейчас нас в больнице ждет врач, готовый отрезать ухо и достать гальку. Чем привела в удивление и возмущение этого человека. Бог послал на мою дорогу его. Он объяснил маме, что никаких ушей резать не надо, а надо сейчас сесть на поезд, приехать в Молотов, найти Александровскую больницу, там попасть на прием к врачу ухо-горло-носа, и он эту гальку достанет, не трогая уха.

Помню, ходили в какую-то баню, мама, не раздеваясь, держа меня за руку, умылась и умыла мои сопли и слезы, тот же военный помог маме купить билет, и мы с мамой поехали в Молотов. Это была моя первая поездка на поезде, но головная боль не давала возможности все осмотреть и запомнить. И вот мы у широкой каменной лестницы Александровской больницы. Мама, боясь, чтоб я больше не убежал, говорит, что мы едем к папе. Папа в те годы был призван в трудармию и копал уголь в Губахе. На этих широких каменных лестницах сидит человек, буквально с головы до ног перемотанный белыми бинтами. Тут же на лестнице лежат его костыли.

Мама просит эту белую мумию последить за мной, мне, объясняя, что узнает, где наш папа. Я остался с этим человеком, разглядывая его и расспрашивая, почему он перемотан белым. Тогда он рассказал, что он с фронта, обгорелый и раненый. Этим вызвал у меня еще больший интерес. Если б я задумал убежать, то он бы меня на своих костылях все равно бы не догнал. И когда вышла мама, мы сидели с этим несчастным рядом и мирно беседовали. Поблагодарив солдата, мама взяла меня за руку и повела по широкой лестнице с поворотами на второй этаж. Там завела меня в комнату, где, видимо, уже ждала нас молодая красивая женщина, которая усадила меня на стул, дала в руки, какую-то игрушку, маме - тарелочку и что-то из большого шприца налила в мое в ухо. В ухе зашипело, приятно защекотало искомыврянную крючками и пинцетами ушную раковину, и

дальше чувствую как бы щелчок - и галька выпадывает на тарелочку, которую держит мама. Мама в полуобморочном состоянии падает на стул. Придя в себя, она в слезах обнимает нашу спасительницу. И так, низко кланяясь и плача, мы покидаем этот кабинет.

Спускаемся по тем же лестницам, где все так же сидит перевязанный солдат, мама делится с ним своей радостью, и я машу ему рукой. Сделав главное, мама решила на минутку зайти попроведовать своего старшего сына, который сейчас работает на оборонном заводе. Павла дома не было, не было дома и Леньки, он был где-то в лагере, дома была сноха Наталья, с которой мама обменялась новостями. Я покатался на трехколесном велосипеде по комнате, которая принадлежала Леньке.

Впервые я проехал в трамвае, и вот мы снова в вагоне, сейчас я уже все рассматривал и слушал. Наверное, именно здесь я впервые услышал песню "Враги сожгли родную хату", почему она мне запомнилась, наверное, потому, что там есть такие слова: "Сказал солдат, - встречай, Прасковья, героя - мужа своего"

Прасковьей звали мою маму. Со станции Верещагино я, шестилетний, с мамой пешком пришел за восемнадцать километров в свою деревню, когда начинал хныкать, мама уговаривала меня: "Пойдем быстрее, дома девки получили, наверное, к Спасову дню мед", так и было. Дома нас ждали стеклянная банка меда и неописуемая радость моих сестер, что я жив, здоров и с обоими ушами.

Вот как далеко мы уехали от тети Марьи. Теперь по Забегаевскому проулку сбегает в Забегаево. По мосту через речку, справа стоит дом Кати Серьгихи, не зная Катю, но, находясь в яслях, самовольно ходили туда на экскурсию. Поражала чистота отделки этого дома и его двухэтажность. Позже в этом доме была контора лесоучастка сверху, а внизу магазин с большим ассортиментом товаров для лесозаготовителей, да и колхозники тоже там покупали. За домом стояла большая елка с обрезанной верхушкой, нам объясняли, что во время гражданской войны верхушку ее снесло артиллерийским снарядом.

Под горой Забегаевки, жил Федор Иванович Морозов, крепкий бородатый мужик, был он говорят священнослужителем. Растет у него сын Семен. Поднимаемся в крутую гору. Эта гора у морозовцев была основной для праздничных катаний на масляной неделе. Не одно поколение вспоминает веселые игры и катания с этой горы. На горе изба Пугина Лаврентия Ефимовича и его жены Павлы Федоровны. У Лаврентия, почему-то не сгибается нога, и он ходит с палкой. Павла - полная дородная женщина. Лаврентий сын отца Ефима, поэтому у них в избе много икон. Люди набожные, хранящие в чистоте свою старообрядческую веру.

И когда кто-то уйдет в мир иной, родственники обращались к грамотным, помянуть душу усопшего, то собирались, примерно, в таком составе: Лаврентий Ефимович с Павлой Федоровной, Григорий Афанасьевич с Вассой Борисовной, Кузьма Николаевич с Пелагией Федотовной, это костяк. Люди все в годах,

уважаемые в деревне. Но по тем временам вынужденные совершать обряды в тайне, полулегально. Мы с ними еще встретимся.

Есть у Лаврентия Ефимовича внук Вовка Тюлюкин, вот к нему я и приходил в этот дом, с ним мы одноклассники и было у нас с ним много общего - от раннего детства и до юношества. Лаврентий Ефимович с горы спустился, построив дом на бывшей усадьбе Соловьева Маркела Ефимовича, а доживала в новом доме отца дочь Лаврентия - Марья. Владимир в молодые годы завербовался на работу в Магадан и пока не выработал северный стаж, оттуда не выезжал. А, выехав, обосновался где-то на Дальнем Востоке и увез с собой мать.

За Лаврентием в Забегавке усадьба Ефима, где я был один раз. Старые люди. За ними усадьба Морозова Ивана Марковича и его жены Екатерины Ивановны - дочери Ивана Илларионовича, у них трое ребят. Вова, Паша и Тася. Отца у них дома нет. Ушел на войну. Выше их живут Мокрушина Татьяна Ивановна, у нее тоже трое детей - Нина, Володя и Боря. Их папа тоже ушел на войну, и на него получили похоронку. Теперь Татьяна работает одна и поднимает эту троицу. Не берусь описывать, это только может она сама рассказать и только тот, кто на себе испытал, как в те годы вдове поднимать на ноги троих детей. Росли эти дети полуголодные и полураздетые, но не замечавшие этого только потому, что были согреты теплом сердца своей матери. Вот с этими ребятами прошли мое детство и юность. Вместе играли, учились, работали в колхозе.

И теперь, через годы я храню самые теплые воспоминания о Вас, друзья моего детства. Некоторых уже нет в живых, а всем живым желаю только самого наилучшего. Это Толе и Клаве Политовым, Гере Лукьянову, Гале Путиной, Шарифяну Саубатову, Лене Путину, Оне Вшивковой, Володе Тюлюкину, Володе, Паше и Тасе Морозовым, Нине, Володе, Боре Мокрушиным. Володи и Бори уже нет в живых. Круг друзей со временем расширится, но сейчас мы через Сташихин угор из Забегавки вернемся в Казаково.

Итак, мы совершили маленькое кругосветное путешествие. Условно будем считать, что за время путешествия прошло два года. Призвали в трудовую армию папу. Когда и как провожали его, я не помню. Работают в колхозе сестры. Помню случай: в теплый весенний день сестра Катя в слезах приходит домой и жалуется маме, что лошадь, на которой она боронила в поле, легла и не встает. Пошли они с мамой и подняли лошадь. Зима 1943 - 1944 годов была очень холодной. Даже полноводная наша река в ту пору перемерзла, и воду на коровью ферму возили из ключа, расположенного на болоте под огородом Ивана Илларионовича. Дорога была мимо нашего дома. Мама, возившая эту воду, подбирала замерших воробьев в заповодок и приносила домой. В избе несчастные отогревались и летали, затем их выпускали, чтоб они не стали добычей кошек.

В ту зиму я практически один сидел дома, Андрея и Андрюшихи нет. Мама работает на ферме, уходит рано, подоив коров, управляется дома. У нее

болят руки от очень тугой дойки колхозной коровы Комсомолки. Прошла зима. Прошла зима, весна и лето 1944 года, и первого сентября одетый во все парадное, обутый в новые резиновые галоши, держась за мамину руку, я шел в школу. Где меня из маминых рук взяла учительница Широглазова Наталья Ивановна и посадила за парту.

Так для меня начался новый этап моей жизни. Я школьник. Появляются новые друзья и знакомые. Узнаю, что кроме Натальи Ивановны в школе есть заведующий - Вшивков Василий Иосифович, что есть там тетя Маша, в народе Маша-Омелиха, которая моет в нашей школе, но самое главное - она варит очень вкусный суп. И мне велели принести в школу свою чашку и ложку.

Где-то в феврале месяце я, изрядно побегав на улице, намочил валенки, чтоб просушить их, положил в печь. Мама утром ушла на ферму, и я остался один, проснулся от едкого дыма. Открыв заслонку русской печи, я с ужасом достал оттуда свои валенки с обгоревшими голенищами. Они не горели, а просто тлели, и я их затушил, просто обмакнув в ведро с водой. Пришла домой мама, увидела дым и обгорелые валенки и очень разволновалась, так как других валенок у меня не было. Поход в школу был отложен. У валенок обгорели голенища, и было принято решение: к оставшимся целым пришить стеженье рукава от старой фуфайки и получится что-то вроде бурок. Этим и занялись.

После обеда, часа в три в четвертом дня, по тропинке в черной дубленой шубе, закутавшись в шаль, идет к нам тетка Васса, и сколько я ее помню, до самой пенсии она работала почтальонкой. В жару и холод, пешком и на лошади, управившись со своим хозяйством, тетка Васса отправлялась в Очер за почтой. Не раз с лошадью она уходила от волчьей погони. Почтальоны военных лет, как ждали и как боялись вас те, кто ждал весточки от тех, кто ушел долгими и дальними дорогами войны. И вот тетка-почтальонка идет к нам. У нас на полу и лавке лежат обгорелые валенки и заготовки для новых голенищ. Входит тетка, раскутывает шаль, смотрит на наше производство, мама, отложив все дела, встает и смотрит на тетку.

Тетка мнется, не зная с чего начать, что делать, тем еще больше разжигает беспокойство мамы. Затем тетка снимает шубу и говорит: "Пойдем-ко, Прасковья, на середь". Две сестры уходят на кухню, что-то там шелестит, и истошный крик мамы, от которого, наверное, вздрогнула изба: "Колька!" И дальше уже ведомая под руку теткой, заливаясь давящими слезами, падает на кровать. Тетка поглаживает по голове и успокаивает маму.

Так дошло до нас извещение, что мой брат Путин Николай Афанасьевич погиб смертью храбрых за нашу Советскую Родину 12 января 1945 года и захоронен в братской могиле на 20 километре Варшавского шоссе г. Стамуф? Сташуф? Сталеуф? Сколь людей пыталось прочесть название города, прочесть не

могли. О постигшем нас горе мама известила папу, брата. А жизнь продолжается, оправившись от второго удара при потере сыновей, мама снова пошла на ферму, я с пришитыми стеженими голенищами тоже погшел в школу. Но беда, говорят, одна не ходит. В марте заболела корова, и в апреле, в самую распутицу, сват Захар Иванович ее дорезал. Мясо, из-за бездорожья, никуда не реализовали. Разрубленная на части туша коровы висела в сенях зимней избы. Захар Иванович говорил, что корову докололи потому, что она проглотила иголку.

И вот снова весна, и наша речка в большом разгуле, отрезала нас от мира. По случаю половодья я на весенних каникулах. В один из таких дней я, любуясь из окна вешним разливом реки, увидел на Ереминой релке человека, который стоял на угорышке и смотрел в нашу сторону. Посмотрев на этого человека, я говорю маме: "Мама, вон на Ереминой релке нищий, видимо, к нам хочет перебраться". Мама смотрит в окно и ахает: "Какой нищий, это отец идет домой". И, схватив в руки шаль, в чем была, выбежала на улицу. Сквозь шум половодья, размахивая руками, объясняет папе, чтоб он шел по правую сторону, сама, прыгая через ручьи с кочки на кочку, бежала ему навстречу по нашему берегу реки.

Пока я нашел, что одеть, и перебрался через ложок, папа с мамой шли уже навстречу. Они были рады встрече, которая была омрачена извещением о гибели второго сына. Войдя в сени, полоснула еще одна трагедия для крестьянина в ту пору - это туша коровы, развешанная по стенам сеней. И хотя папа пришел домой истощенный, а дома мяса - целая корова, он не набросился отъедаться.

Возвращались из Губахи три друга. Шилов, имя не знаю, знал его сына Павла, Дмитрий Ефимович - Митяха и наш папа. Доехав до Молотова, решили навестить родственников и добираться до дома. Шилов, зайдя к дочери, на радостях, был накормлен досыта. Истощенный организм не справился с нагрузкой, и он умер. Поэтому папа долго ел помалу, но часто, постепенно восстанавливая свои силы. А впереди его ждала снова не легкая работа в колхозе, ежегодная отправка на лесозаготовки. И в общей сложности, мама считала, что пришлось ей папе, считавшемуся когда-то сметанником, собирать котомку девятнадцать раз. Прошел папа и солдатскую службу, был на германской войне, где ранен в ягодицу, на гражданской войне, и под Андреевкой Оханского района потерял глаз, поэтому был одноглазый. Мама, вдевая нитку в иголку, не может угадать, папа берет у нее и вдевает, говоря: "Один глаз зорок - не надо и сорок".

Мама окончила два класса церковно-приходской школы. Я, учась в седьмом классе, всегда за помощью приходил к маме, и она мне помогала. Папа вообще в школу не ходил, поедут с мамой на базар торговать мясом, мама не может в уме сосчитать, сколько нужно получить за три фунта мяса. Папа своим счетом высчитает и скажет правильную сумму. Вел он счет на косушки, осьмушки и т. д.

Но вот и настал долгожданный День Победы. Запомнился он мне тем, что у тетки Вассы потерялась коза, а мы, отпущенные из школы, прыгали от радости на берегу еще не полностью вошедшей в берега реки. И потому она подумала, что мы ее утопили, а мы козу и не видели. Следующим ударом для меня лично было окончание учебного года: мне возвратили мою чашку и сказали,

что я осенью приду снова в первый класс. Чем я был очень огорчен и боялся идти домой. А сестры уже знали мою беду и только хохотали надо мной.

В сорок пятом осенью я уже один без сопровождения ушел в школу и больше по два года в один класс не ходил. Окончив в 1949 году Морозовскую начальную школу, я поступил в Очерскую семилетку.

За эти годы были объединены две бригады колхоза "Пролетарий". Был построен новый конный двор, и для нас, верховцев, было большим ударом, когда лошадей увели в нижний коней деревни. Это было первое укрупнение в колхозе. Гигантомания захватывала до того, что один колхоз занимал полрайона. Затем снова разъединялись, доразъединялись до того, что остатки сами разваливаются.

А папа, сняв с себя брезентовые, с деревянной подошвой, ботинки, сменив их на лапти с портяными онучами, убитый горем потерей двух сыновей, стал снова работать в колхозе на самых трудных работах. Он и в поле, он и с двумя подводами на хлебопоставках, к каждую зиму на лесозаготовках. А весь его труд оценивался так, что хватало с добавкой от домашнего хозяйства, чтобы расплатиться с неподъемной ношей сельхоз. налогов и тысячными государственными займами, возвращения которых это поколение от государства не дождалось.

Порой, мне казалось интересным, достать из-под моста огромные брезентовые, на деревянных подошвах, ботинки, привязать их к ногам, ходить и

ходить, стучая ими по полу. Увидев это мое занятие, папа снимал их с меня и забрасывал куда-нибудь подальше. Нелегкие, видимо, воспоминания приходили к нему, глядя на эти ботинки-кандалы.

Время шло, и мои сестры из угловатых девочек-подростков превращались в красивых девушек. Ведь несмотря ни на какие трудности человеческого бытия, и у нас каждую весну расцветали сирень и черемуха. Сестрам тесен был уже мир полатей, но без разрешения папы они не могли покинуть этого мира. Мама в решении этого вопроса участия не принимала. Дочери просились у папы: "Папа, отпусти нас в кино или на вечерку", а он отвечает: "На полатах не тесно". Но девушки знали, что стоит им поласкаться к нему, погладить его рыжеватую седеющую бороду, строгость сменялась на милость, назначалось время возврата домой, и сестры, по возможности принарядившись, довольные бежали в клуб.

Рос и я, хоть и без особых успехов познавал школьные науки и первые трудовые навыки во время летних каникул. Первой моей полезной работой была пастьба. Пас сначала овец с мамой, за маму, а потом самостоятельно.

Прямо бедой были тогда для овцеводства волки. Они проникали ночью на ферму и давили бедных животных десятками. Они нападали на стадо во время пастьбы. Бывали случаи, когда волк тащит овцу за шею, пытаясь перекусить ей горло, а пастух тащит овцу за задние ноги.

Помню один день из моей пастушьей жизни. Утром выпустил овец, одна в моем понятии вредная овца по Максиному Логу побежала на клевер, сколь я ни кричал, она, увлекая за собой стадо, бежала на клевер. Добежав до клевера, гляжу, стадо бежит мне на встречу, а та первая овца уже на хребте матерого волка в сопровождении двух молодых. Тогда я вернулся со стадом ближе к деревне и пас против деревни на паровом поле. Разжег костер. Слышу блеяние и топот овец. Оглянулся, а волк сзади меня. Овцы в страхе сбились в кучу. Я с криком стал бросать из костра головешки в волка, чем и отогнал его от стада. Тогда он переходит улицу, реку и устремляется мимо теткиной избышки на угор, где пасется тетки Вассы теленок. Я, вооруженный шающей головешкой, устремляюсь за ним, крича на ходу, зову тетку на помощь. Волк уже атакует теленка, тот увертывается от него, но убежать не может, потому что привязан.

Тетка, услышав мой крик, вышла узнать, в чем дело. Увидев волка, нападающего на теленка, схватила вилы и тоже побежала отбивать своего теленка. Потерпев и тут неудачу, волк отступил, но уходить без добычи не собирался. Спустился снова к реке, где паслись гуси, принадлежавшие татарину Аминову, одному из переселенцев, и, поймав прямо в реке одного гуся, взвалил его на горб и только тогда ушел в лес. Когда вечером мы с теткой рассказали Аминову, что его гуся унес волк, он не поверил. Пошли в ту сторону, куда ушел волк и недалеко от ключа нашли гуся с перекушенным горлом, сам же гусь не был съеден. Вот какой был кровожадный зверь.

Пас я и колхозных коров. Здесь я расскажу случай, а можно и два. Первый

день выгона скота. Стадо гонится через всю деревню на поле в Очер по дороге. В стаде отпущен трехлетний черный белоголовый бык Лебедь. Пастух, Хнычкин Владимир, в деревне, наверное, никто не знает откуда он взялся, живет у Маши-Омелихи, нашей школьной технички. Я - подпасок. В первые дни помогают гнать стадо и доярки. Лебедь, в первый раз выйдя на волю, не знает, где попробовать свою силу, там сломает огород, тут раскатит поленницу дров. Я его боюсь. У сельсовета я встаю в проулок, чтобы коровы не ушли на конный двор.

На крыльце сельсовета много народу смотрит на идущее стадо. Завидев быка, все поднимаются на верхние ступеньки. Бык, только что раскативший поленницу, с ревом идет впереди стада посредине улицы. И вот тут Хнычкин, зайдя вперед, объясняет людям на крыльчке, что они с Лебедем большие друзья еще с прошлого года. Все кричат: "Володя! Уходи!", но винные градусы толкали Володю навстречу быку с протянутой рукой. Расстояние между ними все меньше ..., меньше ..., и вот сошлись.

Бык, скребнув копытом землю, мотнул головой и, зацепив рогом Володю за полусуконный армячишко, перебросил через себя. Среди стоящих на крыльце раздался вопль ужаса. За телефонный столб спрятался и я. Бык, видимо, и не понял, куда девался его "прошлогодний друг", и, видя перед собой толпу зевак, двинулся на них. Там всех как ветром сдуло, кто попрятался в нутре крыльца, кто, не чувствуя под собой ног, бежал вдоль по улице, затем прятался в попавшихся огородах и оградах.

Все, кроме одной технички сельского совета, как говорили Шуры-сторожихи, которая пришла на работу, и когда гнали стадо, она стояла на крыльце, приготовив для работы веник и ведро воды. Когда же бык подошел к крыльчку, старушка, макая веник в ведро, махала на быка, как бы кропила его холодной водой. И бык, поставив под ее душем, мотнул головой и спокойно пошел дальше.

Нашего "тореадора" спасли, наверное, какие-нибудь миллиметры, чтобы бык, не подцепил его за яйца и не оглянулся назад, когда Володя, сделав воздушное сальто, плюхнулся сзади быка. Отлежавшись, вооружился палкой и пошел позади стада, грозясь, что он убьет Лебеда. Но кто видел, чтоб пастух вицею убил трехлетнего быка? Я нет.

Еще о пастьбе. В жаркую пору коров пасли ночью, и пришел волк, так коровы этого волка загнали в сколок. Окружили его, и бык ходил всю ночь вокруг сколка. Коровы, оставив телят позади себя, каждая стояла как бы на номере. Так волк, трусливей зайца, только утром выскочил из сколка и наутек с поджатым хвостом бежал в лес Широкого Лога. Коровы во главе с быком бежали за ним, пока тот не скрылся в лесу. Вот так вот, это тебе не овечки, уссаявшиеся и сбившиеся в круг, подходи да бери.

На этом же Созоновске был памятный случай. Пасли в ночь с Дмитрием Ефимовичем Митяхой. На поле - стог старой соломы, он его с вечера поджигает. Когда стемнеет, коровы тоже любят поспать, полежать возле костра. Митяха лежит

у костра, хотя как назвать стог тлеющей соломы костром? Ведем тихий разговор, Митяха рассказывает о своем житье-бытье, а рассказать ему есть что. Время от времени он посылает меня обойти стадо, говоря: "Валько, оббежи-ко". Я обхожу, возвращая к костру ушедших коров. В один такой обход слышу у костра истошный крик Митяхи. Бегу к нему и вижу, что Митяха у костра то высоко подскочит, то выгнется, выпячивая вперед грудь и загибая голову назад. Увидев меня, кричит.: "Валька, сними с меня фуфайку". Я не могу понять, в чем дело. Стал расстегивать пуговики, но оказалось, что вместо верхней пуговики фуфайка пристегнута приколкой. Я пытаюсь при мерцающем свете горящей соломы расстегнуть эту приколку, скрытую Митяхиной бородой. Только поймаюсь за приколку, Митяха с визгом подскакивает. Приколка выпадает у меня из рук, и все начинается сначала. И когда Митяха стал крутиться передо мной, я увидел, что его фуфайка на спине горит. Огонь, забравшись в вату, не спеша, но верно прижигал спину Митяхи, поэтому он кричал и выгибался, но снять фуфайку из-за приколки, спрятавшейся под его бородой, он не мог. Я тогда вцепился в ворот фуфайки и двумя руками разорвал проклятую булавку, освободив Митяху из огненного плена. Сбросив на землю фуфайку и рубаху, принялись затаптывать на них огонь. На спине Митяхи чернела с ладонь короста. Ни сидеть, ни лежать у костра он больше не мог. И я его проводил домой, оставшись со стадом один. Митяха до осени пролежал дома на брюхе, а Наталья выговаривала мне: "Как так: полспины сгорело, а вы не могли снять фуфайку?". Вот такие пастушьи истории запомнились мне на всю жизнь.

А вообще пастушью школу прошли все члены нашей семьи. Старшее поколение пасло коров в лесу, в Спору, где сами построили небольшую избушку, "балаган". Находился балаган в глубине леса и, не зная к нему дороги, не каждый его найдет. Сколько в том балагане и на поляне возле него проведено дней и ночей ребятами, совмещая пастьбу коров с детскими играми. А мы там коров уже не пасли, нам хватало больших лесных вырубок по Костылевской дороге. Помнят те годы с пастьбой коров и Володя Мокрушин, и Гера Лукиянов, и Толя Петров, которого, к сожалению, уже нет в живых.

А дома, заколов в сорок пятом году корову, нажились и с козой, затем в колхозе купили небольшую, черную комолую телочку, из которой вырастили себе корову. Это была небольшая, очень смиренная, так сказать, ручная корова, которую могли подоить все члены нашей семьи, в том числе и я. В деревне без коровы в те годы, да и в конце девяностых, можно рассчитывать на полуголодное существование. Говорят, в Индии корова почитается как божество. Почитается она и у нас, крестьян. Только если колхозник получал на трудодень двести граммов зерна, из которых он должен прокормиться сам и прокормить скотину, то естественно, в кадушке с пойлом не было хлебной шапочки. Продержали мы Мошку с сорок пятого по пятьдесят шестой год. Из черной она уже становилась седой. И в пятьдесят шестом, перед уходом в армию, я ее увел на базу "Заготскота". Ну вот и все о коровах. Вернемся к людям.

После войны среди родителей слышу разговоры: "Анна привела к себе домой какого-то мужика после ранения, и он сейчас живет у нее. Мужик очень худой, перенес много операций. Надо забрать у Анны Александрову суконную пару. Может, сама отдаст, а может, оденет на своего нового мужика. Да пусть уж эта пара останется у Анны для Шурки". Шурка хоть и не родной, но любимый внук папы и мамы. Он изредка приходит к нам.

В одно осеннее воскресенье, когда по застылой земле ветер гонял первые снежные сполохи, мы всем семейством рубили лес в нашем большом огороде. Лес стоял небольшим сколком и как бы разделял огород на две части. Внизу пахалось вдоль по склону, выше сколка - поперек. Убирали лес постепенно, по мере его естественного высыхания. Стояла на очереди большая суковатая сушина. Мы все по очереди грызем эту сушину двуручной пилой у комля. Дойдя до середины, наша пила оказалась коротка для пилки, тогда вспомнили, что в завозне много лет лежит большая пила с косыми зубьями. Мне объяснили, что этой пилой, когда-то вручную пилили тес. Принесли ее и стали пилить ею, ведя подпил, дергая в одну сторону.

И тогда к нам на огород пришла сноха Анна с мужчиной, одетым в солдатскую шапку и белый военного покроя полушубок. Полушубок, правда, не столь бел и не столь нов. Установилось какое-то неловкое молчание с перекрестным разглядыванием друг друга. Нарушила это изучение сноха Анна. Видно было, каких душевных сил стоило ей прийти в дом бывшего мужа, не погибшего, а пропавшего без вести в первые дни войны, с другим мужиком, которого война тоже чуть не отправила на тот свет. Теперь они стояли рядом, и было видно, что волновался и он. На его бледно-желтом лице как-то выделялись немного выпуклые глаза, на щетинистых щеках бегали желваки, да в проеме большого воротника на тонкой желтоватой шее дергался острый кадык.

Анна разорвала молчание, обращаясь к родителям со слезами: "Папаша, мамаша, простите меня, я приняла к себе этого мужика, его зовут Иван". Заплакала мама, уйдя со слезами домой, смахнул слезу и папа, затем подошел к Ивану, обнял его, прижал к себе, и так они стояли, двое вздрагивающих от слез мужчин и уткнувшаяся в рукав папиной фуфайки Нюра. Что было на сердце у каждого из участников этой встречи, рассказать трудно. Это и горечь родителей за погибшего сына, это и жалость к тем, кто, можно сказать, на коленях выполз из этой кровавой мясорубки. Мы с сестрами стояли у недопиленной сушины. Прослезились и сестры. Общие слезы сняли напряжение. А затем подключился к спиливанию и Иван. Николаев Иван Павлович, уроженец Калининской области, с первых дней оказавшийся на линии огня, когда у наших солдат на десятерых была одна винтовка. Перенес ранения и контузии, неоднократные операции, так и привела его судьба, сведя с Анной.

Теперь папа с Анной ушли в избу к маме, Иван остался с нами, по очереди дергая длинную пилу с косыми зубьями. Теперь уже Иван Павлович командует

нами, в какую сторону надо больше подпиливать, чтобы сушина пала в нужную нам сторону. И вот, наконец-то, огромная сушина рухнула с треском, ломая большие сучья. На пне спиленной сушины можно собрать большое застолье, но мы идем в избу, за застолье, собранное вместе мамой и Нюрой. Нашлось тут для взрослых и по стопочке, и решалась дальнейшая судьба суконной пары, которая осталась у Нюры, да решили поделиться фотографиями Александра, которых не было у родителей, и наоборот. И ушли от нас уже дядя Ваня и тетя Нюра для меня, ставшими зятем и снохой для моих родителей. Живут они на другом конце деревни, а мы, проводив их, продолжим заходить в дома односельчан дальше от тети Мары.

Следующим жителем будет Вшивков Григорий Афанасьевич. Гриша Афонин. У них с Вассой Борисовной большая семья, я, может, всех-то и не назову. Помню: Анастасия, Михаил, Яков, Алексей, Афанасий, Афанасия - Онька, Марья - Манька - маленькая худенькая девочка, как многие "заскребыши" того времени. Григорий Афанасьевич грамотный в деревне мужик, работает в колхозе бухгалтером, как раньше называли - счетовод. О нем можно писать целую повесть отдельно. В гражданскую воевал на стороне красных, раненным попал в плен к белогвардейцам, сидел в лагере для военнопленных под Благовещенском Амурской области, был освобожден амурскими партизанами, воевал в отряде легендарного Сергея Лазо, которого японцы сожгли в паровозной топке. Он помнил "Штурмовые ночи Спасска и Волочаевские дни". В Отечественную, служа младшим офицером, готовил новобранцев к предстоящим боям и с маршевыми ротами отправлял их на фронт.

Старшие их дети Анастасия и Михаил - в городах, а Яков, Алексей, Афанасий все лихолетье в колхозе. Это пастухи и грузчики, пахари и сеятели, косари и лесозаготовители. Онька и Манька (как и я) в военные годы ходили в ясли, затем в школу.

Рядом стоит изба-связка, одна половина не выделана (кстати, она стоит невыделанной и в 90-е годы). Живут здесь брат с сестрой - Егор и Ирина Кашины. Работают в колхозе. Егор, наверное, тоже каждую зиму проводит на лесозаготовках. Ирина еще не замужем - ждет своей судьбы.

Далее дом Соловьева Маркела Ефимовича и его жены Марфы Михайловны. Маркел крепкий, подвижный мужик, с медной проседью в волнистой бороде. Марфа сухонькая, морщинистая старушка. Маркел - любимец деревенских вдовушек, к числу которых можно причислить обеих моих теток Васс.

Далее живет Нефедовна, хозяйство у нее крепкое, четверо детей: Илларион, Ирина, Марья и Анна. Анна - красивая девушка, работает секретарем в сельском совете. По правую сторону дом, нет, изба, единственная, наверное, изба под соломенной крышей. Хозяин изъы Иван, его жена Настасья, есть сын Михаил, который на фронте, и девочка Тася. С Тасей мы вместе пошли в школу.

Проходив в школу полгода, Тася пришла без букваря. Наша учительница, Наталья Ивановна спрашивает: "Где, Тася, твой букварь?". Та отвечает: "Ево тятя искурил".

На этом Тасина учеба кончилась.

Рядом как бы на берегу лога стоит дом Лукинишны, у нее взрослые дочери, младшую зовут Липа.

Перейдем лог. По правую руку живут Прокопенко Анна Ивановна с двумя сыновьями Валерой и Борей. Они эвакуированы из Ленинграда, после войны уедут домой, жить в этом доме будет дочь Нефедовны Ирина Григорьевна с маленькой дочерью Зиной.

Дальше дом Носкова Степана Павловича и его жены Елены. У них дочь Мария. Степан Павлович спасает всю деревню, плетя и продавая лапти. Не одну пару Степановых лаптей износил и я, бегая за овцами и коровами во время пастбы.

По левую сторону от Ирины Григорьевны стоит клуб. Об этом здании хотелось бы рассказать больше, да, к сожалению, поздно хватился узнать о его истории. Дело в том, что это здание - Морозовская старообрядческая церковь. Расспрашивая 80-летних старух, я не мог узнать, кто и когда строил эту церковь. Все только помнят те трагические годы, когда по всей стране закрывали церкви, эта же участь постигла и нашу церковь.

Нашел я только свидетелей того момента, когда сбрасывали кресты и колокола. Наше же поколение знает это помещение как клуб. Жаль, не дожил до 90-х годов Носков Кузьма Николаевич, который в годы расцвета атеизма, ездил в Москву к Калинин, добиваясь возврата церкви из-под клуба. Хотя добился 10 лет ссылки в Красноярский край вместе со своей женой Пелагией Федоровной. Теперь, может, и осуществил бы свою мечту, а может, и нет, потому что за прошедшие 80 лет другого очага культуры так и не построили.

Итак, клуб. Туда люди ходят смотреть кино. Первое кино, которое я посмотрел, было немым. В кино собиралось много народу, меня ведут в кино сестры с разрешения папы. Далее были уже самостоятельные походы, удовольствие платное, на которое не всегда есть деньги. Оказывается, чтобы шло кино, надо крутить динаму. Для чего киномеханик у безбилетников собирал шапки, складывал себе в кучу. Сколь частей, столько и шапок. Пришло время, стал закладывать свою шапку и я. Крутить надо равномерно и довольно быстро, как сепаратор. Если начни сбавлять обороты, то будет плохо казать, на что сразу отреагирует зал, и в другой раз киномеханик может не взять твою шапку. Поэтому, открутив свою часть и получив свою шапку, будем долго сидеть отпыхиваться и утирать лоб своей шапкой.

С продвижением технического прогресса, когда киномеханики стали возить бензомоторы, которые крутили генератор, эта лафа у безбилетников отпала, а денег-то у них не прибыло. И вот тут меня не раз выручает Лева. Он уже скоро будет совсем взрослый, но почему-то даже летом приходит в клуб в большом овчинном полушубке. И вот этот неугомонный Левка, скорее из-за ухарства, как-

то говорит мне:

- Хочешь, я тебя пронесу в кино?

- Как? - спрашиваю его.

- А вот так, - отвечает он

Заходим за клуб, он расстегивает полушубок, я сзади залезаю под полушубок, цепляюсь ему за плечи в рубаху, подогнув набок голову и ноги. Левка застегивается, поднимает воротник и, купив билет при входе, проносит меня под полушубком в зал. Проносит меня за сцену, где я вылезаю. У Левки все продумано. Он поднимает торец лестницы, упершийся в сцену, и я сажусь на пол под эту лесенку лицом к залу. Мне в щель очень хорошо видно, как прошла и села на передний ряд Анна Григорьевна. Она будет читать с выражением то, что будут говорить герои кино.

Вот пошел по рядам киномеханик, проверяя билеты. Вот он идет на сцену, и у меня обмирает сердце, мне кажется, он вот сейчас перевернет эту дощатую лестницу-тумбу и выгонит меня. Но вот его сапоги стучат у меня под носом, над головой, что-то он делает на сцене, наверное, поправляет складки на простыне, где пойдет кино, вот простучали сапоги обратно. Погасили лампы (лампы были керосиновые), застрекотал киноаппарат.

Подходит Левка в широко распахнутом полушубке, поднимает снова лестницу, и я выхожу из своего укрытия. Это не было системой для меня, но два таким способом Леонтий проносил меня в кино. Может, это надо было и Леонтию, ведь на экране шли фильмы "Чапаев", "Подвиг разведчика", "Они сражались за Родину". Герои фильмов шли в фашистское гестапо, пронося мины, крадя документы, пускали поезда под откос с врагом. А для Левы это было подготовкой, тренировкой перед большой героической операцией.

Пожелание потомкам. Если уж мы не смогли сохранить церковь, построить клуб, то давайте вместе хранить это здание, а работникам культуры надо бы оформить хотя бы уголок, рассказывающий об истории деревни в целом и этого здания в частности.

Рядом с клубом стоит наша школа. Между клубом и школой сад, который служит украшением всей деревни, когда, как в песне поется "Нету лучше того цветку, когда яблоня цветет". Сад этот заложили школьники под руководством Вшивкова Василия Иосифовича еще в тридцатые годы. Здание школы - тоже бывший дом Федота. Дочь Федота Пелагия прошла с Кузьмой ссылку на севере Красноярского края. А дом и сегодня стоит украшением деревни, согревая теплом морозовских малышей. Сегодня в нем детский сад-ясли.

Рядом со школой изба Пьянкова Григория Ивановича и его жены Натальи. Изба старая, и поэтому Григорий, придя с войны, задумал, а затем построил большой просторный дом. У них старшие дочери замужем, младшие - Толя и Коля. Толя работает в колхозе, а Коля еще мал. Жаль, что внуки не хранят дома Григория Ивановича. Дому бы сейчас хозяйские руки, и был бы дом-красавец в

центре деревни.

Далее на углу усадьбы тут и там валяются кирпичные обломки. Это остатки единственного кирпичного дома в деревне, который разрушили только за то, что его хозяин, трудолюбивый мужик, своим горбом построил этот дом, не понравился Советской власти.

Напротив Григория стоит избушка, в которой живет мужик, кажется, Егор, сапожный мастер, а также мастер по изготовлению и по ремонту гармоней. Он дает ребятам голоса от гармоней, такая планочка с металлическими или медными пластинками, дует сквозь которые получается музыкальный звук. После в этой избе жил механик МТС Михо Иван Васильевич.

Далее в верхнем ряду дом-связка. В одной половине живет Вшивкова Арина Андреевна с дочерью Валея. В другой половине с высоким крыльцом на улицу - правление колхоза "Пролетарий" В этот дом мы еще прийдем.

Далее в том же порядке стоит Савина изба. Саву не знаю, помню жил здесь татарин Ахмадшин, хромой мужик, строго соблюдал мусульманскую веру, в той же строгости держал всю семью. Хозяйку его мало кто видел, да и она по-русски не говорила. Умел Ахмадшин растить и делать махорку, торгуя ей. Сам он табака в рот не брал.

Далее хозяйство Путина Николая Васильевича с женой его Екатериной Андреевной. В военные годы Николай со старшим сыном Иваном работали в Павловске чеботарями, Екатерина работала в колхозе, дети были Анна, Валентина, Александр. С Шуркой вместе играли в войну в овраге за деревней, вместе ходили в школу. Николай Васильевич после войны пришел в колхоз и до самой пенсии был бессменным конюхом, учившим молодежь, как правильно запрягать лошадь. Был удостоен звания "Заслуженный колхозник" и персональный пенсионер местного значения.

Напротив дома Николая Васильевича - дом милиционера. Поэтому здесь менялись хозяева. Каждый новый участковый жил в этом доме. Всех, наверное, не помню, но все же: Плотников, Винокуров, Козлов, а далее участковые у нас в деревне не жили. Рядом с домом милиционеров живет Колчанова Екатерина - Катя-Романиха. Роман погиб на войне. Вырастила двоих детей Николая и Василия. С Василием мы одноклассники. Поэтому совместные игры, школа.

Рядом с Катей-Романихой стоит дом-связка, живет здесь Ларионова Татьяна Егоровна - Таня-Фомиха. Это ее второй муж. Первый, Алексей, умер, оставив детей Александра, Николая, Ольгу. Не знаю я и Фому. С войны пришел Александр, где от контузии потерял голос. И так всю жизнь говорил шепотом. Сано-шепотун. Особенно было ему обидно в праздники, когда, взяв в руки балалайку, а играть он был мастер, не мог спеть частушку, которых, он знал множество. Коля и Оля в войну работали в колхозе.

В том же порядке стоит красивый угловой дом. Здесь живет учитель - Вшивков Василий Иосифович. В военные годы он был, видимо, на "броню", учил

нас, бестолковых. Носил, помню, синие галифе. Из довоенных детей - дочь Алевтина, послевоенных - Геннадий, Александр, Анатолий. Все дети выучены. Анатолия уже нет в живых.

Здесь развилка в проулок через мост по Кузьмину Логу, дорога уходит в Субботино, где колхоз "Новый труд". Сразу за мостом стоит Вотинова изба. Далее живут два брата Степан и Захар Морозовы. Они уже старики, у них взрослые дети. У Захара сын Григорий был на войне, Игнатий работал в колхозе. У Степана - дочери Наталья и Мария. Сами уже семейные, имеют много детей. Мария Степановна - жена председателя колхоза Полякова. К Наталье мы еще придем.

За ними стоит изба Морозовой Екатерины, у которой есть сын Аким, он военный, и когда приезжает к матери, всем интересно увидеть этого коренастого с толстой шеей майора. В Вотиновой избе живет наша учительница Широглазова Наталья Ивановна. Муж ее, Артемий Гаврилович, был на войне, довоенные дети: Валентина, Афанасья, Нина, Владимир, послевоенный Виктор, да одна девочка у них умерла. По левую сторону через лог была усадьба Носкова Кузьмы Николаевича, единственного в деревне единоличника, какие выпали на их долю испытания, я уже рассказывал выше.

Выйдем снова на главную улицу деревни, где на нижней стороне стоит большой дом, о крыльце которого я тоже рассказывал. Зайдя в коридор налево, зайдешь в сельский совет, направо - в избу-читальню, по-современному - библиотека.

Зайдем в сельский совет.

Сперва как бы прихожая, где стоит стол, на котором можно посетителю написать заявление или разобраться с какими-нибудь документами. Направо комната милиционера, далее налево кабинет секретаря сельсовета. Здесь собирают налоги, займы, самообложение и другие платежи. За столом сидит молодая красивая женщина-секретарь - Путина Анна Григорьевна. К ней ты придешь за любой справкой. Работу она свою знает, любит, и ее уважают жители сельсовета. Вела она и военно-учетный стол, поэтому призыв, мобилизация и демобилизация шли через ее руки. Напротив ее кабинета - кабинет председателя сельского совета. Довольно просторная комната со столами и стульями. Здесь проходят сессии сельсовета. В общем, здесь власть. В разное время здесь сидели разные люди. Зеленин И.Т., Нечаев М.Ф., Чугаев В.И. Между кабинетами секретаря и председателя на стене у окна висел телефон в деревянном корпусе. У телефона стол, на котором можно записать телефонограмму. В военное время у телефона сидел дежурный.

В сельсовете есть лошадь, на которой председатель может выехать в район или в любой колхоз совета. На территории совета находится 17 деревень и шесть колхозов. Население за полторы тысячи человек.

Направо из сеней зайдешь в избу-читальню. Это отсюда после изучения букваря расширяется кругозор морозовцев. Это отсюда мы узнали о Дон Кихоте

и Пушкине, "Сыне полка", Николае Кузнецове. Это здесь собиралась вся деревня у экрана первого телевизора на деревне.

Рядом с сельским советом стоит старинный обшитый дом - правление сельпо. Здесь люди думают, как одеть, обуть и накормить население сельсовета. Работали здесь председателями, бухгалтерами Поносов, Зеленин И.Т., Колчанов А.И.,

Напротив конторы - магазин, даже два, в разные годы то сливающиеся в один, то разединяющиеся. Прошла тут плеяда продавцов, но рекорд по стажу держит, наверное, Козлова М.Т., работающая здесь в шестидесятые-семидесятые годы.

Пропустил почту, куда доставлялась корреспонденция из Очера, а отсюда она уже расходилась по всем деревням сельсовета. Да жила на верхнем углу Марфа Андреевна Пьянкова. Мать погибшего на фронте Арсентия и Зоиколхозницы.

Рядом с магазином стояла пожарная. Объект заслуживает особого внимания. Пожарная - это сарай со смотровой вышкой-каланчой. Внутри сарая стоят три тележных хода. На центральном стоит ручной пожарный насос, по бокам ход с водяной бочкой и ход с пожарными лестницами, баграми. На стенке висят смотанные пожарные рукава, брансбойты, пожарные кожаные щиты. Рядом через стенку конские стойла на две головы. В углу сарая маленький столик, где лежат журнал дежурства и колотушка. На весеннем сельском сходе выбирают начальника ДПД, много лет в этой должности был Леонтий Вшивков. Определялась очередь дежурства с трубы. Приводили с конного двора двух лошадей, укомплектованных сбруей. Бывали годы, когда выбирали по согласию одного дежурного, которому платил сельский совет из самообложения.

Итак, сегодня наша очередь. С вечера сменяют хозяйства друг друга. Нередко дежурила и молодежь. При смене идет пересчет оборудования и делается роспись в журнале дежурств. Накормив и напоив лошадей, для которых привозит корм конюх, дежурный может подняться на каланчу и любоваться красотой родной деревни с высоты птичьего полета. Сколько же здесь было вырезано автографов!? Своеобразная летопись деревни.

Стемнело, прошли из кино зрители. Все стихает, только влюбленные парочки прогуливаются, призраками проплывая в ночной тишине. Спускается и дежурный с каланчи, берет колотушку в руки и отправляется вдоль по деревенской улице.

Где-то дробь его колотушки вспугнет влюбленную парочку да в верхнем конце деревни перекликнется с трелями соловья. Пройдя деревенскую улицу из конца в конец, поживаясь от утренней прохлады, дежурный провожает ночь, первым встречая первые всполохи утренней зари. Возвращается на каланчу, продолжая любоваться наступающим утром, его пряным настоем и трепетной тишиной.

Вот и прокричали первые петухи, скрипнула где-то калитка, и кто-то направляется вдоль по деревне, шурша дорожной галькой. Останавливается, кого-то ждет, здороваются и вместе идут в конец деревни. Это доярки.

Вот и заструился первый дымок из трубы. Деревня просыпается. Жизнь продолжается!

Помнится, проводились ежегодные смотры пожарных дружин. Проходили, можно сказать, празднично, при большом сборище зрителей. Время смотра назначалось районным пожарным инспектором, как правило, после окончания посевной и до начала сенокоса. Назначалось место построения и объект условного пожара. Съезжались команды со всех колхозов сельсовета. Это и был случай встретиться мужикам, обменяться новостями да и, чего греха таить, выпить вместе по чарочке.

И вот команды в сборе, на месте построения, как правило, на поляне напротив Макарихиной избышки, объект тушения - правление колхоза.

Районный инспектор принимает рапорт о готовности. Проводится осмотр снаряжения, затем жеребьевка.

Условия соревнования:

- лучшая экипировка;
- лучшее время с момента подачи сигнала тревоги до подачи струи воды и т.д. - все лучшее.

До начала соревнования мужики, бывало, как-нибудь соберутся вечером, потренируются, опробуют насос, на этом и вся подготовка. В составе команды молодые мужики, вчерашние солдаты. Только кучер центрального хода неизменный, Чазов Василий Михайлович. Человека хлебом не корми, только дай прокатиться на пожарной тройке с колокольцами. Небольшого роста, коренастый, с широкой бородой, по такому случаю одетый в лучшую свою одежду. На ямщицком облучке он был просто артист. И это будет не Вася Чазов если кто-то обгонит его тройку.

В старые времена его приглашали на свадьбы и другие праздничные мероприятия. Его любимым занятием было прийти в пожарную, почистить у стоящих на дежурстве лошадей, погладить их. Осмотреть и привести в порядок сбрую. Приведя все в порядок, он садился на скамейку у пожарной, доставал из кармана рожок с нюхательным табаком. Насыпал порцию на большой палец правой руки и резким, выверенным временем броском отправлял табак в нос. Далее он угощал всех желающих. Нюхали этот табак, и мы - ребята. После понюшки наступал приступ чихоты, от которой, вымазанные соплями и слезами не знали, где прочистить свои носы., а дядя Вася смотрел и посмеивался.

У каждой лошади есть свой вестовой, который, приняв сигнал тревоги от инспектора, должен верхом на лошади прискакать и вызвать свою команду к месту построения.

Была, однажды, эта высокая честь оказана мне. И так-как у других команд

не было вестовых, то эту должность выполнял на все команды. Подо мной была под седлом молодая быстроходная лошадь.

Вызвав команду, я жду, когда она выполнит задание, и инспектор Ипанов пошлет меня за следующей. От правления до Макарихи - километр. И осталось вызвать последнюю команду, я галопом скачу по деревне. И надо же, скачу мимо Митяхина проулка, а из него с лаем под ноги лошади кидается лохматая собака. Лошадь испугалась и резко отскочила от собаки в сторону, и я, не ожидавший такого рывка, слетел под ноги этой проклятой собачонки.

Собака, сделав свое подлое дело, поджав хвост, удалилась в свой проулок. Перепуганная лошадь развернулась и, приступая упавший повод узды, побежала на конный двор. А ведь моего сигнала ждет следующая команда. Я, хлопав себя от пыли, припустил бегом вдоль по деревне, добежав до Дворецкого поворота, откуда мне было видно уже ждущую сигнала команду, закричал: "Морозовцы, гоните". Они услышали мой зов и помчались к месту соревнований.

Вот и настал золотой час дяди Васи. Лошади в его руках не просто скачут, они артистичны. Коренник идет, высоко подняв голову под "харьковскую" дугу с тремя колокольцами, стременные выгнулись - одна вправо, другая влево, и получается как бы букет из лошадиных голов. И надо отметить, что это были не какие-нибудь специальные лошади, а те, которые весной ходили с бороной и плугом, подвозили семена и только, выполнив все работы, с неделей отдыхали. В других руках этого букета могло бы и не получиться. Сам дядя Вася с горящими глазами, раздвоенной на ветру бородой, надвинутой на лоб кепкой, как бы раскорячившись, держал в руках четыре возжины и кнут, управляет лошадьми. Нет, он не хлещет их кнутом по хребту - он дирижирует. А кони, нашпигованные им заранее, сейчас просто выполняли его команду.

Полюбовавшись промчавшейся мимо меня командой, я бегом бегу к месту соревнований. Там стояла моя лошадь, которую держал под уздцы Николай Васильевич. Но вот окончено соревнование и подведены итоги. Названы победители и нет здесь побежденных. Мужики, еще раз заглянув в сельповскую лавку, разъезжаются по деревням. И неслись песни с уезжающих подвод "Когда б имел златые горы...", "Шумел камыш, деревья гнулись...", "Степь да степь кругом" в Березовом Логу, на Щипичной Горе и на Гляденово.

Мы же, проводив гостей, от пожарной пойдем дальше по деревне.

Рядом с пожарной стоит дом-связка Морозова Алексея Сидоровича и его жены Домны. Алексей Сидорович - кузнец. Кроме ремонта плугов, борон, телег к нему идут мужики со всей деревни, кому-то надо кое-что к воротам, кому-то щеколду, кому пешню, тут бабе надо ухват да сковородник, да и мало ли что в хозяйстве чего надо, что можно сделать только в кузне. И все это Сидорович делает, все он умеет. Есть у него внук Коля, с которым мы дружили, и я иногда приходил к нему поиграть.

Следующее хозяйство Колчановой Евдокии Николаевны. У нее старуха

мать да маленькая дочь Анютка. Дуня - одна работник в этом доме, поэтому ей по плечу все работы, особенно ее ценят за мастерство укладки стогов. Мне удалось поработать с ней на окучивании колхозной картошки. Дуня за рычагами окучильника, я верхом на лошади. Лошадь и меня одолевают пауты. Лошадь мотает головой и лягается, при этом рвет на ходу многочисленные сорняки. Сбивается с рядка, я не могу с ней управиться, из-за этого Дуня начинает выпаживать гнезда, злобно матерясь, она лупит хорошей вицей лошадь и меня по босым ногам. Далее, чтоб меньше беспокоил овод, приспособились работать утром, поздно вечером. Прошли годы, и в возрасте восьмидесяти лет Евдокия Николаевна, вспомнив нашу совместную работу, просила у меня прощения, что от ее вицы доставалось и мне. Не она виновата, жизнь для нее была такой.

За ее избушкой стояло хозяйство Носкова Василия Андреевича и его жены Марфы. У них четверо детей, Егор, Екатерина, Елена, Александр. Василий Андреевич - участник Великой отечественной войны. По словам тетки Вассы, никто их ушедших на фронт мужиков не посылал домой посылки, только Василий Андреевич. Откуда он имел такие возможности? Но вспоминая, каким пришел домой отец, потеряв двух сыновей, думаю, прав был один из фронтовых поэтов, кажется Василий Каменских, сказав;

"Каждый по-своему помнит войну.

Кто-то избитый лежал в плену.

Кому-то война обернулась рублем,

Упругой тугой мощной..."

После войны Василий Андреевич стал кладовщиком. Он не поможет подростку Левке забросить мешок ржи на телегу, видя, как тот, надрываясь, руками, животом и коленком заталкивает непосильную ношу.

Пойдем дальше из этого дома.

Вот стоит обшитый побеленный дом, основных хозяев не знаю, а пережило в этом доме много семей. Вернемся чуть назад, так как дальше дорога поворачивает в гору, в Очер, а по левую руку остались дома, начиная от правления сельпо. При моей памяти здесь жил Зеленин Иван Тарасович с женой Вассой, есть у них два сына: Владимир, мой одноклассник, и Николай. Иван Тарасович - фронтовик, имеет награды. После войны работал председателем сельпо, райпо, управляющим. Васса не работает. После смерти Вассы женился на Агриппине Григорьевне - бывшей жене Александра Ларионова. Далее основного хозяина не знаю, живет Арамилев Филипп Титович с сожительницей Марией Булыгиной, у них дочь-инвалид и сын Витя. Жена Филимона живет в Костылево. Их дети взрослые. Сын Михаил, участник войны, танкист, после войны - тракторист. Сейчас Филимон - председатель колхоза.

Рядом избушка Верещагиной Александры, технички сельсовета. Это она успокоила разбушевавшегося быка. И ничего удивительного. Сотворив молитву над водой, окропила этой водой быка, бык ведь тоже божье создание.

Далее живет известный нам уже Чазов Василий Михайлович с женой Устиньей Афанасьевной, сестрой Григория Афанасьевича. У них дочери -Тася и Ира.

Рядом живет брат Федор Михайлович, не вспомню имя его жены. Был у них сын Сергей, который погиб, оставив сноху Лидию Сергеевну с сыном, моим одногодком.

И вот я захожу в гости к моей тетке Вассе Тимофеевне Носковой, которая живет в доме своих родителей, моих дедушки Тимофея и бабушки. У тетки детей нет, живет с ней Зотин Федор, который умирает в 1947 году.

Избушка тетки небольшая. Зайдя в избу, налево печь, направо койка, далее лавка, стол, божница. Далее прируб и там комната с печкой - голландкой, здесь кровать. Комод и на стене висит старинное курковое ружье, которое очень хочется потрогать. Мама любит ходить сюда, ведь это ее родина. Под одной крышей все хозяйство, амбар, стая. Весной приходим к тетке помочь вывезти навоз из стаи и посадить картошку. Тетка, живя одна, работает почтальоншей, возит в Очер молоко на продажу. Ей живется в финансовом отношении немного свободнее. Хотя содержать одной женщине корову нелегко, особенно когда годы идут к закату. В избе у тетки все стены увешаны плакатами военных лет. Доживет тетка свой век у племянницы, Нины Леонтьевны, на Северном Кавказе. И покоится прах моих теток Вассы и Ефимьи на кладбище г. Невинномыска.

Прощай, тетка!

Рядом с теткой стоит дом Политка, никакого Политка я не знаю. В войну здесь был интернат для эвакуированных ленинградских детей, затем фельдшерский пункт, где проработало не одно поколение сельских медиков, вспомним хотя бы некоторых из них:

Изергин Михаил Михайлович.

Шаврина Фаина Гавриловна.

Тютикова Таисия Дмитриевна.

Гилева Галина Аркадьевна.

Этими людьми список не окончен, много лет здесь проработала санитаркой Чазова Ирина Васильевна. Жаль только, что мы не вырастили и не выучили своего медика, поэтому сегодня кадровый вопрос стоит всегда остро. Но, выходя из медпункта, пожелаем всем доброго здоровья.

За поворотом дороги на Очер, у лога стоит маленькая избушка Колчановой Любови Афанасьевны, где на печи сидит ее сын Толя. Поиграем с ним, дуя в пластинки от гармони, взятые у мастера по их ремонту.

За логом дом Овчанковой Анны Ивановны и ее сына Александра. Александр сидит, положив ногу на ногу, на нем "черная суконная пара", из-под которой белеет рубашка с откидным воротником. На голове фуражка, заломленная на затылок, выставив зачесанные назад волосы, на ногах высокие хромовые сапоги. Руки сложены на коленях.

Рядом на стуле сидит Нюра, гладко причесанная с косым пробором, в черном сарафане и цветной кофте, на ногах высокие ботинки, руки так же лежат на коленях. Рядом с Нюрой стоит мальчик. Он наголо остриженный, в костюмчике, который состоит из пиджачка и брючек в трубочку, на ногах - ботинки. Одну руку он положил за спину мамы. Эта фотография 1939 года не была снята со стены и порвана после прихода сюда Ивана Павловича. Не порваны были и струны Александровой балалайки, висевшей на стене. Но главное, не порваны были родственные связи. Но когда Иван окреп, а Анна заболела, работая на свинарнике, они решили перебраться в Очер и построить свой дом. И когда я, окончив четыре класса Морозовской школы пошел учиться в Очер, то вопрос не стоял, где мне жить на квартире.

Я жил у дяди Вани и тети Нюры, с племянником Александром, который был мне вместо брата.

За их домом стоял сельповский дом, который куда-то увезли.

Крайним же домом на нижней стороне стоял дом Симона Ефимовича и его жены Екатерины Ивановны. У них были дети Данил, Анна, Павел, Василий, Николай. Симон - участник войны, после которой ушел от жены и детей к другой женщине - Александре, где у него был сын Леонид. Екатерина одна подняла своих детей, работая в колхозе. Но что за рок, все сыновья погибли, не дожив до старости. Даниил повесился, Павел застрелился в армии, Николай погиб где-то на Дальнем Востоке, уехав туда на заработки, Василий погиб при неизвестных обстоятельствах, когда ехал на мотоцикле из Морозове в Очер. В 1997 году в автокатастрофе погиб Леонид - сын Александры. Осталась одна Анна - жена Ивана Дмитриевича, сноха Митяхи. Дай же Бог ей добра и здоровья на долгие годы.

А мы перейдем через дорогу в дом Морозова Артемия Афанасьевича и его жены Натальи Степановны - дочери Степана Спиридоновича. У них дети - Мария и сын Коля. Мария, выйдя замуж за Василия Симоновича, до его военной службы, вырастит сына, затем с Василием переберутся в Очер, вырастив еще двух дочерей. Николай и сегодня живет и работает в Морозовском хозяйстве, которое за свое существование сменило восемь названий, являясь лучшим машинистом тока.

Ну вот, наконец-то, мы прошли всю деревню, условно считая, что прошло за это время шесть-восемь лет. Может, кому-то и надоело однообразие встреч с жителями моей деревни. Но я считаю своим долгом оставить их не только в своей памяти, но и в памяти наших потомков. Они жили, любили, защищали Родину, трудились и умирали с надеждой о лучшей доле своих детей. На рубеже веков и двух тысячелетий. Естественно, всех я не назвал и прошу простить тех, кто бы хотел быть названным.

Я не прощаюсь с вами, мои земляки, лишь мысленно прощаюсь со своим детством, и память еще не раз вернет нас в то далекое, но такое родное сердцу время.

А в семейном плане что произошло за эти годы? Это выдали мою сестру Наташу замуж за Нечаева Михаила Федоровича.

Немножко о дальнейшей судьбе сестры. Начну с зятя и его родителей.

Нечаев Федор Алексеевич, видно, мужик был башковитый, трудяга. И кому-то перешел дорогу. Когда работала государственная мельница по ломке костей таких, как он, мужиков, не избежал этой участи и Федор Нечаев. Оставив отстроенный, обшитый дом-связку из двух изб с женой - Ефимьей Романовной и двумя детьми - Аней и Мишей, он поехал рыть Беломоро-Балтийский канал, там и лежат кости этого русского крестьянина.

Оставшись одна, Романовна, поплавав, рук не опустила. Работала в колхозе, растила детей. Но тяжело было бабе тянуть эту лямку - надорвалась. А дети - Аня вышла замуж, Миша окончил Дворецкую семилетку да Очерское ремесленное училище, где получил специальность кузнеца, вроде бы тоже направился в город. А болезнь-то не отступает, гложет силушки день ото дня. А тут еще беда. Миша, не имея кузнечного навыка, повредил себе руку. Задумалась Ефимья Романовна, неужели все то, что создавали ради жизни, ради детей, сейчас с ее уходом будет нарушено, распозорено. И решила Ефимья Романовна, чтоб не затух огонек в ее доме, построенном ее мужем, женить сына. К этой идее были подключены родственники, которые поехали по округе искать и сватать невест. Тогда-то и появились сватовья у нас. Разговор шел с родителями, которым объяснили обстановку в этой семье, с согласия, наверное, самой сестры, объявили помолвку, и закрутилась предсвадебная суматоха. Все дело в том, что Ефимью Романовну с каждым днем покидали силы, она это чувствовала и хотела бы оставить сына уже с женой и главой хозяйства. Поэтому, найдя невесту, попросила их обвенчаться, захоронить ее, а тогда уже за свадебный стол. Все так и было. Из-под венца Михаил с Натальей приехали домой, она их благословила и отдала Богу душу. После похорон стали готовиться к свадьбе.

Взглянем немного на жениха.

Как я уже говорил, жених окончил ремесленное училище по специальности кузнец. Но это был не гоголевский кузнец Вакула, а маленький, черненький, в ремесленной шинели, подросток, которого, как в песне поется, надо не любить, а жалеть.

Дома, по случаю свадьбы, шла подготовка к ней. Поставили кадку бурды на самогон и наварили пива. Когда в кадке укисло, установили самогонный аппарат, не знаю от кого принесенный, своего у нас не было. Гнать собрались в бане, которая стояла на берегу реки. Установили громоздкую аппаратуру, растопили котел, заправленный бурдой. Я, принимавший активное участие в подготовке дров и воды, когда побежали первые капли из трубочки, прошедшие через корыто с холодной водой, пробовал эти капли. Свежие, теплые они вызывали у меня отвращение, но сыграли со мной злую шутку, меня из этой бани унесли на руках. Унюхал этот дух милиционер Плотников, который пришел к папе. Но, слава Богу,

два мужика нашли общий язык, проведя общую дегустацию этого продукта. А то ведь по тем временам, знаете, чем пахла эта самогонка, попав в милицейский протокол?

Свадьба была в осенний дождливый день. Мне наказывали, чтоб я, когда приедут за невестой, не уступал места гостям, пока мне не дадут выкуп. Помню, за это место сват Содоваров Николай Никифорович подарил мне коробку пластмассовых шашек, которым я очень обрадовался, а потом не знал, как их пристроить к жизни. Шашечной доски у меня не было. И даже имея шашечную доску, чтобы играть, нужен был напарник, который тоже не всегда был рядом. Но зато уж подарок оказался долговечным. Несколько шашек я потерял, а некоторые и сегодня служат в моем доме в качестве регулировочных подкладок при установке шифоньера или серванта.

Забрав невесту, свадьба уехала, а мы с родителями должны были приехать туда с невестиним приданым. Какое уж такое богатство смогли наложить родители в невестин сундук, что, доехав по осенней грязи до Гилевского угора, переднее колесо нашей телеги сломалось. В одной из наполненных осенней грязью ям обод вывернуло со спиц, оставив на оси только ступицу. Что можно сделать с колесом в этой грязи? Да ничего. Выпряг папа лошадь, и уехал на конный двор за другим колесом.

Пока съездил, пока подняли телегу и одели колесо, в Нечаево приехали уже темно, где нас уже, можно сказать, потеряли. Родители были вовлечены в круговорот свадьбы, оказался в кругу друзей и я. Дом у Нечаевых - связка, потому в верхнем углу под гармонь и балалайку пела и плясала свадьба, то в другой избе мы ребята - это Вова Соловаров, Вова Нечаев, Маша Нечаева и другие, тоже имели в своем распоряжении гармонь, не знаю ее названия, но если на свадьбе была "русская", то у нас она была меньше в размерах и клавишах.

Отпела и отплясала свадьба, и остались в этом большом хозяйстве полудети, полувзрослые, теперь уже мой зять и моя сестра. Прошел год, подошло время идти Михаилу на военную службу, оставив молодую жену на четыре долгих года. Лишь только два или три раза приезжал в отпуск. И что бы я отметил, сестра не опустила руки, не опустила хозяйство. Выросшая в крестьянской семье, она не растерялась и там - работая в колхозе "Новый труд", на ее плечах лежало все домашнее хозяйство. И наказ-пожелание своей свекрови она выполнила. Когда у Михаила закончился срок службы, его ждала, сохранившая его хозяйство и верная ему жена Наталья.

Брат Павел продал свой дом в деревне, приходила машина ЗИС и когда она ехала по деревне, сигналила, то всем было интересно.

В Ивановой семье ушел в армию Поликарп, пришел домой Леонид.

Тетка Васса Тимофеевна похоронила мужа - Федора Зотина. В третьем классе, в зимние каникулы, я на лыжах самостоятельно ходил в гости к тетке Ольге. Таськи дома не было, куда-то тоже уехала в гости, чем тетка была огорчена, что

мы с нею не увиделись.

Побывал я и в Очере с папой у Анны Алексеевны. Раньше рабочие держали скот и имели земельные наделы в деревнях, покос Анны Алексеевны был за нашим в лесу и, приезжая в Морозово, горожане останавливались у крестьян, те и другие помогали друг другу в работе. У нас получалось так, летом горожане ехали к нам на заготовку кормов, ягод, грибов, а зимой крестьяне ехали к ним, учась в школе или работая на производстве. Поэтому дружили семьями помногу лет да и пожизненно.

Все старшие братья и сестры, когда учились в Очерской школе, жили у Анны Алексеевны.

Другой пример, у родителей очерского паренька Путина Аркадия Егоровича также был покос в Морозово. На заготовку кормов родители брали с собой маленького Аркашу. Здесь он познакомился со своими сверстниками, с которыми вместе и играли, и работали. Когда же в 1939 году уральцам пришлось на монгольской реке Халхин - Гол пройти боевое крещение при разгроме японской армии, оказались рядом два друга детства - Путин Аркадий Егорович и Путин Павел Афанасьевич. Дружбу свою они сохранили до конца своих дней.

Папа теперь работает на лесозаготовке, где-то там, то ли в Пурге, то ли в Уваровке. Меня привозит в Очер зимой, мне здесь все интересно. Но больше всего меня интересует то, что вечерами их дом освещается не лампой, как у нас, а с потолка спускается на шнуре стеклянный шарик, внутри которого краснеет зигзагообразная пружинка. От нее в избе полусвет-полусумерки. Я смотрю на этот шарик с тлеющей пружинкой и думаю, что если в нашей лампе чуть-чуть прибавить фитиль, то будет куда светлее.

Жить мне у Анны Алексеевны, когда я учился в Очере, не пришлось. И так связь двух семей постепенно угасла. В последствии, уже в пятидесятые годы, покос Анны Алексеевны косили мы, вынося с лесных полян сено на ручных носилках.

Подводились первые итоги Великой Отечественной войны. Папа и мама были награждены медалями за Победу. Родители медалей не носили, но, зато я, чтоб не отстать от ребят, однажды нацепил эти медали да вдобавок мамину медаль за материнство. Учительница, увидев таких героев, сказала, чтоб мы, придя домой, отдали эти медали тем, кто ими награжден.

С медалью материнства у мамы вообще получилась непоправимая ошибка. Когда готовили документы к награждению, у нее запросили все извещения на погибших сыновей. И она отдала извещение об Александре и похоронку на Николая. Медаль она получила, а похоронку ей не вернули. И она до конца дней своих жалела об этом. При медалях я ее не видал, а прочитать какой же город был указан на похоронке: Стамуер, Сташуп, Сталеуф мы так и не узнали.

Морозовская начальная школа. Хочется несколько теплых слов сказать о ней. Опять же жалею, что не знаю истории. Я уже говорил, что наша школа

размещалась в доме, когда-то принадлежавшем Федоту, ведь школа существовала и при Федоте, раз моя мама училась в школе Морозова два класса. Школа наша была в центре деревни – большой обшитый деревянный дом. Учили нас Вшивков Василий Иосифович, он же заведующий школой, Широглазова Наталья Ивановна и технический работник – она же и повар Морозова Мария Ивановна – Маша-Омелиха. Жила она с сыном Колей за школой, на угорышке, в маленькой избушке. Школа отапливалась дровами. Знаете, каких хлопот доставляло ей натопить это здание холодными уральскими зимами? Когда я учился в третьем классе, вместо Натальи Ивановны, ушедшей в декрет, нас учила Настасья Филипповна, фамилии не помню. Кроме морозовских ребят, здесь учились ребята из Соловарово, Нечаево, Субботино, Макарят, Терехино, Пьянково.

Они ходили из дому пешком или их подвозили на лошадях, а в лютые морозы жили на квартирах у морозовских жителей. Учиться в школе было легко, в том отношении, что все дети были из крестьянских семей, материальное положение было примерно одинаковое. Храню фотографию тех лет. В центре Настасья Филипповна, гладко причесанная, скромно одетая женщина, к ней, как цыпушки к парунье, справа и слева жмутся девочки, во втором ряду стоят мальчишки. Мальчишки все наголо острижены из санитарных соображений, у девочек небольшие мальчишеские челки. Мальчишки все в рубашках, видно, что родительского покроя, девочки в платьицах и сарафанчиках, может, сшитых из маминого платья.

Глядя на эту фотографию пятидесятилетней давности, каждого помню. Каждого узнаю. Некоторых уже нет в живых, о судьбе некоторых мне просто неизвестно, а если встречаемся, то о годах детства вспоминаем только хорошее. В школе я вступил в пионеры. Запомнились так называемые внеклассные чтения, когда после уроков вместе классом читали какую-нибудь интересную книгу, например, "Сын полка", "Повесть о настоящем человеке". Дома родителям было не до книг. Поэтому они с удовольствием слушали мой пересказ этих книг.

Приходили к нам на практику учащиеся Очерского педагогического училища. Во время их практики жизнь школы становилась еще интереснее. Молодые девушки организовывали различные игры, разыгрывали спектакли, которые показывали родителям. Запомнил одну из них, Катю Уткину, когда она закончила практику и уехала, мы, все ребята, скучали по ней.

Вот так и прошли все мои школьные годы в Морозовской школе и в 1949 году со свидетельством об окончании начальной школы, я поступил в Очерскую семилетнюю школу.

А наша школа в 60-х годах переехала из того дома в перевезенную из Торсуново и поставленную рядом школу, где учились уже мои дети. Их учило уже новое поколение учителей – это Путина Ольга Федоровна, Шарова Елена Васильевна. С уменьшением числа учащихся в 70-х школа переехала в здание

Третий класс Морозовской школы.
Автор повествования третий справа в верхнем ряду.

бывшего сельсовета, построенного председателем сельсовета Чугаевым Василием Ивановичем. И сегодня пока, Слава Богу, не погас огонек Морозовской начальной школы, где продолжает традиции сельского учительства Шарова Галина Михайловна, сноха учительницы Шаровой Елены Васильевны. Кроме Морозовской школы были в сельсовете школы Мешаловская и Торсуновская, где были также свои традиции и свои замечательные учителя.

И первым толчком к разрушению российских деревень, было закрытие малокомплектных сельских школ, в которых дети крестьян могли получить начальное образование. После окончания начальных школ, дети шли учиться из Морозовской школы в Очер, во Дворец, субботинские ребята из Мешалковской школы - в Верещагино и Дворец, Торсуновской - в Очер и Павловский. С окончанием Морозовской школы кончилось мое детство, и теперь, спустя пятьдесят лет, воспоминания детства так сладостно щемят сердце. У Есенина сказано: "Большое видится на расстоянии". Расстоянье в пятьдесят лет убеждает в правоте его слов.

Прощай, родная Морозовская школа, с ее милыми и добрыми учителями, которые на всю жизнь запомнятся, как первые учителя. И 1-го сентября 1949 года я робко переступил порог Очерской семилетней школы. Семилетняя школа теперь уж только осталась в воспоминаниях тех, кто когда-то преподавал и учился в ней. Сегодня, на месте школы рыночная площадь, на которой торгуют "челноки" товаром, завезенным со всего света.

Итак, школа, деревянное двухэтажное здание с большими окнами, стоящее в глубине пришкольного участка. К высокому крыльцу, с улицы Ленина, ведет широкий проход, по краям которого цветут астры, георгины, которые, раскачиваясь на ветру, как бы приветствуют всех проходящих по этому школьному проходу. Кивают эти цветы и мне, как бы говоря - смелей, смелей мальчик! Итак, я ученик 5-го "В" класса.

Здесь не как у нас в Морозово, на два класса один учитель, а на каждый предмет свой учитель, поэтому учителей много, надо запомнить, как звать-величать каждого. Здесь в одном классе столько ребят, сколько у нас во всей школе. Здесь так много интересного, нового для деревенского мальчика. Да и сам поселок Очер, с его заводами, прудом, старинными зданиями вызывал восхищение и звал на свои улицы для знакомства с ним.

Особенно запало в душу посещение Очерского краеведческого музея, который находился в небольшой избушке, за 1-й средней школой. Познакомил нас с экспонатами своего музея, его организатор и пожизненно директор - Нецветаев Александр Васильевич, именем которого и назван этот музей. Сухощавый, подвижный, в молодости наверное кудрявый, а теперь лысеющий человек, на носу которого посверкивают очки "велосипед". Таким он остался в моей памяти. При посещении музея он просто завораживал всех своими рассказами об истории Очерского края. Он просил посетителей приносить в музей предметы домашней утвари, старинной одежды, убеждая нас, что день сегодняшний завтра будет уже историей. За прошедшие 50 лет музей из "Домика в Очере" (была такая книга о музее) переезжал из здания в здание, непригодные для хранения экспонатов. И сегодня судьба музея - предмет разногласий на районном уровне. Дело чести очерцев сохранить драгоценные экспонаты, через них прививая любовь к родному краю еще не одному поколению.

В школе никакого интерната не было, и сельские ребята жили на квартирах у родственников и знакомых. Родители договаривались об оплате квартиры, питании. У некоторых хозяев жило по несколько школьников, платой за квартиру часто были дрова, из-за которых некоторые и пускали квартирантов. Для меня квартирный вопрос разрешился следующим образом.

Я уже рассказывал, что дядя Ваня и тетя Нюра, продав дом в Морозово, перебрались в Очер и занялись строительством своего дома, живя сами на квартире у доброй старушки Анисьи Михайловны. Так я и стал жить квартирантом у квартирантов по улице Свердлова, 28.

Дядя Ваня форсировал строительство своего дома, за больницей, по улице Попова, помогала ему тетя Нюра, но здоровье ее день ото дня становилось хуже и хуже. Живя у старушки, я помогал ей по хозяйству, ошипать хмель, выкопать картофель. И когда поздней осенью подошла пора, и дядя Ваня со своим семейством стал переселяться в свой дом, старушка уговаривала меня остаться с

ней. Но на домашнем семейном совете, чтоб не порвать связи с Анной, их внуком Сашей, который окончил уже ремесленное училище и работает на заводе, я попрощался с Анисей Михайловной и перешел вместе с дядей Ваней в его строящийся дом. Помню, как шли с дядей Ваней, я нес что-то по мелочи в сумках, а дядя Ваня нес кошку, которую он пустил в избу через окно.

И пока я жил в этом доме, там все что-нибудь строили: прируб, сени, стаю. Этот район за больницей, к Поганому Логу, тогда вообще выглядел строительной площадкой, многие дома перевозились из деревень, вновь рубленных было мало. И дом дяди Вани тоже был им где-то куплен и перевезен сюда, и теперь, до наступления холодов, хозяева спешили закончить самые необходимые работы, чтобы зимовать уже в своем углу. И когда сбили печь, выложили подтопок и трубу, и можно стало топить и сушить печь, вот тогда и вселились в этот дом, уже по ходу жизни убирая строительный мусор.

Итак, я учусь и живу уже на второй квартире. Дома я появляюсь только в субботу, поздно вечером, а в воскресенье, собрав немудреные съестные припасы на неделю, снова отправляюсь в Очер. Суббота - учеба уже в голову не идет, все мысли о доме. В школе договариваемся, после уроков забегаем на квартиры сменить учебники на пустые мешки и сумки с пустыми бутылками и бидонами. Сбор за Соватихой. Соватиха, это женщина-одиночка, живущая на окраине Очера. Ее избушка была пристанищем для всех морозовцев, приезжающих в Очер на базар или по другим делам, оставляя у нее лошадь. Старушке был дорог и клочок сена для козы, и кучка конского навоза для ее огорода.

Итак, собрались, впереди десять километров по раскисшей осенней грязи, в кромешной мгле. Подготовка к этим походам начиналась заранее. Основной страх на нас нагоняли волки, поэтому ходили шумными ватагами, с заранее заготовленными факелами. Эти шумные факельные шествия запомнились, они крепче сдруживали нас, сельских ребят. Я не видал олимпийский факел, а наш выглядел так: на палку, гвоздем или проволокой, прикреплялась консервная банка, в которую клались заранее приготовленные, смоченные в керосине, куделя, тряпки, еловая сера, и все тщательно хранится до субботнего похода. И хватит этого факела, если зажечь его у Половинных ворот, при входе в лес, до Созоновска, до выхода из леса.

Дома всех нас ждали, чтоб обмыть, обстирать, да и просто обласкать. Я делился своими впечатлениями о школе, своем житье на квартире у дяди Вани. Поражая своих родителей своими познаниями, особенно их удивляло, что их Валька уже по-французски что-то лопочет.

А в школе учеба у меня шла по-среднему. С пятого по седьмой классы я не оставался второгодником, но не был и хорошистом и отличником. Учился я, наверное бы, лучше, если не было б алгебры, где к "А" надо прибавить "В" и получить "С", да не было б геометрии с ее острými углами, которые надо измерить и высчитать. Лучше бы я учился, если б в русском языке не было суффиксов,

глаголов, падежей и т.д.

В зависимости от успеваемости ученика, строятся и личные взаимоотношения с учителем. Плохо усваивая материал по математике, грамматике, я и как бы боялся этих учителей, хотя это были прекрасные педагоги. У классных остряков для многих учителей были придуманы безобидные клички и спитчи. Математику – "Дано: Пал Палыч лезет в окно. Требуется доказать: как он будет вылезать". Учителю истории, с его египетскими пирамидами из древнего мира, суждено было стать Геродотом.

А вообще, учителя 40-50-х годов, люди преданные своему учительскому долгу. Некоторые из них прошли дорогами войны, жили скромно в материальном отношении, отдавали свои силы и знания подрастающему поколению. Назову хотя бы некоторых: Бояршинов Виталий Васильевич и его сестра Серафима Васильевна, Власова Наталья Абрамовна, Туров Иван Данилович и многие, многие другие. Но особо хочется рассказать об учительнице французского языка Любове Ильиничне, к сожалению, фамилию не запомнил. Если посмотреть на свидетельство об окончании мной семилетки, среди сплошных троек я имел единственную четверку, это французский язык.

Это молодая, красивая женщина, имеющая высшее образование, прекрасно видела, что изучение французского, для большинства ее учеников, никогда не будет востребовано жизнью. Кто как, а я из всего того, что запомнил на четверку, это "Бонжур" и "Оревуар". А именно Любовь Ильиничну запомнил на всю жизнь, как ласковую, любящую детей женщину. И когда (в поздние годы) прочел повесть, а затем увидел экранизацию "Уроки французского" Валентина Распутина, то был убежден, что прототипом его повести являюсь я. Познакомившись с автобиографией Распутина, понял, его повесть автобиографична. Поэтому могу сказать, это судьба не отдельных детей, а целого поколения, независимо где живущего, на Урале или в Сибири, которое прошло "Уроки французского".

Был в школе еще один учитель французского. Настоящий француз Людвиг Францевич, небольшого роста, лысый, с большим горбатым носом старичок. Какими ветрами занесло этого француза в наши края, не знаю, может, это был потомок Ромма, учителя Павла Строганова, "Господина Очера"? Кто бы ни был этот старичок в вельветовой куртке до колен, а учеба у него для нас оказалась трудной, так как он плохо говорил по-русски, а мы не понимали по-французски. Я уже говорил, что учиться в Морозовской школе было проще, т.к. здесь мы были все дети крестьян. В Очере для нас, сельских ребят, были определенные трудности, так как крестьяне, работая в колхозе, получая на трудодень 200 граммов зерна и 8 копеек денег, на которые они должны накормить и одеть семью, заплатить налоги и займы. Поэтому дети крестьян в городских школах сразу отличались бедностью одежды. Не все, были и городские, которые едва сводили концы с концами.

Но никогда не забуду тайных слез обиды, за насмешки над собой, по

поводу бедности моей одежды. Началось с ученической сумки. Хлопчато-бумажная сумка, с лямкою через плечо, с которой я ходил в Морозовскую школу, здесь в Очере стала предметом насмешек. Я бросил эту сумку и долгое время носил тетради и учебники подмышкой. Отчего углы книг и тетрадей загибались, откуда краснели мои двойки и тройки.

И тогда мама где-то на базаре купила мне сумку, где уж такую нашли, зеленая, жесткая, с широким дном, закрывающаяся, как ридикюль, с длинными плетеными ручками. Чтобы идти с ней, неся в ней учебники, мне приходилось сгибать руку в локте и нести ее как бы перед собой, чтоб она не волокалась по полу. Особенно неудобно было с ней подниматься по лестнице, поэтому я сперва ставил на следующую ступень сумку, а затем поднимался на нее сам. Осмеян был я и с этой сумкой, и, принеся ее домой, со слезами отказался от нее. И тогда все-таки осилили, купили небольшой с синим оттенком портфель, с блестящим замком и уголками. Кто-то может представить, как я был рад и счастлив, держа в руках этот небольшой дерматиновый портфель.

Переехав с кваргиры в свой дом, недолго довелось Анне Ивановне побыть хозяйкой в новом доме. Здоровье, подорванное на колхозной работе в военные годы, ухудшалось с каждым днем. Простуженные легкие не поддавались лечению, с наступлением холодов ей дышать становилось трудней и трудней. Она уже не могла лежать спать, а сидела обложенная подушками, и из ее груди вырывались с клекотом хрипы. Дядя Ваня взял отпуск, а работал он грузчиком в райпо, ухаживал за ней как мог. С сыном Александром они по очереди дежурили около тети Нюры, то подавая с ложечки чай, чтоб смочить горло, подавали судно, в общем делали все, что требовалось при уходе за больным человеком. И холодным декабрьским вечером, хрипы из груди больной стали все реже и реже, все видели, что минуты жизни ее сочтены.

Плакали все, сын Саша, оставшись сиротой со вторым, неродным отцом. Плакал дядя Ваня, расставаясь с женщиной, которая ему в трудные послеоперационные дни помогла встать на ноги. Плакал я, жалея тетю Нюру, жалея Сашу, жалея дядю Ваню.

На похороны приехали мама Анны Ивановны - Екатерина Савельевна. Женщина, убитая горем, ее единственная дочь была ее надеждой на старость. Теперь ее нет, остался внук, которому подходит время призыва, да новый зять, сам инвалид войны.

Приехали мои родители, папа и мама, пришли близкие и соседи. Было решено покойную отпеть в Лужковской старообрядческой церкви. Стояли трескучие предрождественские морозы. Гроб установили в сани-розвальни. И небольшая похоронная процессия двинулась по безлюдным улицам Очера к Верещагинскому тракту. Большинство провожающих из-за сильного холода вернулись обратно в дом, чтобы дождать, когда усопшую привезут из церкви на кладбище, где крепкие мужики и парни ломами, кирками, топорами рубили

замерзшую, как сталь землю.

Я увязался за гробом, так как мне было интересно побывать в церкви. Это была единственная в округе действующая церковь. На гробу сидели: папа, на нем старинная суконная шуба, хранившаяся у него еще с его молодости, сидел дядя Ваня, в неизменном своем солдатском полушубке. О чем думали эти два мужика, провожая сейчас в последний путь, один - бывшую сноху, со смертью которой, можно считать, оборвалась родственная нить, второй, думая, кем же они останутся между собой, когда нет связующего звена, Анны. А связующее звено было - Александр. Одному неродной внук, другому неродной сын. Мороз донимал меня до костей, я бежал за санями, и впереди их, то присаживался на уголок саней. Когда перевалили Галечную гору, и в морозной дымке видна стала церковь, я с разрешения мужчин припустил бегом в церковь пока окончательно не замерз.

Когда я прибежал в церковь, там шло богослужение. На мне была шапка-ушанка, подвязанная под подбородком. Валенки на одной ноге у меня оказались худыми, оттого пальцев ног я не чувствовал. Поэтому, вбежав в церковь, увидев там на левой стороне большую чугунную печь, которая топилась, я стал пробираться к ней сквозь плотную толпу молящихся старушек. Старушки, увидев меня в церкви в шапке, сочли это за кощунство, каждая пыталась сорвать с меня шапку. Но я упорно пробивался к печке, и, достигнув цели, сел перед дверцей, сбросил с себя замерзший валенок, подставив ногу к огню, а затем занялся развязывать шнурки шапки. Вязки на морозе, от пота, слюны и соплей смерзлись, и теперь я развязать их не мог. Пришлось буквально оторвать одну вязку, и тогда я снял шапку. Только после этого молящиеся старушки успокоились. Наконец, мне удалось осмотреть убранство церкви. Но вот и подъехали с гробом, после заутренней был совершен обряд отпевания, и мы двинулись в обратный путь. Теперь я мерз еще сильнее, шапка с оторванными вязками не хранила тепло под подбородком, валенки оттаявшие в церкви, теперь снова смерзлись, и, не гнувшись, стучали по дороге как колодки. Поэтому участия в самих похоронах я не принимал, а был отправлен с кладбища домой, на печь.

Захоронив Анну Ивановну, собрались за поминальный стол, повздыхали, поохали и разошлись и разъехались все по домам. А мы остались сейчас в этом доме мужским обществом: дядя Ваня, Александр и я.

Жизнь продолжалась.

Я окончил пятый класс, а весной подошла идти пора на военную службу Александру. На проводы приехали папа с мамой и я, на лошади в телеге. Родители привезли кое-что из своих домашних припасов. Собрались друзья, родственники. Жаль, не дожидая до этого дня Анна, вложившая все силы в воспитание единственного сына.

Служить Саше довелось на границе, в Забайкалье. Там и присмотрел себе даурскую казачку Лиду, которая после окончания службы Саши приехала к

нему на Урал. И рассказала нам, что многие прототипы романа "Даурия" были знакомы ей. Что сам писатель Константин Седых, приезжал к ним на встречу, с героями своей книги, после выхода в свет его романа.

Домой, дяде Ване, Александр писал письма, которые всегда с интересом читались. А я, окончив 5-й класс, лето помогал родителям, и работал в колхозе на разных работах. Когда пошел учиться в шестой класс, то на квартиру шел уже как к себе домой, к дяде Ване. И летом, когда бывал в Очере по каким-нибудь делам, старался навестить его.

Осень 1950 года я запомнил на всю жизнь. Папа работал осенью на метке соломы, его потного продуло. И его организм, столь перенесший за свою жизнь, стал сдавать. Желтуха, водянка, вот перечень его болезней. Слег дома, затем стационар Очерской больницы. Мама, управляясь дома по хозяйству и работая в колхозе, когда я приходил на выходные, узнавала через меня новости о здоровье папы, и посылала ему со мной немудреные деревенские гостинцы. Окончив уроки, я шел к папе в больницу, и он ждал меня. Он знал мое полуголодное состояние, приносил мне от своего больничного пайка то тарелку каши, то стакан чаю или компота. Я съедал это из его рук в прихожей больницы, он смотрел на меня своим одним глазом, из которого катилась по щеке слеза, затем пряталась в его седой бороде.

Та больница давно сгорела, осталась только часть, где сейчас кабинет флюорографии. И когда приходится там быть, то с особой болью вспоминаю и вроде вижу себя в коридоре этой больницы, съедающего кашу с тарелки, и стоящего папу, который гладит меня по голове. В ноябре папу выписали из больницы, и теперь я его видел уже только по выходным. Здоровье папы ухудшалось, усиливалась отечность, тело на животе становилось желтым и блестящим. К октябрьским праздникам приезжал навестить папу брат Павел, привез на гостинцы фрукты, сладости, но у папы уже не было аппетита. В начале декабря привозили из Очера врачей, которые сделали откачку жидкости с живота.

Папа почувствовал облегчение, чем вселил надежду на его выздоровление во всех нас. Но радость наша была короткой, прошли сутки, и здоровье папы резко стало ухудшаться. Он потерял дар речи, и когда мама, Катя и я соберемся у его постели, он только молча оглядывал нас своим одним глазом, переводя взгляд с одного на другого. Что-то, может, он хотел сказать нам, напутственное слово, но уже не мог. Мы по очереди дежурили у его постели, приходила навестить отца сестра Наташа. И 10 декабря 1950 года перестало биться сердце самого человеческого для меня человека, моего папы.

На похороны собралась вся наша родня. Сват Захар Иванович с мужиками занялся изготовлением гроба, а брат Павел взял меня с собой в лес, где мы срубили пихту, принесли хорошее бревно домой, и из него брат с моей помощью изготовил крест, который простоял на папиной могиле около 30 лет.

Итак, мы остались дома втроем, мама, сестра Катя и я. После похорон я

снова пошел в школу, и долгое время не мог настроиться на учебу. На квартире мы жили сейчас мужским обществом: дядя Ваня, Иванов Яков Иванович, житель деревни Субботино, бывший фронтовик, а теперь ремонтирующий свой трактор в Очерской МТС. Им с дядей Ваней было что вспомнить из их фронтовой жизни, а мне было интересно слушать их воспоминания. Одной из домашних реликвий дяди Вани было домино. Оно было оловянное, и, поиграв этим домино, руки становились черными. Вот за этим домино мы и проводили длинные зимние вечера. Порой доходило до ссоры, и смешно было видеть, как два мужика из-за этой игры готовы разодраться, как дети. Спали мы с Яковом на полатах, однажды забравшись на полати, мы затеяли возню, и не заметили, что доски полатей вышли из четверки, и мы рухнули за печь. При падении оборвали вешалку, умывальник, Яков был здоровый, крепкий мужик, и при падении он придавил меня, как мышь. Долгие годы после, мы вспоминали с ним наш запечный полет у дяди Вани.

Дядя Ваня, оставшись вдовцом, стал задумываться о дальнейшей своей судьбе, и Яков помог ему найти невесту. Невеста нашлась в деревне Носково, из большой крестьянской семьи, чья молодость пришлось на суровые военные годы. Была это Ощепкова Таисья Николаевна, ставшая для меня тетей Тасей. И когда я учился в седьмом классе, то уже водился с их сыном Васей. Всего же тетя Тася родила дяде Ване двух сыновей и дочь. И когда Александр отслужил в армии, у него были сводные братья и сестры. Женившись на забайкальской казачке, стала расти и семья Александра, и построенная дядей Ваней изба стала становилась мала для двух семей. Тогда дядя Ваня по обоюдной договоренности с Александром продали этот дом и разъехались. Александр купил себе дом в Очере, а дядя Ваня со своим семейством купили дом в деревне Субботино, где он и прожил до последних дней своей жизни.

Так военная судьба привела этого мужика на Урал, все годы он собирался съездить на родину, да все откладывал, то денег нет, то дети малы, так и не собрался. Была у него сестра в Ленинграде, которая также все собиралась навестить брата, не собралась. Прожил дядя Ваня на белом свете 59 лет, и покойся его тело на Морозовском кладбище.

Весной пятидесятого, однажды придя в школу, мне ребята говорят, что приходил какой то старшина и спрашивал меня. Я знал, что тетка Васса со дня на день ждет домой единственного своего сына Михаила, который вот уже семь лет служит в армии. Я понял, что это был Михаил, обрадованный этим известием, выбежал из школы, чтобы найти и повидать своего двоюродного брата. Выбежав на улицу, увидел около почты военного, сердце подсказывало мне, что это он. Добежав до перекрестка, остановился перед высоким широкоплечим старшиной, из-под пилотки которого выбивался кудрявый рыжеватый чуб. С минуту мы молча разглядывали друг друга, а затем я оказался в крепких его руках, и он меня, как пушинку, подбросил в поднебесье, а затем прижал к своей груди.

Много воды утекло в жизни за эти восемь лет. Много дорог пришлось

прошагать ему с того зимнего дня, когда стряпали пельмени на ржаном тесте на его проводах, и по односледной тропинке он шел до лошади, запряженной в сани, и сам, наверное, не думал, что столь долгим будет его солдатский путь. Закончив фронтовой путь в Болгарии, в послевоенные годы служба бросала его по Союзу. И первые колышки испытательного полигона под Семипалатинском забивались с его участием.

Неописуема была радость тетки Вассы. По случаю возвращения сына она устроила праздник, на который собралась вся родня, да и вся деревня. Отшумел праздник, а жизнь продолжается, нужно устраиваться в мирной гражданской жизни. И подался вчерашний старшина в город Верещагино, где родственник Андрей Тихонович Ларионов помог устроиться на железную дорогу, предоставив угол для квартиры в своем доме. И работал Михаил на паровозе, сначала кочегаром,

Тютиков Михаил Егорович

а затем помощником машиниста. Там и нашел свою суженую-ряженую Тасеньку, Бушмелеву Таисию Дмитриевну, и осенью сыграли свадьбку. И свадьба игралась в Морозово, веселая была свадьба, но вот окончено гулянье, и надо думать, как жить дальше, главное где, то ли на квартирах, то ли у тестя с тещей. И решила молодая пара построить свой дом, и закрутилась строительная карусель, помогали и тесть с тещей, помогала и тетка Васса, как могла, и через год молодая пара жила

в своем доме, и качался в люльке их первенец Миша.

Шло время, и из угловатой девочки-подростка выросла красивая, стройная девушка Катюша. Несмотря на тяжелые годы, выпавшие на ее детство и юность, на нелегкий труд в колхозе, жизнь берет свое. И несмотря ни на что, чему приходит срок зацвести, расцветает.

И какой цветок не ласкает взгляд своей красотой? И присмотрел Катюшу паренек, посланный на сельхозработы с Очерского завода. Родом он из деревни Терехино, из большой крестьянской семьи, за плечами которого, были школа ФЗУ, фронтовые дороги и послевоенные годы работал токарем. Он и стал Катюшиным суженым-ряженым. Это был Путин Петр Михайлович. Осенью пятьдесят первого сыграли свадьбу. Она мне запомнилась тем, что когда я приехал в Терехино с приданым невесты и мне новые сваты при выкупе приданого, вместо вина, по ошибке налили стакан мореного хрена. Я чуть не задохнулся, и меня отпаивали молоком. И, проводив сестру, мы остались с мамой вдвоем в доме. Петр и Катя сначала жили на квартире, а затем построили свой дом, вырастили детей.

Итак, позади три учебных года в Очерской семилетней школе.

Прошли выпускные экзамены, выпускной вечер. И грусть, и радость. Радость в том, что окончена школа, и не надо нести из дому каравай хлеба да бутылку молока в заплечном мешке, основной продукт питания на неделю. Грусть - сходить на вечер — нечего одеть и обуть. Так как школа семилетняя, нужно определяться, куда пойти дальше. Если бы это была десятилетка, то, наверное, этой проблемы не было, а вместе с теми ребятами, с которыми учился, пошел бы в восьмой класс. А теперь пришлось думать, куда же дальше?

О чем мог мечтать деревенский мальчик? Увидев трактор или комбайн, работающие в поле, хотелось стать трактористом или комбайнером. Если по деревне пропылит редкая автомашина, да еще просигналит, распугивая барахтающихся в дорожной пыли кур, то хотелось стать шофером. Но для этого нужно знать трактор, комбайн, автомобиль. И забрав из школы свое свидетельство об окончании семи классов, по совету старших, я сдал свои документы в Верещагинский сельхозтехникум, находящийся в поселке Зюкайка, в 50-ти км. от дома. Помню, на вступительных экзаменах по русскому языку, нужно было разобрать предложение из стихотворения:

"Никому ни в чем не уступала,
Никому не кланялась Москва,
У заморских стран не занимала
Красоты своей и мастерства".

Не помню, как уж я его разобрал на существительные и прилагательные, но сам себе не верил, когда увидел свою фамилию в списках принятых на 1 -й курс механиков. Скольких хлопот стоило маме собрать меня в эту Зюкайку, это не в Очер на неделю. Надо во что-то одеть, обуть, что-то собрать с собой поесть.

Куплен суконный костюмчик, ботинки, фуражка и прочее имущество. Все это поместилось в фанерный коричневый чемодан с кожаной ручкой.

Вот и конец августа, отработав лето в колхозе, пора отправляться. До начала учебы нужно определиться с жильем. И забрав чемодан, под горькие слезы мамы, мне предстояло, как теперь говорят, ступить в большую жизнь. Горько было маме. Вырастив шестерых детей, ей предстояло остаться одной с хозяйством, без папы и без нас, ее детей. Двое из шестерых, уже никогда не придут и не придут и не скажут: "Здравствуй, мама!".

Итак, я будущий студент, в Зюкайке. Все впервые, все незнакомо, знакомые только те ребята, с которыми вместе сдавали экзамены. С жильем определился в общежитии, в которых я не бывал и не жил. И здесь я получил первый злой удар в своей судьбе. Маленького, тихонького мальчишку, боящегося всех и вся, присмотрел рослый парень, учащийся 2-го курса. Знакомство было предложено с его стороны: "Держись за меня, я тебя в обиду никому не дам. А то тут пропадешь". У него только сегодня маленькое затруднение, он не получил из дому перевод, который ему ежемесячно посылают родители, по 400 рублей. Но завтра он его получит, а сегодня ему позарез нужны деньги, а раз мы уж неразлучные друзья, то одолжи мне до завтра рублей сто. Обидеть друга отказом, это значит конец и дружбе, но у меня только шестьдесят рублей, собранных мне на все прожитие, собранные последние копейки заработанные в колхозе, по копейке на трудодень. Деньги, сэкономленные после уплаты налогов и займов.

Но дружба, будущая студенческая дружба, разве не дороже денег, раз другу надо сегодня, а завтра он вернет. И я достаю и отдаю до копейки все деньги своему новому другу. На завтра я его не встретил, или он меня не нашел. Так, спустя несколько дней, ловлю его: "Мне нужны деньги". "Понимаешь, друг, ходил на почту, а перевода пока нет". Учеба, как для всех студентов, началась с картошки. Копали в колхозах и не терялись, заготавливали себе, несли ее, кто как мог, к себе в общежитие, где была общая кухня, с печкой-плитой. Так эта картошка была основным продуктом питания.

В комнатах жили по 4-5 человек, а каждая комната готовила себе сама по очереди. Тут каждый проявил свои кулинарные способности: картошка "в мундире", очищенная с солью, тушенная с голубятиной. Да, да, с голубятиной, эта божья птичка, гнездившаяся на чердаке учебного корпуса, ловилась там в темное время, там же ощипывалась и потрошилась, и шла в горшок. Сама учеба мне, окончившему школу на тройки, давалась тяжело. Особенно математика. Будущий механик должен уметь читать и сам чертить чертежи. Чтобы сделать чертеж, требуется готовальня, которой у меня нет. Почему-то так получилось, из нашей группы я один в школе изучал французский язык, по которому имел единственную четверку в свидетельстве. В техникуме преподавали немецкий, и ребята из других школ проходили его там, и теперь по программе 8-го класса, уже грамматику немецкого. Я, не зная ни слова по-немецки, начал с первой страницы

учебника 5-го класса - "Дер габе, дер альте" и т.д.

Раз прихожу с занятий в общежитие, и в комнате сидит мой друг, которому я одолжил свои деньги. Друг сидит пьяный, в компании с комендантом общежития, молодая женщина была тоже навеселе. На столе стоит бутылка водки и какая-то закуска. Видя эту кампанию, раз друг пьян, то сейчас вернет долг, а то я просто-напросто голодаю. С этой просьбой или требованием я и подступил к нему. Друг наливает стакан водки и подает мне: "Пей, или убью!". Берет меня за шиворот и вливает мне, под смех своей подружки, Таськи-комендантши, водку. Захлебываясь, обливаясь слезами и соплями, я выпил несколько глотков водки, пока сумел вырваться, оттолкнуть стакан. Ну а дальше я был брошен на кровать. Никогда не пивавший, голодный, я мгновенно опьянел.

Очнулся я на другое утро, лежу в одежде на кровати. Переблевал свою постель и одежду. О занятиях не могло быть и речи. Не спешил на занятия и мой "друг", к которому я снова подошел с требованием вернуть мне деньги. Ответ был примерно такой: "Я вчера с тобой рассчитался, а если будешь приставать, то получишь, как следует, и вылетишь из общежития". На этом и окончились мои ожидания, когда вернут мне долг. Я кое-как дотянул до Октябрьской и приехал домой. Вид у меня был такой, что все охали и ахали, до чего же я худ. Я, конечно, никому уж не жаловался на свое ротовейство. А после Октябрьской, сестра Наташа запрягла лошадь, погрузила картофель, капусты, мяса и привезла мне целый воз продуктов. Учись, Валька!

А Валька изучал таблицу Менделеева, учился производить замеры штангелем и микрометром, производить расчеты логарифмической линейкой. При входе в учебный корпус висела доска приказов и объявлений. Раз проходя мимо, вижу толпу ребят, читающих приказы. Подошел и прочитал приказ. Студента 2-го курса Буркова отчислить за пьянку, прогулы и т.д. И тут у доски приказов выяснилось, что не я один одолжил этому проходимцу деньги до завтра, да ждут их и по сей день.

За время учебы в Зюкайке, я повстречался с другом детства, Вениамином Чазовым. Ок. в детстве с мамой жил в Морозово. Отец его погиб на фронте, мама его, Лидия Сергеевна, работала у нас в деревне продавцом. После войны они переехали в Зюкайку, оставив в деревне бабушку, дедушку, теток по отцовской линии. В Зюкайке Лида вышла замуж, жили они на берегу пруда, в небольшой избушке. Вениамин приглашал меня к себе домой, Лида засыпала меня вопросами о Морозове и морозовцах. Всегда я приходил к ним, как в гости, Лида никогда не отпустит, пока хоть чем-нибудь не накормит. Я стеснялся, но и не мог отказаться. Венья хорошо рисовал, и на стене висела картина-ковер, нарисованная им. Имел он гармонику и неплохо играл, было у него ружье, и осенью мы с ним на лодке отправлялись в камыши, и он стрелял уток. Был у него брат, маленький карапузик, с которым Венья водился. Это был сын Лиды от второго брака.

Забегу вперед. Вениамин выучившись на киномеханика, вернулся в

Морозово и жил у бабушки. Подходил срок призыва в армию, забрали, и службу проходил в Германии, в городе Дрезден. Вдруг, этот парень красавец заболел - белокровие, и быстро умер. В шестидесятых годах я, работая шофером, ездил в Зюхайку, на авторемзавод, и всегда заходил в хозмаг, где работала Лидия Сергеевна. Она все уговаривала меня зайти к ним домой, то есть в их новый дом, построенный чуть дальше от берега пруда.

И вот однажды собрался навестить их. Хороший добротный дом, стучу, мне открывается дверь и, я остолбенел... Передо мной стоял друг моего детства - Венья. И, видимо, предупрежденный мамой, приглашает меня в дом. Я захожу за ним, войдя в дом, еще пристальней всматриваюсь в молодого человека. И не пойму, что за наваждение? Рост, лицо, волосы, прическа, голос Вениамина. Только это был не Вениамин Сергеевич, а Евгений Федорович! Это мать своей любовью и тоской по первому сыну, выпестовала точную копию из второго. Но вернемся снова в 1952 год.

Моя учеба со скрипом, со срывами и маленькими победами, но идет. Появились настоящие друзья по учебе, по общежитию. В комнате жили все сельские ребята из разных районов области. Каждый вспоминал свой дом, и так мы узнавали, кто, где, как живет, хотя уровень жизни был примерно одинаков во всех районах области. Кроме занятий мы могли заняться какой-нибудь игрой, просто повозиться, да порой так, что после таких игр в комнате перевернуты столы и табуретки, развалены по полу матрасы и подушки.

Однажды, во время такой игры с соседом по койке, раздухарились так, что места в комнате нам стало мало, и друг выскочил в коридор. Я закрылся в комнате на дверной крючок. Слышу стук в дверь, думаю, это мой друг остыл там в коридоре, и намереваясь его еще поддержать, не открываю дверь. Снова стук. Я в детстве не одно лето работал пастухом, и пастуший лексикон не забыл, и теперь изливал его на своего друга. Снова стук. Я беру в руку подушку, открываю дверь с крючка, и хочу накрыть Петуха (Петухова) подушкой. Подушка вылетает за дверь и, о Боже, она плюхается не на голову Петуха, а глухо схлопав по кожаной куртке, падает под ноги заместителю директора техникума.

А Петух, повесив голову, стоит сзади в коридоре. В комнату входит высокий мужчина в кожаной куртке. Осмотрев нашу комнату, он был немногословен, спросил: "Которая твоя койка?", я показал, и он приказал сейчас же свернуть матрас, одеяло, подушку и немедленно сдать постельное. Больше он не сказал ни слова, а я свертывал все постельное и взвалив все через плечо, унес и сдал кастелянше.

Переночевав ночь на голой сетке, на второй день иду в учебный корпус, и на той же доске приказов и объявлений читаю: за нарушение внутреннего распорядка и низкую успеваемость отчислить учащегося 1-го курса механиков Путина В.А.

Это был второй и самый страшный удар в моей студенческой жизни.

Никуда я не ходил просить прощения, и никто не заступился и не помог. Сдал учебники, отдал продукты, которые остались еще из тех, что привезла мне сестра, все свои пожитки сложил снова в фанерный чемодан, и в холодный декабрьский день я, так сказать досрочно, покинул этот сельхозтехникум. Шел из Забора в Зюкайку, меня душили слезы. Мне было стыдно, и я не мог себе представить, как я приду домой к маме и скажу, что меня выгнали. Но здесь мне больше делать нечего.

Автобусов тогда не было, и основным транспортом были попутные машины. Шел в Верещагине ЗИС-5, к нему попросились в кузов человек до десятка, забросил свой чемодан и я, хотя денег у меня не было. Но выручало то, что в автобус нужно сперва заплатить, а тогда ехать, а здесь сперва доехать, тогда платить. Я, в своей одежке "на рыбьем меху", заоченел до того, что зуб на зуб не сходился.

Ну вот, скоро верещагинский железнодорожный переезд, перед ним шофер остановится и соберет плату за провоз. У меня нечем платить, я беру свой фанерный чемодан и швыряю его подальше в сугроб, биться в нем нечему, лишь бы сам не разбился. Дорога перед переездом в ухабах и я спрыгиваю через задний борт на дорогу. Лезу в сугроб за чемоданом и бегом, чтоб согреться, мимо стоящего у переезда ЗИС-5, где шофер, стоя на подножке, собирал деньги за провоз. Прощай, Зюкайка.

Пробежав от переезда, до ближайшего магазина, около "Заготзерно", я там отогрелся у печки, и тогда пошел в центр, к вокзалу. Точного плана дальнейших моих действий не было. Идти домой мне было стыдно, хотя в кармане была справка из техникума, что я с сентября по январь учился, что давало возможность с нового года пойти дальше учиться в восьмой класс. Я ходил и читал объявления, и нашел одно: "Артель Маяковского набирает на трехмесячные курсы столяров". Нашел контору артели, там в принципе были не против и принять, но у меня нет ни паспорта, ни прописки.

Жили в Верещагино наши родственники, выходцы из Морозово. Когда-то Морозово и начиналось с Ларионовки. И теперь в Верещагино жили два брата Ларионовы, Андрей и Григорий Тихоновичи. Были это семейные мужики, построили в Верещагино свои дома. Дядя Андрей с тетей Антонидой были крестными сестре Наташе. Были у них дети: Анна, Николай, Александр. Дядя работал в вагоно-ремонтном депо столяром. Тетя Тоня, белоруска по рождению, была домохозяйкой. Анна уже замужем, живет в своем доме, построенном рядом с отцовским. Муж Александр работает сварщиком в депо. Имеют двоих детей, Николай мой ровесник, и Саша младший. Ребята летом приезжали к нам в деревню, вместе ходили по грибы и ягоды. Приезжал и я к ним в гости, где все казалось интересным.

И вот теперь я решил зайти к Дяде Андрею и посоветоваться, как мне быть. Ребята радостно встретили меня, и я рассказал всем о своем горе. Николай

с осени что-то приболел и не пошел в школу в 8-й класс, и оказывается, он сейчас работает в той самой артели Маяковского учеником столяра. И на семейном совете решили помочь мне устроиться на работу. Дядя был хороший плотник и столяр, построил дома, себе и дочери, помогал другим застройщикам, поэтому у него были деловые связи с местными властями. Сходил он ко квартальному, знаком был ему и начальник столярного цеха, и через два дня я, вместе с его сыном Николаем уже шел на работу учеником столяра в столярный цех артели Маяковского.

Были в 40-50-х годах такие промартели. Были они и в Очере; артели: "Работник", "Гвоздарь", "Строитель", "Чапаева". У каждой было свое производство, где делали гвозди, шили одежду и обувь, делали кирпич и т.д. Артель Маяковского многоплановая, здесь пекли пряники и кренделя, столярный цех выпускал тяжелые пружинные матрасы и деревянные плечики для одежды, чемоданный цех выпускал чемоданы и сумки разных сортов, был цех игрушек из папье-маше.

Столярный цех - деревянное здание на северо-восточной окраине города. Коля помогает мне быстрее освоиться в новом для меня коллективе. Руководство артели было интернациональное. Председатель артели - еврей Шапиро. Начальник цеха - Карл Карлович Шварц, то ли латыш, то ли эстонец. Мастер Степанян, а раз "ян", значит из армян. Мне определено рабочее место, получаю инструмент: рубанок, горбати́к, пилу-ножовку, лучковую пилу и верстак. Коля, сын хорошего мастера, сам уже хороший столяр, и здесь он уже не только ученик, но и учитель, для таких, как я.

Получив инструктаж по технике безопасности, мне объяснили задачу: я должен научиться делать платяные плечики, которые артель поставляет в продажу. Теперь вот готовится партия для отправки в Узбекистан. С технологией изготовления познакомит мастер и мой наставник Коля.

Мои новые друзья, ученики столяра, ребята такие же, как и я, кто-то куда-то не поступил; кому-то первая возможность иметь заработанный кусок хлеба. Бригада 10 человек, познает азы столярного дела под надзором мастера. Но стоит ему куда-нибудь отлучиться, как наша столярка превращается то ли в театр, то ли в цирк, то ли просто в поле боя. Побросав рубанки, плечики, вооружившись самодельными шпагами, на столярной стружке разгораются жаркие сражения. Глядя на эти ребяческие игры в столярке, на память приходили свои недавние такие же сражения в общежитии, и чем они для меня закончились, я отговаривал ребят от этих игр.

Вся столярка имела несколько отделений, в одном стояли: токарный станок, на котором точили песты, пироженки, веретена и прочее; строгальный станок, на котором строгали доски для рам пружинного матраса; наждак для заточки инструмента. На этих станках работал мастер-столяр, и нас к этим станкам не пускали. Был цех сборки матрасов, где работали женщины. Столяр, собрав

раму, передавал ее в матрасный цех, и там женщины укрепляли пружины, на них клали холщовый материал, на него мочальную подушку и сверху обтягивали полосатым тиком.

Запретный плод сладок, и куда кого не просят, те туда и лезут. Раз, в отсутствие мастера, один из наших учеников решил сам построгать коротенькую палочку на электрострогальнке, результат - четыре пальца правой руки выплунуты в опилки. В другой раз, в обеденный перерыв, когда женщин не было в цехе, веселая кампания решила побороться на куске мочала, стояла там банка сухого порошка - морилки. Борцы во время своих схваток опрокинули эту банку в мочало. Порошок оказался очень ядовитым.

Женщины, придя с обеда, приступили к сборке матрасов и им нужно стало мочало. Когда они растлали его, чтоб ровным слоем положить на готовящийся матрас, то все так надышались этой отравы, что пришлось вызывать "скорую", и их увезли в больницу. Такие были вот ученики.

А учеба-то вся и состояла для меня в том, что Николай показал мне всю технологию изготовления плечика. А заключалась она в следующем. Берем ножовку и нарезаем определенной длины доску. Для этого с промкомбината завозят пиломатериал, мы загружаем его в сушилку и отсюда берем на столярные нужды. Напилив полметровых досок, несем в столярку. Берем шаблон и делаем разметку на доске верхнего полукружья. Затем по этой разметке лучковой пилой выпиливаем заготовки. Затем обрабатываем рубанком верхнюю и боковые стороны и горбатиком внутреннюю, выстрагиваем нижнюю рейку и соединяем на клей казеиновый, шкурим все изделие, на другом участке плечико просверлят и укрепят проволоочный крюк. Изделие должно быть соответствующих размеров, не косым, с точно подогнанной нижней планкой.

Изделие вроде и не мудреное, но если у рук не бывало, то смотришь на свое изделие и думаешь, кто же такое плечико купит. Так же думает наш Карл Карлович, когда мы несем ему сдавать свою работу. Норма на смену 20 штук, это немало. Но вот изготовил 20 штук, составил их в ряд, из 20 штук трудно найти 2 штуки, чтобы были одинаковы, один выше, другой ниже, один уже, другой шире.

Карл Карлович - "старый хрыч", глядит на наши изделия, качает головой, что можно исправить, отправляет обратно: "Вот здесь подстрогай, здесь переделай планку, здесь лучше зачисти шкуркой". Унес, подстрогал, подчистил, снова к нему, что понравится - возьмет, не понравится, снова кладешь под верстак. А надо, чтоб скорей все плечики с первого раза нравились Карлу Карловичу, тогда он соберет комиссию и присвоит тебе рабочий разряд. А это значит, ты будешь получать не ученические, а заработанные тобою деньги.

Коля Ларионов, с детства занимающийся с отцом-столяром, уже плечики не стружет, а аттестован на разряд и работает где-то в конторе, оборудует стенды, в киоске делает прилавки. А я усердно строгаю плечики, с непривычки устаю, но вот уже норма мне не кажется такой уж недостижимой, да и от Карла Карловича

реже уношу свои изделия на доработку. Вот и получена первая получка, невелика, но это уже собственные деньги. И я их отдал тете Тоне на питание. И тогда для меня стало легче жить, придя домой с работы, я уже смелей пробирался к горшку с кашей, и брался за кусок хлеба. Ведь одно дело прийти к родственнику гостимо, и совсем другое, когда ты ежедневно садишься за стол с голодным брюхом.

Освоившись в столярке, я вижу некоторые ребята остаются после работы, делают нехитрые поделки и уносят домой. Освоил я и производство кухонных навесных шкафиков, изделие не мудрое, три полочки да две палочки, да покрашенные той самой морилкой, приносил домой. А здесь у меня был агент по сбыту, Саша - Шурка, он учился в школе, парень был боевой, и в воскресенье брал мой шкаф-посудник, и те плечики, которые не понравились Карлу Карловичу, и нес на базар. За это Сашка имел себе на кино и на мороженку, а я мог заглянуть в "китайский" магазин, купить буханку хлеба и побаловаться сладостями.

Сам я в воскресенье уходил на работу, сторожил, укладывал в штабеля пиломатериал, искал любую возможность заработать копейку. И воскресений я боялся, боялся, что кто-нибудь из деревни приедет в Верещагино на базар и узнает, что я уже давно не студент, а столяр. Поэтому моей мечтой и целью было скорей получить разряд, заработать деньги, купить себе одежду и подарок маме и прийти домой. И когда получил получку да прибавив накопленные от торговли деньги, я купил себе черную цигейковую суконную шапку, клетчатую красно-белую рубаху, черный, с цветами по краям шерстяной платок в магазине, почему-то называемом "в складе". И на базаре была куплена черная фуфайка, которая была чуть-чуть на вырост.

За всеми этими покупками ходили втроем: Коля, Саша и я. И только тогда, с благословением тети Тони, одевшись во свои обновы и уложив подарки от себя и Ларионовых, я пешком по конской дороге пошел с повинной головой к своей родной маме.

Неописуема радость мамы, когда ее "заскребыш", от которого она два месяца не получала писем, мартовским вечером приходит домой. Жив, здоров, одет и с гостинцами - подарками. И я рассказал всю свою историю маме. А на второй день я, нагруженный домашними продуктами, шагал уже обратно в Верещагино, но на душе было уже спокойно. И теперь я уже ждал субботы, чтобы бежать 18 километров через леса и поля, чтобы повидать и успокоить маму. И если в один из выходных я не мог прийти домой, то это уже не вызывало волнений у мамы, она знала где я и чем занимаюсь.

Нашел я в Верещагино и своего двоюродного брата Михаила Егоровича. Они с Таисией Дмитриевной уже жили в своем новом большом доме. Стройка еще не окончена, но они первую зиму живут в своем углу, и растет у них беленький карапуз Миша. Я прихожу к ним, если им нужно куда-то сходить, я остаюсь посидеть с Мишей. Завожу патефон, и льется "Над полями, да над чистыми", и

под эту песенку нам обоим светло и радостно от слов "Эх, ты, удал молодецкая, ой, ты, девичья краса". И теперь, когда в очередной поход домой, я нес приветы и от Михаила и Таси с Мишей, тетке Вассе, и передавал все новости о них.

Запомнилась еще одна картина - март 1953 года.

Базар. На телефонном столбе громкоговоритель. И я впервые вижу такую огромную толпу вокруг этого столба. И многие не плачут, а просто ревет. Умер Сталин. Прихожу на квартиру, те же слезы, ревет тетя Тоня, умер Сталин. Висел в их доме в рамке, сделанной дядей Андреем, портрет, мужчина в очках-пенсне, лысый и снизу подпись: Лаврентий Павлович Берия. Висел этот портрет над столом и когда садишься поесть, Лаврентий строго смотрит на тебя. Не помню, сколь прошло времени после смерти Сталина, прихожу в комнату и вижу портрет - глаза Лаврентию выколоты сквозь очки, это так казнил его Сашка, узнав, что Берия - враг народа!

Время - лучший доктор, старая истина. Постепенно зарубцевалась и рана моего зюкайского поражения, я обрел новых друзей, и мир стал постепенно расширяться, я вспомнил, что существуют книги, кино. Узнал, что артель это не только наша столярка, но еще кондитерский цех, куда нас посылали связывать на шпагат еще горячие крендели, и там работают красивые и веселые девчата. Узнал, что есть в этой артели своя комсомольская организация, вступить в которую звали и меня.

Изучив Устав и получив рекомендации, с волнением жду бюро райкома. Для получения комсомольского билета надел свою новую рубашу и штаны. Пиджака хорошего у меня не было, и я на бюро пришел в одной рубашке, ответив на вопросы членов райкома, я был принят в члены ВЛКСМ, и мне вручили комсомольский билет. Я был очень взволнован. Когда получил билет, один из членов бюро, видимо видит, что на мне нет пиджака, а на рубаше карманов нет, задает вопрос: "Где комсомолец должен хранить свой билет?". Вопрос для меня оказался не простым. Согласно Уставу отвечаю: "Ближе к сердцу", но, похлопав себя по груди, кармана не нахожу, сунуть билет в боковой карман штанов, думаю будет неприлично, тогда вспоминаю, что на штанах есть карман сзади, в котором я никогда ничего не храню, и засунул новый билет в этот карман. Чем вызвал и смех, и негодование всех присутствующих.

Вот и проходит три месяца, я бы сказал, три спасительных для меня месяца. И я благодарен своему дяде Андрею и всей его семье. Это они поддержали меня в трудную минуту. Дядя Андрей с виду сумрачный, с нависшими бровями, плешивый мужик, всю жизнь с топором и рубанком в руках. Я его побаивался, но когда у него была свободная минута, из-под этих нависших бровей такие веселые глаза, и с улыбкой спросит: "Ну, как дела, праплемянник" да погладит по голове, так и хочется приласкаться к этому человеку. Тетя Тоня, полная, больная сердцем женщина. На ней домашнее хозяйство, корова, свои дети, но она никогда меня не упрекнула в чем-либо. Всегда находил теплое слово и поддержку у их детей:

Александра и Анны, Николая и Саши. Спасибо вам, люди.

Благодарен я Михаилу Егоровичу и Таисье Дмитриевне, у них тогда своих хлопот полон рот, дом строили. Михаил работал на железной дороге, работа не из легких, по вызовам. Телефонов не было, а были нарочные, которые вызывали поездные бригады, обходя их по домам. Таисия Дмитриевна работала в аптеке, родом она верещагинская, и там жили ее родители. Когда я приходил к ним, они всегда интересовались моей жизнью. Михаил с армии пришел коммунистом и поддерживал меня со вступлением в комсомол.

На работе у меня было все в порядке, те, кто продержались эти три месяца, получили 3-й разряд столяра. Но и здесь тоже не все пришли к финишу. Одному, я уже рассказывал, оборвало пальцы, кое-кого уволили за нарушение трудовой дисциплины, а кое-кого даже посадили на скамью подсудимых, за хулиганство.

Идут разговоры о расформировании нашей бригады. Приходя домой, мама все сильнее просит вернуться меня домой, подошла весна, и легко ли ей одной управится с хозяйством. А подойдет сенокос, что она будет делать одна? Сестры живут своими семьями, им самим приходится нелегко. Когда нахожусь на работе, вроде жаль покидать место, к которому уже привык, приду домой, жаль маму, да и честно сказать, каждый раз, уходя из дома, оставляя ее одну, лежал на сердце камень. Разговоры о роспуске бригады приобретают более реальную форму, говорят, будет формироваться бригада для отправки на шахты Кизела. Тогда я пошел к Карлу Карловичу с заявлением о расчете, тот: не могу. Опять же помог дядя Андрей, и с его помощью я рассчитался с артелью Маяковского, сгрузил свои пожитки опять в свой фанерный чемодан, и в апреле месяце с ним переступил порог родного дома.

Прощайте, дальние страны.

Весна 53-го. Высохли слезы по умершему Сталину. Не взирая на смерть великих, жизнь на земле продолжается, греет солнце, набухают почки на деревьях. журчат весенние ручьи. И живущий под этим солнцем, любуясь этими почками и ручьями, человек должен думать и о хлебе насущном. Так и я. забрав свои документы из артели Маяковского, пришел в Очер, в контору артели "Строитель". где председатель Власов, сложностей с устройством на работу не было.

Предъявил свой "диплом" в виде ватманской бумажки, где записано, что Путину В. А. присваивается 3-й разряд столяра. Власов глянул на эту бумажку и говорит, если хочешь, иди в распоряжение начальника участка, находящегося в Широком логу. Широкий лог, урочище на границе земель Морозовского сельсовета и Очерского лесничества, где в пятидесятых годах стал обосновываться промучасток. Были построены котельная, пилорама, бараки, конный двор и первоначальное производство: рубка леса, вывозка древесины, распиловка. Когда была построена база, стали расширять производство, был построен и пущен в эксплуатацию кирпичный завод. Кадры набирались отовсюду. Были заселены два барака, приезжали из Очера, возили на машинах из Морозово, Терехино. Люди

бежали из колхозов сюда, где условия жизни и работы были не лучше, чем в колхозе, но здесь платили деньгами. Появился здесь и свой магазин.

И вот иду я на работу в Широкий лог, от дома, прямушкой через поле километра три. Представляюсь начальнику участка, фамилию не запомнил. Прохожу формальности и получаю направление в столярку, напарником к Жужгову. Была там другая столярка, где столяры делали рамы, оконные блоки и прочее. А здесь, небольшая избушка, и работает один мужик, в обязанности которого входит ремонт конных саней и телег, поэтому у сарайчика, возле избушки, стоят искореженные сани и телеги, стоят наваленные к крыше березовые жерди,

Мама, мама. Это вечно.

заготовки на оглобли. Сюда идут и местные жители, кому-то надо черень клопате или вилам, да мало ли что где потребуется сделать для жизни в лесном краю.

Кроме всего этого, есть тут одна работа, сколачивание ящиков под гвозди, для артели "Гвоздарь". Принял меня мой новый начальник без особого вдохновения. Вроде как и недоволен. "Ну, раз прислали, бери ножовку, вон штабель досок, а я буду сколачивать". Я стал пилить, он сколачивать, и штабель ящиков в сарайчике быстро стал расти. Ничем меня этот молчаливый, заросший щетиной мужик не обидел, но я, привыкший всегда быть в коллективе среди своих сверстников, чувствовал себя неуютно рядом с этим человеком. Лучше было бы, если он меня отругал или просто поговорил со мной.

Однажды, приходит к нам в столярку наш мастер-бригадир, осмотрев нашу работу, говорит: "Ящиков вы наколотили порядочно, пока хватит, а мне нужны работники на ремонт обжиговой печи, поэтому я тебя забираю, Жужгов справится здесь один". Итак, я расстался с первым здешним напарником, и как мне кажется, оба не были опечалены расставанием.

Обжиговая печь, это большое круглое кирпичное сооружение, метров 10 в диаметре и метров 5 высотой. Задача: до начала летнего сезона по производству кирпича, отремонтировать печь. Здесь основная фигура — жигарь. По важности, что сталевар у мартена, то и жигарь у печи. Теперь печь пуста, и где есть окрашивающийся или выгоревший кирпич, нужно его заменить. Для этого внутри печи делаем леса, выхода, трапы.

Наша команда из трех человек: жигарь и двое подсобных. Наши орудия труда: ломы, лопаты, носилки. Мой напарник по носилкам - молодой очерский парень, устроившийся на сезон. Жигарь, мужик лет сорока, с семьей живет здесь, в бараке. От разборки горелого кирпича, в нашем кирпичном котле - пылища, мы все ржавые. Но атмосфера была доброжелательная, все зависело от старшего, он обоих нас расспросил, кто такие и откуда, не было ни окриков, ни брани. Он разбирал, где считал нужным, и заменял, а наше дело было по этим трапам на носилках выносить горелые обломки да заносить раствор и кирпичи. Неделя работы, и печь готова. Начался сезон по производству кирпича. И никто не вспомнил, что я столяр, и с ремонта печи был направлен в кирпичный цех. Да я и сам был не против, было интересно узнать процесс изготовления кирпича. К тому же, к этому времени туда пришло много молодежи, в том числе и морозовские ребята. Кирпич Широкого лога - это тяжелый ручной труд. Это тонны, сотни тонн перегбенной земли.

Карьер, где старый экскаватор грузит глину в ГАЗ-93 или в тракторную телегу, и везут к смесителю. Смеситель, это большая деревянная бочка, с большим валом посередине и конической передачей внизу, все это находится в бочке, под полом из плах. На валу укреплены лопасти. Далее, принцип тот же, что у молотилки "Очерки", да он наверное оттуда и взят, это конный привод. Лошадь идет по кругу, и это вращение через валы и шестерни передается центральному валу с лопастями. В емкость засыпается земля и определенное количество воды, и погонщик водит лошадь по кругу, вращаются лопасти, перемешивая воду с глиной и песком до плотной, густой консистенции. Внизу имеется отверстие, и лопасти своей плоскостью, направленной немного книзу, постепенно выдавливают эту массу в отверстие.

На выходе становится рабочий и делит эту массу, на куски такого объема, чтоб из каждого куска мог получиться кирпич. Если ком глинистой массы будет мал, то при формовке нужно будет добавлять, если велик, то формовщице придется специальной лопаткой снимать излишки. А это лишняя затрата сил и снижение производительности. Кирпичный цех - большой крытый сарай с двумя линиями и, где стоят ручные станки для формовки кирпича. Вдоль стен в несколько ярусов сделаны стеллажи для укладки кирпича-сырца. В каждый проход ведут две дороги, застланные плахами.

Я изучил чуть ли не все операции своим горбом, но больше приходилось развозить глиняные окатыши от смесителя к формовочным станкам. Выглядит

это так, закрепляют за одним подвозчиком 3-5 формовщиц. В руках одноколесная тачка-тележка с ящиком и ручками, нагрузившись у смесителя, по плаховой дорожке везем комья для своих подопечных. Выгрузив, идем по кругу и обратно по другой такой же дорожке, груженный с порожним навстречу не идут. Формовочный станок, типа верстака, на котором смонтирована металлическая форма кирпича, она сверху на шарнире закрывается тяжелой металлической крышкой с ручкой. Дно двойное, верхнее дно подвижное с металлической штангой, пропущенной в отверстие нижнего дна, соединена с рычагом педалью.

На формовке работают почему-то преимущественно женщины: молодые, сильные, красивые. Берет формовщица кусок глины, бросает его в форму и, беря в правую руку верхнюю крышку, начинает трамбовать глину в форму. Вот здесь и нужно, чтоб в каждом комке глины было ровно на кирпич. Затрамбовав, формовщица ногой нажимает педаль, и подвижное дно вытолкнет из формы готовый кирпич. Сдвинув на стол, его подхватит другой человек и унесет на стеллажи для просушки. Но это еще не кирпич, а сырец. Затем этот сырец авралом грузят, возят и загружают в обжиговую печь, которую мы ремонтировали.

Здесь сейчас полный хозяин жигарь, следит за правильной укладкой сырца в печи и затем растопляет печь, и должен смотреть за температурой, чтоб не пережечь. Через неделю снова аврал, выгрузка из печи, кирпич еще горячий, выносят на носилках и укладывают на поддоны. И вот он, широкоуголовский кирпич, красно-желтого отлива, при ударе друг о друга звенит. Возле печи площадка, заставленная поддонами с кирпичом. Мастер принимает от жигаря продукцию, оба довольны удавшейся садке. И надо сказать, широкоуголовский кирпич, при ручном производстве, был неплохого качества, и его охотно покупали строительные организации. Но это был тяжелый ручной труд, и пока ком глины превратится в крепкий обожженный кирпич, много надо приложить человеческой силы, и каждый кирпичик облит потом.

Много было на нашей уральской земле промучастков. На нашем основном производстве была заготовка леса. Кадры, это бывшие военнопленные, прошедшие сталинские лагеря, и теперь находящиеся здесь на вольном поселении. Жизнь залечивала их душевные раны, и теперь эти молодые, красивые мужики обзаводились семьями, строили свои дома. Были здесь крестьяне, правдами и неправдами ушедшие из колхоза, теперь готовы были здесь на любую работу, лишь бы иметь кусок хлеба да угол в бараке. У каждого своя судьба, приведшая его сюда, так же как и меня, в поисках счастья. Сколько нужно приложить труда, чтоб построить эти лесные поселки.

О барачной жизни рассказано и написано немало, где люди жили в ожидании лучшей жизни, и барак был похож на муравейник. Поэтому их называли "муравейники". Но и в этих условиях жили: работали, влюблялись, женились, рожали детей, растили и учили их. Заливали горе вином, дрались, вечерами молодежь пела песни и плясала, болели и умирали. Жизнь во всем брала свое.

Взять одну колоритную фигуру. Бригадир назвал его Юрий Васильевич - Юра, ЮрВас. Мужик лет тридцати, темно-русый, квадратный, верней, как пень столетней ели, сколь высок, столь и широк. Очень подвижен, кажется, в нем просто кипит неумная энергия. Дождь ли, снег ли, одежда на нем распахнута чуть не до пупа, на волосатой груди виднеется синева татуировки. При разговоре и улыбке во рту посверкивает металлическая фикса. ЮрВас много лет осваивал такие лесные поселения, только те были обтянуты колючей проволокой да окружены часовыми вышками, а начальника называли "бугор".

И вот теперь ЮрВас - "бугор" на промучастке. Дело он знает, умеет организовать, с людьми легко сходится, но если кто-то выведет его из равновесия, может так отматерить, что мало не покажется. Поэтому и люди относились к нему любовно-боязливо. ЮрВас был женат и жил в бараке, по выходным, с получки, нередко напивался, и тогда был неуправляем. Находился повод для ссоры и драки с кем-нибудь из жильцов барака, народ, я уже говорил, был тертый, и не каждого припугнешь своим эковским прошлым, порой могло дойти и до топора. И тут бесстрашно вступала в бой его жена. Женщина маленькая, пухленькая, жидкие русые волосы собраны в пучок, в ситцевом застиранном платице, вклинивалась между дерущихся и с ревом, криком, оттесняла своего Юру в свой барачный угол.

На другой день тот, не помня зла, шел ко вчерашнему своему врагу и пили мировую. Я упоминал о татуировке, так женщины раз специально попросили Юру раздеться до пояса, чтоб рассмотреть его татуировку. Расписан он был классно. Мало было места чистой кожи, бабы охали, ахали, но это было не все. Он снял с себя штаны и трусы, и бабы с визгом кинулись врассыпную. Оказывается он расписан был, видимо, до пят. Все татуировки выполнены красиво, имели они эковскую символику.

Вот еще одна личность. Обедали мы на работе, кто что с собой принесет. У меня, теперь живущего дома, в деревне, особых проблем не было, мой обед: бутылка молока, пара яиц, да краюха хлеба. Эти продукты давали энергию, чтоб с утра до вечера катать тачку с глиной. Обедать садились за самодельный стол, и рядом со мной садилась молодая женщина, она была стройна, красива собой, и переноска кирпича-сырца от станков и укладка на стеллажах были явно ей не по силам. Но она не жаловалась, что ей тяжело, а она жалела меня. И так мы с ней познакомились. Звали ее Надежда. И постепенно она рассказала о своей судьбе, я о своей, что привело нас обоих сюда.

Надежда окончила педучилище, вышла замуж за офицера, и понесла их военная судьба по гарнизонам. И оказались они в Западной Украине. Было у супружеской пары уже двое детей. Муж служил в комендатуре, она преподавала в школе. Прошло пять лет с окончания Великой Отечественной, но не кончилась внутренняя. В западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтийских республиках. Не были согласны с итогами войны и украинские националисты. От

рук этих националистов и погиб муж Надежды. Оставшись с двумя детьми в чужом городе, где из друзей только друзья мужа - военные, прожила еще год в небольшом городе, каждый день переживая за судьбу детей.

Она собирает свои пожитки и едет домой к родителям - старикам, за которыми тоже уход нужен. Устроиться на работу по специальности не смогла, пообещали взять с нового учебного года. Детей надо кормить, одевать, поэтому она здесь сейчас таскает эти тяжелые кирпичи. Я рассказал ей о своей, еще небольшой судьбе, приведшей меня сюда, она жалела меня и убеждала, что для меня ничего не потеряно. "Брось ты эту тачку, у тебя есть способности, и сейчас есть прекрасные училища, не опоздал ты и в школу идти учиться". Эти беседы не проходили для меня бесследно. Отработав смену, мы, морозовцы, пешеходной тропочкой шли в свою деревню, сперва проступаясь в снегу, затем по раскисшей земле, затем по травяной тропинке.

Идя по своим полям, собирали первый подножный корм, пистики. Подсохла земля, и появились первые тракторные агрегаты. А поля были самые большие у морозовцев, выйдя из Широкого лога сразу начинались наши поля. И встретив трактор, обрабатывающий поля на границе Широкого лога и напросившись к трактористу прокатиться, была возможность 1,5 километра проехать до деревни. И когда удавалось сесть на площадку трактора СХТЗ, обдающего тебя керосиновым перегаром, а сзади трактора остается взрыхленная полоса земли, качающаяся вдаль в туманном мареве, она, казалось, звала меня к себе, в эти полевые просторы.

Встречал на полях бригадира тракторной бригады, спешащего от агрегата к агрегату, моего двоюродного брата Гилева Павла Моисеевича. Павел - старший сын тетки Ольги, в детстве переболевший корью, после чего болезнь оставила свой след на его лице в виде мелких и частых ямочек. Таких людей называли шадровитый, корявый. Но эта шадровитость не мешала его привлекательности. Отслужив действительную службу на границе, готовился на дембель, но июнь 41 - го меняет планы, и вчерашний пограничник, охранявший восточные рубежи, направляется в Ташкентское военное училище, ускоренный выпуск, и лейтенант Гилев на передовой Великой Отечественной войны. Командир взвода, роты. Из воспоминаний Павла, немцы идут в атаку, он организует оборону. Превосходящие силы противника берут подразделение в кольцо, замолкает пулемет, убит пулеметчик, оттащив его тело, лейтенант Гилев ложится сам и берется за горячие ручки пулемета.

Неоднократные ранения и контузии, гнойные раны и хлор фронтовых госпиталей перенес на себе этот крестьянский сын. Отрадилось это все на его психике, стал он вспыльчив, как говорили, "кипяток". Война очень сурово обошлась с семьей тетки Ольги. Погиб отец Моисей Иванович, прошли через горнило войны два брата, Павел и Афанасий, и сестра Анастасия. Ковали победу и те, кто остался в тылу. Передовой колхозницей была Гилева Ольга Алексеевна,

окончив ФЗУ, собирала для фронта танки ее дочь Елена. Павел на фронте вступил в партию, из-за ранений, по состоянию здоровья комиссуется из армии. Вернувшись домой, Павел присмотрел и полюбил девушку-сироту, одиноко живущую в крестьянском хозяйстве, где мужские руки были просто необходимы.

И стали они жить-поживать да детей наживать. Павел механизатор, лето в поле, зимой построит нефтяной движок и крутит мельницу или пилораму. Видя боевого по духу, способного повести за собой коллектив, его назначают бригадиром тракторной бригады, и из Субботино семья Гилевых перебирается в Морозове. Агриппина Ивановна — Пина, нелегко порой ей было переносить психические срывы Павла, но никто, наверное, не видал эту женщину унывающей, жалующейся на жизнь. Теперь тетя Пина работает в Широком логу, и мы вместе с ней топчем тропинку до деревни. Повстречаем иногда Павла, спешащего к тракторным агрегатам. Походка его, после ранения в бедро, выглядит странно. Если бы у него был спокойный характер, то он, наверное, ходил бы прихрамывая на правую ногу, имея в своем обиходе трость.

Это не для Павла! Он всегда куда-то спешит, поэтому, когда нужно шагнуть правой ногой, он как бы припрыгивает на левой, занося в это время правую. Встречаясь со мной, он стал уговаривать идти к нему в тракторную бригаду. Он был оптимист, и преобразования в сельском хозяйстве, проводимые новым руководством страны, он воспринимал с воодушевлением, и зажигал этим других. Мне он объяснял, что пришла пора подъема сельского хозяйства, и нужны будущие кадры, для этого Очерская МТС осенью будет направлять молодежь на учебу в школу механизации, преобразуемую теперь в училище. И мне предлагал бросить катать тачку с глиной, а идти в тракторную бригаду прицепщиком, чтоб осенью получить направление в училище.

Так я и сделал, получив расчет в артели "Строитель", на заработанные деньги купил себе ботинки фабрики "Скороход" и балалайку. До свиданья, Широкий лог, с его людьми, с которыми я познакомился, попрощался я и с Надеждой, она пожелала мне успеха, а я ей 1-го сентября чтоб войти в класс с классным журналом в руках. И я не жалею о том времени работы в Широком логу, я узнал о жизни людей в послевоенных "муравейниках". Производство в Широком логу просуществовало до семидесятых годов. Пришло туда электричество, которое изменило многое в производстве и быту. И все-таки в семидесятых эти "муравейники" прекратили свое существование.

Теперь по утру я не топчу тропинку через поля и луга, а спешу на тракторную стоянку. Тракторная стоянка 50-х годов: за сельповским магазином, возле старой деревенской кузницы, между двумя рядами старых развесистых елок, образовалась ровная площадка, это и есть тракторная стоянка. Здесь проводятся пересменки, ремонт тракторов. Под елками стоят различные бочки с автолом, нигролом, солидолом. На сломанных ветвях елок висят детали тракторов и сельхозмашин. Тракторный парк, это гусеничный СХТЗ-НАТИ, именуемый

"натик", колесные трактора СХТЗ, Сталинградского и Харьковского заводов, это основной парк. Машины все старые, это они пахали и сеяли в колхозах в военные годы.

Тракторы эти принадлежат Очерской МТС и в колхозах работают по договору. В военные годы за штурвалами этих тракторов сидели женщины и девушки, трудились наравне с мужчинами. Назову некоторых из них: Морозова (Субботина) Любовь Захаровна, Чалова (Кремнева) Александра Георгиевна, Артемова (Колобова) Ксения Григорьевна, Вшивкова (Коновалова) Александра Андреевна, Саубанова Зульфит (по-русски окрещенная Зоя). Возвращались домой мужики, росло новое поколение, и эти женщины постепенно сходили с этих стальных сидений и шли работать в животноводство и другие отрасли, где нужны именно женские руки. В 53-ем году в морозовской тракторной бригаде работали две женщины трактористки, Зульфия Саубанова на "натике" и Александра Коновалова на СТЗ.

Я определен прицепщиком к Коновалову Николаю, мужу Александры. У них семейный экипаж, муж и жена на одном тракторе. Это даже и удобно, если что-то нужно сделать по хозяйству, по женской линии, постираться и т.д., то на работе заменит муж, если сделать надо мужскую работу дома, наколоть дров, на тракторе жена. Николай - бывший моряк, об этом всегда всем напоминает из-под расстегнутого ворота рубахи, в праздники и будни, застиранный треугольник тельняшки. Они откуда-то приехали, и теперь живут на квартире у сестры Александры - Ирины.

Я познакомлен с первым инструментом прицепщика, солидолонагнетателем, в просторечии, шприц. И скажу, за 40 лет моей работы около техники, этого инструмента не коснулся технический прогресс. А сам шприц, само несовершенство, чтоб наполнить его солидолом, перемажешься сам. Наполнив, он то качает, то не качает, то чаще из-за плохой головки смазывает не втулку, или подшипник, а только саму масленку (зерку). В мои обязанности входит принести и залить воду, масло, керосин, прицепить сельхозмашину, измерить склад, при пахоте управлять плугом, регулировать глубину и поднимать на поворотах, для чего у плуга имеются два рычага. Одним регулируется глубина вспашки, вторым, подъем и опускание 3-хкорпусного плуга.

Выполняя свои обязанности, я внимательно смотрел за работой тракториста. Николай, видя мою любознательность, рассказывал и показывал, как управлять и обслуживать трактор. И однажды, выехав в поле, он доверяет мне самому управлять трактором. Какие это были радостные минуты для меня! Я сижу на стальном, с дырками, сидении, на котором для мягкости лежит промасленная фуфайка. Мотор работает, напрягшись, выжимаю педаль сцепления, пытаюсь включить скорость, не тут-то было! Коробка передач огрызается на меня шестеренчатым лаем. "Жми сильнее на муфту и сильнее и резче действуй рычагом". Ура! Скорость включена, добавляю на зубчатом секторе

обороты двигателя, и тихонько опускаю педаль ногой, которая просто трясется от напряжения. Трактор содрогнулся всем своим телом и резко двинулся вперед. Я еду! После первой пробы, я уже ждал следующей возможности проехать на тракторе. Во время пахоты, Николай сажал меня за руль, сам перебрался на плуг, где была прикреплена доска. Он сажался на нее, заворачивал самокрутку из махорки, и оставались за нами два шлейфа дыма, один от трактора, второй от Николая.

В дождь и холод, пристанищем для трактористов была кузница. Деревенская кузница, центр технического прогресса в деревне, деревенские кузнецы это местные "лесковские левши". Мастера пера давно описали жизнь этих кузниц и ее мастеров, вспомним Гоголя - кузнец Вакула, в фильме "Цыган" - Будулай и т.д. Были мастерами своего дела и наши морозовские кузнецы: Морозов Алексей Сидорович, Морозов Симон Ефимович, Ларионов Николай Алексеевич. В 50-х годах работал в Субботино прекрасный мастер кузнечного дела Пьянков Николай Иванович, в Макарятах Боронников Степан Павлович. У нас тогда работал Тиунов Сергей. Чем он всем запомнился, это был немой человек, и были определенные сложности в общении с ним. И что интересно, этот немой мужчина был общительный, разговорчивый. А разговаривал он с помощью жестов, но не каждый мог понять его. А специалист он был высокого класса.

Электричества в деревне не было, он мог кузнечным методом сварить обруч колеса, из бесформенного куска железа отковать ухват, навес к воротам и т.д. Работал он и на ремонте сельхозмашин, борон, культиваторов, да мало ли что надо для жизни тракторной бригады, поэтому от тракторной бригады посылали в кузницу на работу. Заготовить дрова для отжига древесного угля, а такая работа, как оттяжка лемехов требовала много угля. Из-за отсутствия электричества горно раздувалось кожаным мехом. Чтоб создать дутье, мех приходилось при помощи рычага постоянно качать. И когда идет такая массовая работа, как оттяжка боронных зубьев или лемехов, то целый день накачиваешь этот мех.

Однажды меня послали в МТС получить какую-то деталь для трактора и дали сопроводительное письмо. Впервые в жизни я в ремонтной мастерской Очерской МТС. В летнюю пору там стоят на ремонте только аварийные трактора. Здесь все для меня ново, интересно. Здесь цех по ремонту двигателей, и я впервые вижу, как на операционном столе, люди разбирают мотор, вынимая из внутренностей его поршни, коленвал.

Далее токарный цех, где из рук токаря можешь получить еще горячий сверкающий болт. А рядом на сверлилке можно просверлить любое отверстие и не надо этот станок крутить вручную. Побывал я и в кузнице, где тоже для меня много нового. Здесь не надо качать мех, горно раздувается электровентилятором, и в горне используется не древесный, а каменный уголь. А увидев электросварку, с ее трескучим рассыпающим искры ярко-белым огнем, я готов был весь день смотреть на нее, разинув рот. Эти смотрины слезно обошлись мне с наступлением

ночи. Все увиденное здесь заворожило меня и утвердило в желании выучиться на тракториста и прийти сюда работать.

Вот позади и "холодное лето 53-го". В сентябре деревенско-колхозную жизнь всколыхнул Пленум ЦК КПСС. Проводником решений этого пленума в нашей бригаде был бригадир Павел Моисеевич. Готовил он и смену механизаторов. Не обманул он нас, молодых прицепщиков, отправил осенью на учебу.

И вот с другом, Шарифьяном Саубановым, переkreщенным по-русски в Александра, сыном трактористки Зульфийи, 1-го октября переступаем порог училища механизации №1. Это старое учебное заведение в Очере, где готовят специалистов для сельского хозяйства, называлось оно школа механизации, и вот теперь это училище. Разница в том, что теперь ученики находятся на государственном обеспечении. С жильем определился в общежитии, это для меня уже не ново, учащиеся обеспечены 3-хразовым питанием, получил каждый учащийся синий хлопчатобумажный костюм, кирзовые сапоги, куртку ватную и черную суконную фуражку с эмблемой, молоток и раздвижной ключ.

И потекли учебные дни. Изучали новый в то время трактор ДТ-54, У-2 и ХТЗ-7. Учеба мне давалась легко, помогал хоть небольшой, но опыт работы у тракторов. Ученики были разные по возрасту, и такие как я ребята, и отслужившие в армии.

Первое училище, оно и должно быть первым, и учебный процесс с первого дня был насыщен мероприятиями разного плана. Изучение тракторов и сельхозмашин, политзанятия с изучением Конституции и разъяснение политики партии и правительства о подъеме сельского хозяйства, почему мы одеты, обуты и накормлены. Все были вовлечены в спорт и художественную самодеятельность. А какие были веселые вечера, проводимые в актовом зале. Организатором этих мероприятий был парторг (к сожалению, фамилии его не запомнил). Это был уволенный в запас офицер, после очередного сокращения армии, гражданского костюма он еще видимо не имел, и мы видели его всегда в офицерской шинели, гимнастерке, галифе в сапоги. Его можно встретить в учебном классе, в общежитии, в столовой. Он прекрасно играл на баяне и мог организовать танцы или спеть песню.

На занятиях по матчасти, мы сидели за столами на маленьких скамейках. Была в нашей группе девушка Валя Кобелева, направленная тоже от Очерской МТС. Была это веселая, общительная девушка. Было в ее облике что-то восточное, китайско-казахское, это делало ее по-своему красивой. Была она выбрана комсоргом группы.

Я писал, что в Верещагино вступил в комсомол, когда уезжал, то не сходил в райком и не взял свою учетную карточку. Сидели мы с Валей на одной скамейке. Скамейка была так мала, что если один вставал, то второй, оказавшись на конце скамейки, мог упасть. Так раз и случилось, Валью спросил преподаватель, она

резко встала, я от неожиданности плюхнулся на пол. При падении, из кармана куртки выпали документы, вместе с ними и комсомольский билет. Она подобрала его, и я рассказал ей о своей комсомольской судьбе. Она забрала мой билет, сама съездила в Верещагинский райком, после чего меня пригласили в Очерский райком, немного пожурили, поставили на учет, так и продолжилась комсомольская жизнь.

Были в училище и курсы переподготовки трактористов, как говорили, на дизелистов, сроком 1 месяц. ДТ-54 в МТС еще не было, первые тракторы пришли в учебные заведения, и мы мечтали, что после окончания училища будем дизелистами и будем работать на ДТ. Быстро пробежали эти шесть месяцев, на торжественной линейке вручаются свидетельства об окончании училища. Получил эту коричневую книжицу и я, с оценками по Конституции, организации сельхозработ, агротехнике и устройству тракторов и сельхозмашин, на 4 и 5. Это был документ на всю мою жизнь. Итак, прощай училище, спасибо тебе за те знания, которые мне дали здесь. Они мнегодились на всю жизнь.

Очерская машинно-тракторная станция - государственное предприятие, по обслуживанию колхозов в обработке земли и уборке урожая. Расположена она на окраине Очера, но поселок постепенно растет, и МТС оказывается в кольце жилого района, как бы прижатая к лугу. Мы, выпускники училища, ребята из разных деревень и самого Очера, человек десять, на приеме у директора МТС Сенаторева Павла Михайловича по случаю окончания учебы и прихода сюда на работу. На приеме присутствуют: секретарь парткома Шилов Николай Петрович, главный инженер Вотинов Иван Петрович, секретарь комсомола Дылгин Кузьма Васильевич, бригадиры тракторных бригад, среди которых и Гилев Павел Моисеевич.

Поздравление с окончанием учебы, пожелание успешной работы и распределение по тракторным бригадам. Естественно, кто из какой бригады был направлен на учебу, тот в свою бригаду и возвращался. Главный инженер с бригадирами определяют, комуна какой технике работать. Парторг знакомит с постановлениями партии и правительства. Руководство страны всерьез решило заняться подъемом сельского хозяйства. Поднять на новый уровень механизацию, поднять миллионы гектар целинных земель. Электрифицировать село, и за счет этого механизировать многие процессы по обработке зерна, а в животноводстве женщины с помощью электричества будут доить коров. И все эти планы должны претворить в жизнь мы. Все это казалось чуть ли не сказочным и интересным.

А теперь каждый из нас получил назначение на трактор и завтра приступит к работе. При распределении мне дают колесный трактор СТЗ № 55. Саше Саубанову такой же трактор № 47. И на второй день я переступаю порог той самой мастерской, в которой я был летом как на экскурсии, сегодня пришел рабочим. Теперь в мастерской все бригады готовятся к весенне-полевым работам, ремонтируют последние тракторы, сельхозмашины. Грузят детали, привезенные сюда на ремонт, с машин зимовавших в колхозах. К ремонту подключаемся и мы.

Старые трактористы, проработавшие зиму на ремонте, все в промасленных телогрейках, хочется поскорей походить на настоящих трактористов и нам, новичкам, и первое масляное пятно на фуфайке принимается как награда.

Настал день приемки тракторов, волнующее событие. Тракторы, отремонтированные зимой, в мастерской стояли в большом длинном сарае. Открываются большие двухстворчатые ворота, и большая группа людей входит в сумрак сарая, где по обе стороны четким строем стоят отремонтированные тракторы. Главный инженер с зав. МТМ передают технику в бригады, бригадиры распределяют ее за механизаторами.

Вот и мой трактор № 55. В сумраке сарая разглядываю своего "коня", похлопал по радиатору, закрытому шторкой, провел, как по спине лошади, рукой по железному капоту, обойдя колесо, сзади поднялся на площадку, сел на железное сиденье, взявшись за железный штурвал.

Здравствуй, мой железный конь!

Я твой хозяин!

И с этой минуты, я чувствовал себя уверенней, если держал в руках штурвал и чувствовал под собой седло-сиденье, будь то трактор или автомобиль.

Начались хлопоты по подготовке трактора к запуску, для этого получил инструмент. Ведрами с нефтебазы носится и заливается керосин, масла, заливается вода и первый запуск двигателя в присутствии механиков и бригадира. Кто-то уже завел и тарыхтит на различных оборотах. Вот готов и я, запуск двигателя производится на бензине, после прогрева переводится на керосин. Все операции мне знакомы с прошлого года, налегаю на рукоятку, и после нескольких оборотов двигатель, вздрогнув, издает первые хлопки.

Заведенный двигатель прослушивают механики и бригадир, делая соответствующие записи в приемосдаточных актах. Теперь нужно опробовать трактор на ходу, я сажусь, в несколько приемов выезжаю на центральный проезд сарая и выезжаю из дымного сумрака на свет Божий. Несколько кругов по усадьбе и теперь выстраиваются побригадно. Мы, Морозовская тракторная бригада № 9, выстраиваемся у окон конторы. Оказывается, сегодня мы домой не едем, еще кое-что нужно подготовить. А сейчас, выровняв тракторы по струнке, забрали из общежития свои мешки и сумки, пешком всей бригадой во главе с Павлом Моисеевичем идем домой. Сегодня суббота, завтра Пасха, нужно вымыться в бане, а вечером сходить в клуб.

Под ногами хлопает дорожная грязь, журчат весенние ручьи, где-то приходится перебираться через разлившиеся лога. Мы, новички, восторженно обсуждаем наши первые впечатления о своих тракторах, нас внимательно слушает бригадир.

Дома, помывшись в бане, прифрантившись, мы с Сашкой спешим на вечерку. Ведь мы уже не какие-то школьники, а трактористы. На нас синие костюмы и черные форменные фуражки, выданные нам в училище. Сбор

молодежи нашего возраста проходил на дому у Вали Вшивковой. Здесь мы пели песни, играли в мостики, фантики и другие молодежные игры. Отсюда мы шли в клуб и вливались в компании больше нас по возрасту.

Основным занятием этих вечеров была пляска "Колхозная". Пробовали свои силы в этой пляске и мы. Знатоки, а они большие мастера пляски, объясняли новым плясунам – иди туда, иди сюда, крутни в эту сторону, иди к той.

"Девушки, пляшите-ка

Колхозную барабушку.

Кто "Колхозную" не пляшет,

Тот похож на бабушку".

И чтобы не оказаться дедушкой или бабушкой, мы шли и учились этой пляске. Девушки, наши ровесницы, в большинстве после школы тоже никуда не подались, и теперь это молодые животноводы. И сейчас мы собрались у Вали Вшивковой, и делимся впечатлениями о своей новой жизни. Мы, естественно, с гордостью, сообщаем что получили тракторы и скоро приедем на них домой.

Я сидел у окна и слышу стук в раму, оглядываюсь, и вижу под окном стоит наш бригадир Гилев и зовет нас с Сашей выйти на улицу. На улице под ногами шуршит и ломается ледяная корка. Холод и ветер сковывает лужи, так весело сверкавшие днем на весеннем солнце. Павел Моисеевич поинтересовался, как нам гуляется в эту вечернюю ночь, мы довольны и вечером, и гульбой. Вопрос: "Вы трактора получили?", - "Да, вы ведь видели, как мы лихо ездили по усадьбе!", - "А воду вы с радиаторов слили?", - "Нет", - отвечает один, - "Нет", отвечает второй. Приказ: "Час сроку, вода чтоб была слита. Вы видите, морозит, если тракторы будут разморожены перед началом посевной, вы пойдете под суд!", - "Но ведь уже ночь, апрельская ночь темна", - "Знать ничего не знаю, приказ не обсуждается, шагом марш!".

На этом наше гулянье кончилось, натянув поглубже свои форменные фуражки, ломая шугу в лужах, мы отправились обратно в Очер. Пришли к МТС к полуночи, непредвиденная преграда, нас не пускает на территорию МТС сторож, угрожая вызвать милицию. Никакие объяснения и уговоры не помогают. Тогда заходим сзади, отлога, лезем через забор, и, как воры, крадемся к своим тракторам. У моего трактора в нижний бачок радиатора, находящегося в глубине колоды, был ввернут большой болт, и я без особых трудностей вывернул его и ледяная вода хлынула на землю.

У Сашки дело обстояло сложнее. Вместо болта у его трактора была забита деревянная палка, которую Сашка при попытке достать, обломил у самого бочка. И теперь, чтоб слить воду, был единственный выход, пробить сломок вовнутрь радиатора. Для этого нужен болт потоньше, или какой-то металлический штырь и молоток. Когда все это нашли и стали стучать, пробивая во внутрь радиатора сломок, на стук прибежал сторож, кое-как уговорили его не поднимать шума, и в конце концов он сам понял наше положение и стал помогать нам. Наконец-то,

пробили этот проклятый сломыш, сами все вымокли и перемазались.

После этого пришли в сторожку, отогрелись, распростились со сторожем и на утренней зорьке снова топтали дорогу до Морозова. Докладываем бригадиру, вода слита. Он слушает и говорит: "Я знал, что вы не слили воду, но чтобы на всю жизнь запомнили, как серьезно надо относиться к машине, я не сказал вам об этом в Очере. Вы сами не догадались, поэтому я и послал вас ночью". Урок действительно запомнился, раз пишу о нем через сорок с лишним лет.

На следующей неделе, закончив окончательно подготовку, бригада за бригадой покидают территорию МТС. Готовы и мы, сообщая сделали из ходовой и рамы комбайна "Коммунар" тракторную телегу и теперь грузим на нее бочки с автолом, солидолом; детали, ведра, воронки, тросы, боронные вальки и восьмерки. В проводах бригад принимают активное участие руководители и специалисты МТС. Люди, живущие в поселке, по корням своим связаны с деревней. Главный инженер Вотинов Иван Петрович, крестьянский сын, от первого тракториста МТС дошел до инженера, самородок или как еще называют, практик. В годы Великой Отечественной войны организовал работу тракторного парка, учил молодежь, среди которой было немало девушек. За свой труд награжден орденом Трудового Красного Знамени. В пятидесятых, с приходом дипломированных специалистов, Иван Петрович сдает дела новому инженеру Попову Николаю Петровичу, а сам садится за парту, и уже в возрасте заканчивает сельхозтехникум.

Попов Николай Петрович, грамотный, культурный инженер и прекрасный человек. Никогда не кичился своим образованием, спортсмен и организатор спортивной жизни в рабочем коллективе. Он и погиб на лыжне, убит подонками. Их поймали, судили, но человека-то уже не вернешь.

Окончив учебу, Иван Петрович снова возвращается в МТС, в колхозе до выхода на пенсию в должности главного инженера. Находясь на отдыхе, он не одному молодому инженеру помогал своим жизненным советом. Вел курсы повышения квалификации трактористов.

Кребс Евгений Петрович, главный агроном, всю свою жизнь посвятил земле. Это он в пятидесятых сеял новую для Урала культуру - кукурузу. Теперь некоторые говорят, что это было пустое занятие. Неправда! При правильной агротехнике кукуруза и в зоне Урала давала по 500-600 центнеров зеленой массы с гектара. Это с кукурузного силоса уральские "тагилки" перешагнули трехтысячный рубеж.

Многие специалисты работали в МТС семейно. В большинстве выходцы из деревень, строили свои дома. Назову хотя бы несколько из них. Яковенко Иван Кондратьевич, это он вводил в эксплуатацию артезианские скважины, с приходом в деревню электричества, механизировал фермы, навозоудаление, дойку. Его жена, Надежда Семеновна, бухгалтер. Бурдин Федор Фомич, бывший комбайнер и затем бессменный снабженец, и его жена Федосья - Феня, женщина общительная.

Бурдины Федор и Евдокия - токари, высокие мастера своего дела. Наберухины, Николай Прокопьевич и Валентина - электрослесарь и зав. нефтескладом. Окуловы, Егор и Федосья - механик сельхозмашин и зав. водокачки. Лещевы, Дмитрий и Елизавета - автомеханик и зав. семенной лабораторией. И многие другие. Все эти люди отдали лучшие свои годы, в тоже время самые тяжелые - МТС, и далее, при всех реорганизациях, оставались верны этой организации, кто до выхода на пенсию, а кто и до гробовой доски.

Готова и наша бригада, все собрано, сложено, гудят тракторы, бригадир придиричиво осматривает каждый агрегат. У моего трактора прицеплен плуг, который ремонтировался в мастерской. Настроение было приподнятое, веселое, да и разве оно могло быть другим, когда ты выезжаешь из ворот МТС сквозь живой коридор провожающих нас людей. Впереди, на своей технике, старшие трактористы, так сказать, костяк бригады, среди которых и бывшие фронтовики, и те, кто в военные годы работал в МТС. Теперь это были наши наставники, которым я благодарен за их уроки и просто за человеческое отношение к нам, молодежи. Это Вшивков Алексей Григорьевич; Морозов Григорий Захарович, с приходом электричества бессменный электрик; Пьянков Анатолий Григорьевич и другие.

1953-1954 г.г. Бурные годы для сельского хозяйства. Объединялись колхозы, объединялись и тракторные бригады. Ушел в прошлое колхоз "Пролетарий", теперь есть колхоз "Нива". Такая же участь и других колхозов, когда в каждой малой деревне был свой колхоз. Для поднятия сельского хозяйства с промышленности, транспорта направлялись на село 25000 человек, так называемые двадцатипятидесятники. Оказался в числе этих двадцатипятидесятников и мой двоюродный брат Тютиков Михаил Егорович, о котором я рассказывал неоднократно. Расстались мы с ним в Верещагино, где он построил свой новый дом и имел планы дальнейшего обустройства своего жилья. И вот теперь я узнаю, что Михаил, как бывший тракторист, а теперь как коммунист, направляется для подъема сельского хозяйства.

Легко сказать, направляется тысячник, а как это пережила молодая семья. Легко было ехать тем, у кого ни кола ни двора, кто уезжал из государственной квартиры, оставляя ее за собой с надеждой вернуться обратно. А как было тем, кто своим горбом построил себе новый дом, который еще не облежался на мху, и с ним были встречены первые семейные радости, рождение первенца. Ладно, Михаил направляется на свою родину, но ведь жена, его любимая Тасенька, она коренная верещагинка, ее родители живут через два квартала от их дома. И она, фармацевт по образованию, что будет делать там, в глухой деревне, тогда как здесь у нее прекрасная, любимая работа в аптеке, в хорошем коллективе фармацевтов.

Правда, выросла она в большой рабочей семье, где отец зарабатывал кусок хлеба на пятерых детей плотницким топором, мама хлопотала по хозяйству, держали корову. И все члены семьи с детства приучены к труду. Поэтому для

Анастасии не ново напоить, накормить, подоить корову. Много передумала дум тетка Васса. Была очень рада, когда ее единственный сын встал полностью на свои ноги, имеет хорошо оплачиваемую работу, женился на любимой им девушке, с которой вместе построили большой новый дом, слава Богу, пошли детки, и мечтала тетка под старость перебраться к сыну водиться с внуками. И вот, как гром среди ясного дня, весть, Михаил направлен домой в деревню. Слов нет, что она примет сына с семьей, но поедет ли Тася? Это ведь не лошадь и не корова, которую можно перевести из стойла в стойло, так и та будет переживать.

Много в народной копилке сказов, поговорок, книг, фильмов, песен о прекрасном чувстве любви: "С милым рай и в шалаше", "Любовь - не вздохи на скамейке...", "Любить, не значит смотреть друг на друга, любить это значит смотреть в одну сторону". Это же великое чувство любви помогло в этот непростой период Михаилу и Анастасии. Отброшены все сомнения и страхи, хоть на край света, но только вместе.

Продается дом в городе, и молодое семейство переезжает в маленькую избушку тетки Вассы. Решение правительства о направлении в деревню рабочих и специалистов сделало прилив молодой силы и в нашу деревню. В основном это наши же бывшие колхозники, попытавшие счастья на чужой стороне. Назову хотя бы некоторых.

Вместе с Тютиковыми приехал домой Вшивков Иван Дмитриевич с женой Анной Симоновной, тоже обосновавшиеся в Верецагино. Отведав чужбины, вернулись домой Надежда Ивановна (бывшая Путина, теперь Семакина) с мужем Николаем Александровичем, Поликарп Иванович с Августой Михайловной, отведав кизеловского угля. Приехал к маме, отслужив в армии, Игнатьев Николай Гаврилович и встретил здесь свою суженую, Лидию Арсентьевну. По тому же правительственному решению им отпускался на льготных условиях лес. И все они занялись строительством новых домов, чем немного обновили вид деревни.

Эта волна прошла, и больше не было такого массового строительства частных домов в деревне. И эти дома сегодня являются украшением деревни. Позже, когда замаячил призрак неперспективных деревень, стали строиться жители этих деревень, перевоза свои дома или рубили новые. Так морозовцами стали: Соловаров Николай Никифорович; Субботин Григорий Петрович; Иванов Яков Иванович; Миков Александр Васильевич; Нечаев Михаил Федорович из Субботинского края; Колобов Андрей Иванович из Костылево; Аликина Таисья Ивановна из Мешалок; Тельканов Артемий Иванович из Саломатки; братья Павел и Григорий Путины из Поличей; Шаров Евгений Иванович из Торсуново. Кто-то покупал готовые дома: Путины, Федор и Василий Андреевичи; Путин Павел Ермилович из Макарят. От всех перечисленных деревень остались лишь воспоминания. А какие это были прекрасные, самобытные уральские деревни!

Позже колхоз начал строить квартиры, и было первым построено

общежитие, то многие молодые семьи пережили в нем и были рады своему углу. Из него потом переселялись в отдельные квартиры, преимущественно в двухквартирные брусовые дома. Был еще один метод строительства: брали два деревянных дома из неперспективных деревень, это могла быть контора бывшего там колхоза или другие дома, перевозились и устанавливались в один ряд, метров 5-6 друг от друга. Пространство между ними забиралось двумя стенами с окнами и дверьми, крылось одной крышей, и получалось из двух домов три квартиры. Экономия материалов и быстрота стройки давали дополнительные метры жилья, в которые селились небольшие семьи.

Стоит и сегодня в центре деревни большой дом-связка, на месте, где в пятидесятых также стояла связка, в одной половине правление колхоза, в другой жила Вшивкова Ирина Андреевна с дочерью Валей. Валентина после школы работала в колхозе, была это энергичная, красивая девушка, вышла замуж и решила на этом же месте, вместо старых покосившихся избушек построить новый просторный дом. Было у них с Николаем пятеро детей и всем места хватало. И у этой сильной, красивой женщины слабой оказалась почка, и осиротели пятеро детей, ушел из жизни и Николай. Осиротел дом, дети выросли и разлетелись кто куда, и постепенно рушится хозяйство, с таким трудом построенное Валентиной Ефтефиевной.

Но вернемся в 1954-й. Девятая тракторная бригада, до начала полевых работ приехала в Морозове и обживаетеся на тракторной стоянке у тех же старых елей. Здесь встречаюсь с Михаилом, он утрясает дела с продажей дома, перевозкой имущества, и тогда придет работать со мной на трактор № 55. И если для меня работа на тракторе была интересной, новой, то для него это было возвращение в прошлое. Он таким же 16-летним парнишкой в военные годы сидел за штурвалом этого трактора. Много воды утекло от той первой его борозды до борозды 54-го года. Много пришлось повидать, пережить, а этот старый трактор жив, курилка! Много сменилось трактористов на нем за это время, прошлогодние мои учителя Николай с Александрой, отработав сезон, куда-то уехали. И теперь, пат с паташонком, большой да малый, будут работать вместе. Это меня обрадовало.

Михаил, высокий, сильный, при запуске двигателя одной рукой брался за рукоять и мог вращать коленвал, как ваялку, то я брался обеими руками и чтоб шшевелить ручку с места наваливался на нее всем своим весом. Чуть при раннем зажигании или пересосе двигатель бил взад, тогда рукояткой могло сломать руку, в лучшем случае отбросить тракториста.

"Окрестил" один раз он и Михаила, во время запуска двигатель "сда́л", рукоятка вырвалась из рук и с силой ударила его по подбородку, развалив его надвое. Кровь хлынула на ворот, заливая одежду. Я с перепугу не знаю чем помочь, аптечки у нас не было, и я пытался залепить рану газетой, приготовленной для самокрутки. Но на подбородке торчит короткая щетина, бумага не прилипает, так он захватил пригоршней рану и ушел на медпункт, где ему наложили шов.

Недолго нам довелось поработать вместе. Стали поступать первые ДТ. Новый трактор, кому же не хочется сесть в кабину и взяться за рычаги. Кто-то жил этой мечтой, мокнув и замерзая за рулем СТЗ в военные годы, кто-то, отвоевав пришел с войны и сразу сел на СХТЗ, кто-то, вернувшись в деревню в числе двадцатипяти тысячников, как и обещали, посылая, получить новый трактор. А разве не мечтали об этом вчерашние выпускники училища механизации. Но основной поток новых машин пошел на целину. И постепенно пополнялся ими тракторный парк МТС. Первый ДТ-54 при общем согласии был вручен двум старым трактористам-фронтовикам Соловарову Николаю Никифоровичу и Субботину Григорию Петровичу.

Вскоре приходит второй, и его получают Тютиков Михаил Егорович и Вшивков Иван Дмитриевич. № 100. И так постепенно отечественный СХТЗ заменяли новые тракторы, я уже в 1955 году работал на новом тракторе У-2, Владимирского тракторного завода. Сама марка трактора была не новой, этот легкий пропашной трактор выпускался и ранее, но сейчас на нем смонтирована гидросистема, это было новшество. Гидросистемы пришли на тракторы, комбайны, заменяя труд прицепщиков. В заботливых руках некоторые машины проработали до 70-х годов. Там, где не было еще электричества, крутили пилорамы, кормодробилки. В нашей округе последним слез с железного сиденья Наверное Тельканов Артемий Иванович.

Спустя многие годы, работая шофером и приехав в колхоз "Правда" Нытвенского района, у конторы колхоза увидел, на пьедестале стоит колесный трактор моей юности. Меня, как магнитом, тянуло к нему, чтоб потрогать его, похлопать как старого друга. Я перелез через невысокую изгородь и пошел к нему и вдруг слышу сердитый окрик: "Куда ты лезешь!". Я оглянулся, сзади стоял пожилой, с седой щеточкой усов, мужчина. Я извинился за свое вторжение и прошу: "Разрешите, я все-таки его хоть потрогаю, друга юности". Постепенно разговорились с мужчиной, он и сам зашел в эту ограду. Оказалось, это бывший тракторист этого колхоза, теперь пенсионер. Когда последние трактора СТЗ резали в металлолом, парторг с главным инженером решили оставить один, как память для себя и потомкам. И вот сейчас он стоит здесь. А его, как бывшего тракториста и рядом живущего, попросили присматривать за памятником. А сейчас, идя из магазина, он увидел меня здесь и поинтересовался, что мне здесь надо, бывали случаи, что и пакостили, вплоть до того, что оправлялись здесь. А закончилась наша встреча уже дружески, с пожеланиями здоровья друг другу.

Очень сожалею, что не додумались оставить такой памятник мы. И сегодня нет возможности показать детям и внукам этот трактор, который вытеснил с поля коня, и в тяжелые военные годы помогал крестьянству кормить фронт хлебом. ЗИС-5 можно увидеть на пьедесталах у автохозяйств, а вот СТЗ редкость. И чем дальше удаляются те события, тем чаще вспоминаются различные моменты, которые кажутся интересней, значимей. Недаром Сергей Есенин сказал: "Большое

видится на расстоянии”.

Воспоминания приходят не в хронологическом порядке, а вспомнишь человека и чем он тебе запомнился. Взять этого же Сергея Тиунова, "немко". Я работаю на У-2, у моста через реку у конного двора застрял ЗИС-5 Вшивкова Алексея, он просит буксировать его трактором. Я подъезжаю, цепляем трос, т.к. у трактора нет прицепной скобы, прицепляем за верхнюю растяжку навески. Когда трактор натянул трос, прицепленный высоко за растяжку, центр тяжести оказался высоко, и трактор мгновенно оторвался передними колесами от земли и встал на дыбы. Я вместо дороги вижу над собою низкие дождевые тучи. Я с перепугу выжимаю сцепление и трактор чуть не с вертикального положения падает обратно на колеса, обломив при этом переднюю балку двигателя.

Сергей видел этот мой взлет на тракторе, который меня просто испугал, а какую бурю чувств вызвал этот случай у немого человека, которые он мог выразить несурзными воплями и энергичной жестикуляцией. Он хлопал себя по бокам, показывал рукой в небо и резко опускал ее, качая при этом головой.

Второй случай просто курьезный. Сенокос. Заготовка сена постепенно механизмуется. Тракторное звено тракторами косит, гребет, копнит, возит копны к стогу. Метают пока руками. На метке стогов работает "немко" Сергей, на стогу управляется Шилова Евдокия. Я на "Универсале" подвожу копны. На сгребании валков работает мой друг Леня Шилов, у него старый СТЗ, и ему охота поездить на моем новом У-2, Меняемся тракторами, я сажусь на СТЗ гребсти сено в валки, Леня на У-2 поехал за копной сена. Я уехал на край поля, развернулся и вижу, Леня бежит ко мне через все поле, навстречу. Запыхавшийся, с перепугу не может вымолвить слово. Отдышавшись, наконец, приходит в себя и говорит:

- Я, Валька, зарод столкнул, "немко" хочет меня убить, я едва убежал.
- Почему ты столкнул зарод?
- Я не мог найти педаль муфты сцепления.

Тогда я понял его ошибку. Дело в том, что у СТЗ педаль муфты сцепления находится под левой ногой, а у "Универсала" под правой. Он, работая на СТЗ, отработал приемы управления до автоматизма. И когда приехал к зароду с копной, "немко" показал куда ее поставить, и когда копна подъехала на то место, он резко махнул рукой. Хватит! Леня левой ногой тянется вперед и не находит педаль. Смотрит, а ее там и нет, она справа. Пока он собирался сменить ногу, трактор шел прямо, упираясь в середину стога. Стог был близок к завершению, и повалился на другую сторону, под крики и визги тети Дуни. Опрокинув стог, трактор от нагрузки заглох, и теперь стоял в куче развороченного сена.

Можете представить состояние немого человека, он день уметывал этот стог, и его в мгновение ока, опрокинул и разворошил этот парнишка. Тут нормального человека можно довести до заикания, а немого заставить кричать. Он кинулся к Лене, материться он не мог, поэтому по-звериному рычал. Леня, видя, что ему может быть туго от этого взбесившегося великана, через крыло

выпрыгнул с трактора и припустил ко мне. Теперь мы уже оба боимся Сергея, но идем к разваленному стогу, ведь там мой трактор.

Оставляем СТЗ метров за 15-20 от стога, чтоб было куда отступать. Сергей с тетей Дуней ходят вокруг вороха сена, из середины которого торчит труба воздухоочистителя и глушителя. Теперь свой гнев Сергей обрушивает на меня, почему я передал свой трактор Лене, размахивая кулаками, и показывая на Леню, вертя пальцем у виска. Но никого он не задел и пальцем. Я завел трактор, выпятил его из сена и тогда вместе, вчетвером уложили сено в стог. И после, этот случай был темой для общего смеха, и смеялся больше всех Сергей, хлопая нас могучими ладонями по нашим костлявым лопаткам.

Со временем появились и первые стогометы, которые монтировались на СТЗ. Монтировал такой стогомет на свой трактор Леня Шилов. Выглядел этот стогомет так: спереди трактора металлическая рамка, высотой до 3-х метров, по ней поднимается и опускается рамка с иглами стогомета. Управление стогометом тросовое, через лебедку. Леня собрал стогомет и обкатывает его на тракторной стоянке. Приходит фельдшер Изергин М.М., ему интересно подняться на 3-метровую высоту этим стогометом. Становится на подъемную рамку, Леня поднимает ее вместе с Изергиным на полную высоту. Осмотрев округу с высоты, Изергин кричит Лене: "Опускай!". Леня распускает трос на полную длину, но подвижная рамка почему-то не опускается, заело. Тогда Леня советует топнуть, встряхнуть подвижную рамку, и когда Изергин, попрыгнув, топнул по рамке, а трос был распушен, он вместе с рамкой рухнул вниз. При падении сильно ушибся, слетели с носа и разбились очки. После, такие случаи были предметом бригадных шуток.

Бывают в жизни события, которые оставляют приятные воспоминания навсегда. Для меня большой радостью была покупка велосипеда. Кто из мальчишек не мечтает о велосипеде? Отработав год на тракторе, я копил деньги на осуществление своей мечты. И вот я накачиваю шины, укрепляю руль и педали, расплатившись с продавцом, выкатываю из магазина черного, с картинкой оленя на раме, первого своего железного коня - велосипед. Велосипед - это целый мир, с ним сокращаются большие расстояния. Теперь можно по надобности съездить в Очер, на озеро, в любую деревню, на работу. А сколько радостных волнений в юношеской душе, когда впервые приглашаешь ЕЁ прокатиться на велосипеде. И когда ОНА сидит впереди тебя на раме, и твоё лицо щекочит её волосы, раздуваемые встречным ветром, и весь мир кажется тебе голубым и зеленым. О, велик! О, юность!

Я сказал, что ездил на велосипеде на работу. Раз нужно было привезти к трактору керосин и воду, для этого был определен мужчина, обслуживающий бригаду с лошадей и телегой. Бригадир сказал мне найти Фунтика и передать, чтобы привез что нужно. Я поехал на велосипеде и встретил этого мужчину, едущего на телеге вдоль деревни. Догнав его, я одной рукой держась за руль

велосипеда, другой упершись в дрогу телеги, стараюсь перекричать тележный шум:

- Товарищ Фунтик! Вам велели привезти мне к трактору горячее.

Мужчина резко повернулся ко мне:

- Чего!

Я думаю, он не расслышал моей просьбы, еще громче кричу ему:

- Товарищ Фунтик! Вам велели привезти к трактору горячее!

Мужик, размахивается волоками иогревает меня по голове. Я от неожиданности оттолкнулся от телеги, и, потеряв равновесие на велосипеде, упал в дорожную пыль. Мужик тогда перенес свой гнев на лошадь и, с матюгами похлестывая ее, поскакал вдоль деревни, брякая телегой. Я не понял, что случилось с мужиком, и за что он огрел меня волоками. Поехал обратно к бригадиру, объяснил ему, что вежливо попросил "товарища Фунтика" привезти горячее, и что он со мной так обошелся. Моисеевич чуть не упал со смеху. Оказывается, "Фунтик" это не фамилия, а кличка этого мужика, обидная для него.

Запомнился мне и первый день самостоятельной работы на тракторе. Первый агроприем весной - закрытие влаги, сформирован агрегат, самодельная сцепка и бороны. Показать, где нужно боронить, со мной едет полеводческий бригадир Пьянкова Анна Ивановна. Поднимаясь в гору, растет нагрузка на трактор, но я надеюсь, что он вытянет, не переключаясь на низшую передачу. Встал на ноги, вцепился руками в штурвал и как бы помогал трактору: "Давай, давай!". Но силы трактора не хватило, и пока я сидел на сиденье, собираясь выжать сцепление, из чугунного выхлопного горшка "чихнул" последний выхлоп, и трактор заглох. Выключил скорость, пошел заводить. Кое-как провернул несколько оборотов, трактор не завелся.

Анна Ивановна, глядя на меня и видя мое смятение, говорит мне: "А я вот, когда работала прицепщицей с твоим братом Павлом, видела, что он перед запуском, патроном заливал из этого бачка что-то в эти вот краники". Боже мой! Мой старший брат когда-то был первым трактористом в нашей деревне, с этого времени прошло двадцать лет. но эта женщина помнит этот патрон и эти краники. Есть такой патрон и на моем тракторе, он здесь висел и до меня, шестнадцатый калибр. Может, он дождался меня здесь, от старшего брата до младшего. Я выполнил совет Анны Ивановны, черпнул из маленького бачка бензин, залил в краники и крутнул рукоятку, трактор взревел. Я готов был плясать вокруг трактора, а Анна стояла, смотрела на меня и смеялась и, наверное, вспоминала свою молодость. Теперь, включив первую скорость, поехали дальше в гору. Много этих гор пришлось преодолевать как в поле, так и в жизни.

Но зато с какой радостью, и я бы сказал, с гордостью, носил мешки с зерном с тракторных саней домой и складывал на пятра у амбара. А дело было так. После окончания всех работ, уже в ноябре-декабре, тракторная бригада получала зерно на заработанные трудовни. Для этого завели "НАТИ", прицепили

сани, и все вместе получали на складе зерно, и на тракторе развозили по домам. За рычагами "НАТИка" сидел сам бригадир Павел Моисеевич, так как мы живем на краю деревни, то выгружаемся последние. Выгрузив зерно, заходим в избу. Мама зовет Павла к столу, наливает стопку, благодаря за работу, а Павел благодарит маму: "Ну, тетка, вот ты и дожиди, что и твой заскребыш привез домой хлеб, заработанный на тракторе".

Второй мой двоюродный брат, Михаил, занялся строительством нового дома. Михаилу хотелось построиться на своей родине, у истока родной речушки, но семейство отговорило, по причине отдаленности от центра, от места работы, и построили они красавец-дом в центре деревни. И когда в 57-м году я приходил в отпуск из армии, то заходил в гости к брату по недостроенным сениям, где меня встречали Михаил с Анастасией, тетка Васса, перебравшаяся на жительство к сыну из своей избышки, и два карапуза, Миша и Нина. Тетка была больна, и это была последняя наша встреча. Таисья Дмитриевна, с фармацевта переквалифицировалась на фельдшера, всю свою трудовую жизнь лечила деревенских жителей всего Морозовского сельсовета. Работала с 1954 года по апрель 1985 года. Вот такая судьба одного двадцатипятилетия.

Были и другие посланцы партии и правительства, не хочу сказать о них что-то плохое, это ведь тоже была для каждого своя судьба. У каждого свои способности и свои возможности, и каждый что-то делал, как умел. И думаю, им не стыдно посмотреть в свое прошлое, когда шли они в трудное и незнакомое для них дело, сельское хозяйство. Всех перечислять не хватит книги, а их более двадцати пяти, но о некоторых из них хотелось бы рассказать.

В 55-57 гг. был направлен по линии партии председателем к нам Светлаков Поликарп Иванович. Молодой, красивый мужчина приехал один, семью оставил дома. Жил на квартире у нас, из-за отдаленности от работы, ферм, тракторов, перебрался к тетке Вассе, маминой сестре. Та отдала ему комнатушку, тогда приехала к нему жена с детьми. И посмотрев на его жизнь, на его работу, собрала детей и уехала домой, в Коми-округ, а вслед за ней уехал и Поликарп Иванович. Были еще посланцы, Мишлячев, Чендырев Николай Федорович и другие, но все это были временщики.

Были и те, кто всю свою жизнь связал с деревней. Расскажу об одном, Чугаеве Василии Ивановиче. Участник Великой Отечественной, прошагавший рядовым в пехоте. После войны работал в райисполкоме, и как коммунист, направлен председателем колхоза "Новый труд". Проработал он там председателем до слияния колхозов. Первая моя встреча с Чугаевым произошла весной 1954 года. Я боронил на тракторе на Костылевом поле и по неопытности "поймал утку", застрял со сцепкой в полевой подморине, недалеко от дороги в Субботино. Чтобы выехать из грязи, я сходил в лес, нашел там жерди, кряжи, наносил их, чтоб подложить под колеса.

Шел из "Нового труда" председатель колхоза Чугаев. Увидев меня,

пытавшегося выехать из подморины, решил помочь мне. Вместе закладываем жерди и бревна под шпоры трактора. Я сажусь за руль, Чугаев берет толстую жердь метров трех, и один конец подтыкает под шпору и держит, чтобы она не выпала. Я включаю скорость, и шпора, захватив один конец жерди, вдавливая ее в грязь, второй конец, проделав в воздухе неопиcуемый круг, вырывается из рук Чугаева и ударяет его по затылку. Все это произошло так быстро, я не сразу сообразил, что случилось, вижу, мой помощник лежит ничком в грязи, фуражка его валяется в стороне.

Я в испуге прыгиваю с трактора, перевортываю этого здорового, незнакомого мне мужика. Трясу его, пытаюсь вытащить из сырого места. Он не подает голоса, бел как снег, глаза закатились, только слышу скрип зубов, продолжаю тормошить его. Сколь времени прошло, не знаю, но он, наконец, открыл глаза, каким-то диким взглядом осмотрелся вокруг, затем сел, шаря вокруг себя руками. Я принес ему его фуражку. Он тихонько поднялся, отхлопался от земли, потряс головой, надел фуражку и пошел по дороге, спускаясь со Щипичной горы в Морозове. Он не сказал мне ни слова, и я, оставшись один, думал, что же мне сейчас будет, ведь я чуть не убил председателя колхоза. Но мне ничего не было, а было поводом для общих воспоминаний, да он говаривал, что ему на войне не приходилось перенести такого удара. А познакомились с ним мы позже, когда он стал председателем Морозовского сельсовета.

Морозовский сельский совет - само здание, это дом репрессированного крестьянина и я рассказывал об этом доме. В административном подчинении находится (по моей памяти) 17 деревень. И роль сельского совета в жизни этих деревень была немаловажна. Это сбор налогов и займов, учет всего населения, военно-учетный стол, это школы и медпункты, торговля и культура, это сдача молока и хлебопоставки. Нет такого вопроса для сельского жителя, в который бы не вникал сельский совет. Для объезда всех деревень и решения других задач в сельсовете имеется лошадь. Это предмет особого внимания председателя. Сам он крестьянский сын из Нытвенского района, и сельсоветовский Воронко был его гордостью. Служил он ему и как транспорт с кошевкой или с плетеным коробочком, был это и пахарь весной и осенью в огородах у сельских учителей, медиков, продавцов и других жителей. В сенокос все заинтересованные в содержании этой лошади, трудятся на "советском" покосе.

Был сельский совет и центром партийной организации совета. Когда на XX-м съезде партии Н.С.Хрущев развенчал культ И.В.Сталина, то первые документы о решениях съезда шли в низовые организации. Ни радио, ни телевидения в то время в деревне не было, то первый раз слово "культ", мы, простые жители деревни, услышали от коммунистов. Некоторых из них этот "культ" просто шокировал. Ведь многие были участниками Великой Отечественной. Такие, как лейтенант Гилев Павел Моисеевич, поднимал из окопа своих солдат в атаку с призывом: "За Родину, за Сталина!". И теперь еще не зажили путем его

фронтовые раны, принял это извещение, как рану душевную. Но, видя стремление нового правительства к улучшению жизни крестьянства, шок этот прошел, и пошли они в народ, объясняя про "культ" и его последствия.

То ли неуютно чувствовал себя Василий Иванович в том доме, где был сельсовет, т.к. это был чей-то дом, он занялся строить новый сельский Совет, отдав прежнее строение под квартиры. Одной из хлопотных забот Совета была заготовка дров, т.к. все учреждения Совета отапливались дровами. Дров требовалось немало, для таких больших зданий, как клуб, школа, медпункт и др. Не имея постоянных кадров, приходилось прибегать к услугам всевозможных временщиков, "шабашников". Но всегда дрова во всех учреждениях были в необходимом количестве. И когда Чугаев уже сдал дела, но не успел вывезти несколько кубометров из леса по дороге в Костылево, они там и сгнили. Спустя многие годы можно услышать от ягодника или грибника — "Ходил у Чугаевских дров". И люди знают, о каком месте идет разговор.

Перебравшись на жительство в Морозово, со своей женой Полиной занялись строить свой дом. Поставили аккуратненький домик в центре деревни, да большой им и не нужен был, так как детей у Василия с Полиной не было. Обзавелись хозяйством, корова, куры, поросята, он увлекался пчелками. Полина помогала в уходе за лошастью, а больше все объясняла, как и что у нее болит, вроде все люди вокруг здоровы. Закончив строительство нового сельсовета, Василий Иванович перебрался в новое здание, перевесив красный флаг с крыши на крышу, символ Советской власти. Был у председателя свой актив, депутаты, через которых он имел широкую связь с народом. Был не один созыв при Васчлии Ивановиче, "народным" депутатом был, и я не знаю, была ли от меня там польза, но для расширения моего кругозора это давало возможность шире познакомиться с жизнью окружающих меня людей. Прослужил Василий Иванович председателем сельсовета до выхода на пенсию. А далее пошла полоса укрупнений, слияний, как колхозов, так и Советов.

Эта участь постигла и Морозовский сельский Совет, он был упразднен, и красный флаг над деревней Морозово был спущен. Вся власть переместилась в Очер, сам Совет то укрупнялся, то уменьшался, меняя названия: Семеновский, Лужковский, а мы, морозовцы, и по сей день жалуем о своем сельсовете, т.к. ликвидация послужила очередным шагом к развалу деревень Морозовского края. Василий Иванович, выйдя на пенсию, вскоре заболел, не знаю названия болезни, но у него очень болела голова, она и довела его до гробовой доски. И вспоминая его, я вспоминаю первую нашу встречу, и невольно приходит мысль, не отразился ли тот удар бревном по голове во время попытки помочь мне. И покоится тело Василия Ивановича под красной звездочкой на морозовском кладбище. Такова судьба одного из двадцатипяти тысячников, оказавшихся в Морозово.

После ликвидации Морозовского сельсовета здание было передано школе, после развала деревень, ввиду их "неперспективности", сократилось

количество учеников, и школа, перевезенная из Торсуново, стала велика для отопления. И теперь все ученики уместились в бывшем кабинете председателя Совета. А учителя, этот золотой фонд сельской интеллигенции, все они помногу лет отдали свои силы и знания не только детям, но и несли свои знания всему сельскому населению. Назову их: Вшивков Василий Осипович, Широглазова Наталья Ивановна, Путина Ольга Федоровна, Шарова Елена Васильевна, Шарова Галина Михайловна. Если первые учили нас в 40-50-х годах, то последняя учит наших внуков.

Чтобы сохранить память о погибших на фронтах Великой войны, к 30-летию Победы в Морозове рядом со школой был установлен обелиск. Из многих эскизов был выбран один, отлиты бетонные плиты, на одной разместились списки погибших, на стеле барельеф солдата с автоматом. Произвели посадку деревьев, изготовили изгородь. И теперь это место стало святым для морозовцев.

И здесь трудно переоценить заслугу инвалида Великой Отчественной войны Колчанова Анфала Игнатьевича. Это благодаря ему собраны списки погибших, а затем и вернувшихся домой, и умерших в послевоенные годы. Этим он совершил гражданский подвиг перед своим поколением. Конечно, все на щит не поднимешь, и сотни прекрасных, честных тружеников Морозовского Совета на своих плечах вынесли все тяжести военного и послевоенного лихолетья, достойны также, чтоб их имена были вписаны в галереях Славы, Книгах Памяти. Но это не случится никогда, многие лежат сейчас на нашем деревенском кладбище, у многих могил изгнили кресты, и сами могилы зарастают ельником-малинником. И лучшей памятью для них будет содержание нашего кладбища в элементарном порядке. Там все равны.

Да и в послевоенные годы, те, кто воевал и кто трудился в тылу, были объединены в стремлении общим трудом улучшить жизнь свою. Фронтовики, молодые мужики и парни, сняв погоны и медали, становились плотниками, трактористами, шоферами. Это впоследствии они возмужали, и к их одной, двум медалям, чем старше они становились, прибавлялись юбилейные, и тогда появились наградные колодки, ставшие обязательным атрибутом фронтовика.

Тыловики по окончании войны получили медаль "За победу над Германией", сколько сил, здоровья вложено в эту медаль, ей бы сверкать, сиять на рубашках, пиджаках, платьях, кофтах, но они из-за скромности своих обладателей пролежали в шкафах, шкатулках, комодах. Поэтому и дороги мне воспоминания о тех простых людях моей деревни, с которыми мне посчастливилось прожить свою жизнь.

И я благодарен мастерам пера и слова, кто в своих произведениях правдиво показал жизнь деревни, такие как Борис Можаяев, Анатолий Иванов. Жаль, что последнее время с книжных развалов, с обложек книг целятся в тебя из пистолетов, автоматов герои этих книг. И бьют метко в души подрастающего поколения. Авторы этих детективов есть талантливые писатели, но у них свои

герои, свои задачи. И они добиваются своей цели. Взять телевидение, ни одного дня без ужасов, крови. И мы привыкли, когда смотрим криминал, содрогаемся, а завтра уже забудем, что потрясло нас вчера, потому что получаем новую порцию криминала, по своей жестокости превосходящую вчерашнюю.

Поэтому душевной наградой для старшего поколения была экранизация "Вечного зова". Глядя на героев этого повествования, думаешь, были и в нашей деревне свои Панкраты Назаровы и Иваны Савельевы, и Кирьяны Инютины, и другие, только со своими именами и фамилиями: Морозовы, Вшивковы, Путины. Поэтому и возвращает память к тем годам, когда жил и работал среди этих людей.

И снова 1954-й. Идут полевые работы, закрыта влага, подборонены клевера. Идет подготовка почвы к посеву и следом, наступая на пятки культиваторам, идет посевной агрегат. Я включен в звено по подготовке почвы. Прошли первые весенние дожди, они несколько сдержали темпы посевной, но сейчас вновь заиграло весеннее солнце, и ветер быстро сушит поля, выравнивая их по влажности. Тут уж, брат-хлебороб, не зевай!

Но в бригаде пошла полоса невезения. У одного сломался диск муфты сцепления, у другого погорела прокладка головки блока и т.д. На моем 55-м, после свежей заливки шатунов, при ремонте требуется подтяжка. Шатунные подшипники тех тракторов не имели вкладышей, а заливались специальным сплавом, в простонародии называли "бабит". Во время работы двигателя этот сплав уплотнялся, вынашивался, и между диаметром шейки вала и нижней головкой шатуна образовывался большой зазор, двигатель начинал стучать. И если вовремя этот зазор не устранять, то заливку выбьет и набьет эллипс на коленвал. Еще хуже, если тракторист прошапит, то шатун может оборвать, и тогда он пробьет блок двигателя, так говорят - покажет братскую руку.

Чтоб этого не случилось, во время пересменки, или просто услышав подозрительный стук, открываются два люка, тракторист берет лом и, очистив его от грязи, поочередно качает шатуны вверх-вниз, определяя при этом необходимость подтяжки. Сначала эта операция производится под контролем бригадира, он мне и сказал, что моему трактору требуется подтяжка. Операция не очень-то приятная, нужно слить масло, отвернуть картер, расшплинтовать на каждом шатуне 4 болта, снять нижнюю крышку шатуна и регулировочными прокладками отрегулировать зазор. Если прокладок уберем лишка, то вал можем не провернуть, а провернем, то отсутствие смазочного зазора может навредить, подплавить заливку.

Так перебрал все подшипники, ставим все обратно. И если все-таки какой-то подшипник немного перетянул, и вал кое-как сшевеливаем с места, берем веревку, зовем всю бригаду. Веревка одевается петлей посередине за рукоятку, бригада делится на две партии, тракторист за рукоятку и "размолачивают" двигатель.

И страшной эта операция кажется первый раз, и занимает времени 4-5

часов, впоследствии отработаны все приемы, и не страшно снять картер и подтянуть подшипники прямо в поле. Потому что, намного страшней снимать и шлифовать вал и перезаливать шатуны. Начав работу с утра, я первый раз провозился долго, Моисеевич сходил к посевному агрегату, там дело идет, но завтра не будет готовой почвы, другие тракторы тоже еще не готовы.

Последние мои приготовления, вместе с Моисеевичем запускаем двигатель, он прослушивает его, объясняя мне как надо слушать, - "Не отдает ли в копчик". Но день уже к вечеру. Моисеевича беспокоит отсутствие готовой почвы на завтра, и я ему предлагаю, - "Давай я поеду в ночь культивировать". Хотя нас, молодых, в ночь работать еще не отправляли. И надо было видеть лицо Павла после моего предложения. Он стоял против меня и взглядом, как бы мерил меня с головы до ног, потом подошел ко мне, хлопнул по плечу: "Молодец! Я хотел тебе предложить, да как-то сомневался". "А что сомневаться, у меня и обед с собой, могу и домой не ходить".

Он ставит передо мной задачу: культивация за Конской загородью. "За ночь ты оторвешься от севарей, а завтра я выгоняю из ремонта остальные тракторы. К тетке я схожу и скажу, что ты на работе в ночь, и тебя попроведаю".

Итак, я впервые выезжаю на тракторе для работы в ночную смену. Хотя это была не первая ночь, которую мне провести на работе. Сколько их проведено с пастушьей вицей, но сегодня я тракторист, и от меня зависит, будет ли завтра продолжен сев. Передо мной поле, подсыхающее после прошедшего дождя, окаймленное сочной, свежей зеленью распускающихся берез, и мой маршрут культиватором поперек поля, от одной березовой опушки к другой.

Приятно видеть, как с каждым твоим проездом становится шире и шире полоса рыхлой выровненной земли. Вечереет, и солнышко начинает прятаться за дальними увалами, и тень с берез с юго-запада все дальше и дальше покрывает пашню. Воздух свежеет, и эту свежесть с удовольствием принимает мой железный конь-трактор. Мотор работает приемистей, чище. Постепенно зеленое ожерелье берез становится темной каймой.

В наступающих сумерках вижу знакомую мне припрыгивающую походку Моисеевича. Это он идет навестить меня, как и обещал. Осмотрел мою работу, подошел к агрегату, я остановил трактор. Осведомился, как дела, а дела были все на виду, и они, видимо, удовлетворили его, прослушал работу двигателя, направили совместно свет фар, тогда сам сел за руль, объехал круг и пожелал мне успеха: "К тетке я сходил, и сказал что ты на работе, так что не беспокойся!". И заковылял к деревне, растворившись в весенней ночной мгле.

Весенняя ночь прохладна, и как само понятие ночь - темное время суток, коротка. Фуфайка, слежавшаяся на железном сидении, теперь не лишняя и на плечах, и трактор теперь как бы догоняет бледно-молочное пятно света от фар, которое сам же и толкает от себя вперед. И подъезжая к опушке леса, световое пятно упирается в ельничный подрост и, невольно в душу вкрадывается чувство

тревоги, а вдруг там кто-то есть, волк, леший, разбойник! Добавляем газу на секторе, чтоб поскорей развернуться и снова в чисто тюле, как мне кажется, здесь уж я хозяин.

В один из таких подъездов к опушке, в молочном свете фар мне кажется, кто-то идет ко мне. Кто бы это мог быть? Бригадир был, ушел домой. Трактор ближе к опушке, человек выходит на свет, и я обомлел. На опушке леса, в свете фар перед трактором стояла мама! Моя милая, родная мама, в клетчатом платке, как она говорила в "жакетке", в резиновых сапогах, с кирзовой хозяйственной сумкой в руках. Первое мое чувство - испуг, я подумал, что случилось дома, заболела корова или еще что. Останавливаю трактор, бегу к маме.

- Что случилось, мама? Что тебя заставило ночью, за три километра, через поля и луга идти ко мне?

- Ничего, вечером приходил Павел и сказал, что ты поехал работать в ночь. Я управилась с вечерней стряпней и решила попроведать тебя да вот принесла тебе поесть.

Я заглушил трактор, и мы устроились на намете под березкой. Заглушив трактор, без света фар ночь оказалась не такой и темной. Мама достала из своей сумки бутылку молока, вареные яйца и добрую краюху каравая. Обтерев о штаны руки, которые были черны после "подтяжки", да и весь я, наверное, выглядел чертенком в пыли и масле, но для мамы я был самым красивым человеком. Она погладила меня по грязным рыжим волосам и вспоминала, как два старших моих брата, вот так же работали трактористами, и память возвращала ее в те далекие теперь для нее довоенные годы.

Сколько пришлось пережить ей, потерять двух сыновей на фронте, сберечь мужа, выдать замуж дочерей, поэтому и не послалось ей одной в эту ночь, а, собрав нехитрую деревенскую еду, пошла попроведать и накормить своего последнего сына. Поужинав вместе, мама поинтересовалась, как дела с трактором, не тяжело ли. Я успокоил ее, все в порядке. Собрав сумку, мама пошла домой и растворилась в сумраке ночи. Проводив ее взглядом, я направился к трактору, на востоке на горизонте начинала светлеть узкая полоска неба, в ближайшем скотке разливал свои рулады соловей, начинался для меня новый трудовой день, а вслед за ним и вся трудовая жизнь.

Через несколько часов на это поле приедут севаря, загрузят из мешков семенные ящики. И маленькие шестеренки будут выцарапывать из ящика семечко за семечком, направляя его по семепроводу к сошнику. Сошник, раздвинув землю, приготовит для зернышка постель, а затем укроет теплым земляным одеялом. Зернышко, отогревшись, зацепится за землю тонким белым корешком и, напившись живительным соком земли, будет пробивать земли одеяло ростком. И вот первые бледно-розовые с фиолетовым отливом ростки выстраиваются стройными рядами. И обрадовавшись встрече с красным солнышком, выкидывают первый зеленый лепесток. Радуюсь жизни, дождю и солнцу, лепестки

тянутся к ним, и теперь уже не видно рядков, и ветер качает единый бархатный ковер.

Придет время, из листьев выбросится метелка, и завяжется колос, в котором будут наливаться зерна.

Жизнь продолжается.

1943-1954 гг.

"В жизни раз бывает восемнадцать".

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Когда подошло время Сашку идти в школу, он совсем некстати заболел. Мама лечила его, своего первенца, настойками трав, припарками и своей материнской любовью. И когда Сашок оклемался, то его сверстники уже одолели букварь и дома решили отправить его в школу на будущий год. Да и Сашок, как первенец, уже помощник папе и маме, может управиться со скотиной и поводить с младшими братьями и сестрами, которых кроме него в доме еще четверо.

Двоюродные сестры старше Саши и учились во втором и третьем классе приходили к нему и играли "в школу", где сестренки были учителя, а Саша - школьник. А ученик-то оказался на удивление способный, вроде играючи освоил букварь, освоил четыре действия арифметики. И когда в избе-читальне его встретил учитель Петр Егорович читающего книгу "Новая деревня", пригласил в школу и, проверив знания, определил Сашу во второй класс. И когда Сашок учился в 4-ом классе, то его звали на собрания и сходки родной деревни Ежовки. А деревня была на переломе - шла коллективизация, и все бурные мысли деревенских мужиков и баб просили записать Сашка.

Где-то нули и перегибали палку, самых трудолюбивых крестьян разоряли. И когда И.Сталин выступил со статьей "Головокружение от успехов", крестьяне разбিরали свое имущество, сданное в колхоз. Пришел сосед к Николаю Полякову говорит:

- Иди, Никола, забери своего мерина, все своих лошадей развели по домам.

Вторая волна коллективизации была более продуманной и добровольной. И когда на полях появились первые "Фордзоны", крестьянин убедился - сила в коллективизации.

Окончив в 1936 году 7 классов, Александр совмещает учебу с работой, и обе стороны, дополняя друг друга, повышали образовательный уровень юноши.

В 1939 году семья Поляковых переезжает на Кубань, где Александр после окончания средней школы пробует свои силы на поприще просвещения. Юноше двадцатый, и пора выполнять свой мужской долг - служба в Красной Армии, и в 1940 году красноармеец Поляков несет службу на Западной границе.

22 июня 1941 г. под грохот первых разрывов застава в туманное утро вступает в бой с парашютным десантом, а к вечеру шел бой уже с наступающей пехотой. И в этом первом бою был ранен красноармеец Поляков. Эшелон с ранеными шел под бомбежками фашистской авиации. Местом назначения намечался Ростов-на-Дону, но пока эшелон добрался до него, то его уже бомбили, и эшелон двигался дальше вглубь страны и оказался на берегу Черного моря в городе Сочи.

Война разгоралась шире и шире, и те первые солдаты, встретившие врага на рубежах нашей Родины, кто остался в живых, залечивали раны и снова становились в строй. Из них, понюхавших порошу, готовили командиров, чтоб вести в бой новые подразделения.

Так оказался курсантом военного училища вчерашний раненый-больной Александр Поляков. Но окончить училище не довелось, война требовала новых сил, и курсантскую бригаду бросают на освобождение Ростова, и снова военные дороги, которые привели к местам своего детства, где когда-то Сашок записывал выступления крестьян, вступающих в колхоз.

Теперь на тех колхозных полях разворачивается грандиозное сражение, которое войдет в историю как Курская дуга. И снова ранение, контузия, после чего на 8 суток теряет зрение, а затем снова череда госпиталей и после очередной медкомиссии красноармеец Поляков демобилизован из армии.

Через эвакуационное бюро узнал, что его отец находится на Урале, и Александр едет к нему.

Время военное, и умные головы и трудовые руки нужны как на фронте, так и в тылу. Встав на учет в райкоме ВЛКСМ, имеющий среднее образование, получает задание разобраться с учетом в Торсуновском колхозе "Нива".

Председатель колхоза "Нива" - Тютиков Филипп Феофанович утерял доверие колхозников, и, встретив молодого грамотного парня, вчерашнего фронтовика, еще не оклемавшегося после ранений, он вызвал симпатии у колхозников. И они единодушно выбрали его своим председателем. И потекла мирная жизнь кубанского паренька в уральской глубинке среди бородатых пожилых мужиков, среди старух, солдатских вдов, молодых ребят и девчонок, живущих под единым призывом "Все для фронта, все для победы!". Народ был честный, трудолюбивый, совместно переживающий все трудности военного и послевоенного лихолетья.

Однажды по окончании сельскохозяйственного года председатель решил провести ревизию зерна на складе. Перевешав имеющееся зерно, собрав все накладные по расходу, председатель пришел в ужас - не хватает 47 центнеров овса, еще больший ужас охватил кладовщика Шилова Константина Ивановича.

Во время, когда за пригоршню зерна можно оказаться там, куда Макар телят не гонял, не говоря уже о 47 центнерах.

От неожиданности он до того растерялся, пав на колени и крестя лоб, говорил председателю:

- Николаевич! Я не знаю где зерно, но я не брал!

И Николаевич не сомневался в честности этого мужика, решил никуда не заявлять, а искать недостающее зерно. Запряг лошадку и отправился на Верещагинский пункт "Заготовки зерна" провести сверку документов по сдаче хлебопоставок. И там ему говорят, вам еще не все квитанции возвращены на 47 центнеров овса. С какой радостью ехал председатель домой, где его в страхе и надежде ждет кладовщик.

И когда Николаевич сообщил ему о найденной пропаже, мужик в слезах не знал, как выразить свою благодарность. Хлеб отправляли конным обозом, где старшим был глухонемой Чазов Николай, да подростки, и направлялась девушка-

колхозница, которая всегда и следила за взвешиванием и документацией. Один раз обоз уехал с хлебом без этой девушка, и ни "немко", ни ребята не сообразили взять сдаточные квитанции.

Когда кладовщик получил радостную весть для себя от председателя, вернулась к нему и память.

На второе утро Николаевич, да и все колхозники, находившиеся в конюховке, смотрят в окно, Константин тащит на горбу тяжелое дверное полотно, все в недоумении, куда это он с таким грузом. А он протискивается со своей ношей в конюховку, ставит двери к стене, снимает свой облезлый трех и, вытерев со лба пот, говорит:

- Николаевич! Я все вспомнил, вот в моей "бухгалтерии" записано: такова-то числа, такова-то месяца в хлебопоставки отправлено 47 центнеров овса.

Оказывается, дверное полотно амбарушки служило кладовщику амбарной книгой. И теперь вся бригада стояла перед этими дверями, исписанными мелом Константиновскими каракулями, которые не каждый мог понять, и радовались за Константина, и вместе со всеми стоял и председатель, разделяя с ними горе и радость.

Имея педагогическое образование, и немного поработав до войны учителем, председателя потянуло к детям, шел в школу узнать о жизни и нуждах школы, где учителями работали Кушинова Августа Андреевна и Шарова Елена Васильевна. Школьники военных лет, у многих отцы и братья находятся на фронте, от многих пришли уже похоронки, а это значит, что уже никогда отцовская рука не погладит эти русые головки. И в глазах Александра вставляли его фронтовые друзья, которых он терял с первых часов войны, и сам неоднократно кое-как выбирался из смертельного захвата, но, коль остался жив, он считал своим долгом помочь, приласкать этих детей, отцы которых лежат под фанерными звездочками, а многие вообще безвестными лежат на великих просторах Европы.

Работала в колхозе молодая вдова Шарова Мария Степановна. Получив страшное извещение о гибели мужа, осунулась, прослезилась, но, плачь не плачь, а на руках трое детей мал-мала-меньше, которых надо кормить, одевать, учить.

Слезами горю не поможешь, и шла она в колхоз и с такими же, как она, бабами, ехала в поле пахать и боронить на лошадях, шла в луга с литовкой и граблями, шла на ферму доить и кормить коров, шла в правление колхоза, где была членом правления.

И шли за ней, как цыплята за наседкой-паруньей, Галя, Веня и Зоя.

Видя эту красивую, духовно сильную женщину с ее детьми, Александра тянуло к ним, Маше сказать ласковое, подбадривающее слово, похлопать по спине шуструю, резвую Галю, по-мужски пожать пухлую ручонку толстяка Вени и взять на руки и подкинуть вверх в радостном смехе Зою. С каждым днем эта тяга усиливалась, и Александр понял, что он просто жить не может без них, это его судьба. И под общее одобрение своих колхозников Александр со своей квартиры

перешел в дом Марии Степановны, став ей мужем, а ее детям отцом.

Весна 45-го года. Зашумели весенние ручьи, разлилась речка Малая озерная, разделившая деревню на две равные половины.

Весеннее солнышко и ветерок сушат пашню за деревней, и колхозники спешат захватить влагу, на лошадях отправляются боронить.

Уехали на длинные полосы боронить и две Марии, Степановна да Яковлевна, проверить, как у них идут дела, с обеда отправился председатель.

Поднимаясь по пашне к Изголовью, любовался бездонной синевой неба, сочностью зелени начинающих распускаться берез и где-то там, в синеве, неутомимый певец полей - жаворонок лил на землю свою вечную жизнеутверждающую песню. Перекрывая трель жаворонка. Поляков услышал крик со стороны деревни, оглянулся и видит, вслед за ним по полю верхом на лошади скачет всадник и что-то кричит.

Остановился, видя, что всадник скачет к нему. Всадником оказался председатель Совета Никифоров Трофим Васильевич, и, не доезжая до председателя метров двадцать, он стал кружить вокруг него, крича во все горло:

- Александр Николаич! Победа! Победа! Победа!

Так встретил это долгожданные слова бывший фронтовик, а теперь председатель колхоза, стоя посреди торсуновских полей. Кое-как уговорил остановиться кружившего вокруг него председателя Совета, поймал взмыленную лошадь за уздцы.

- Откуда ты взял, неужели, правда?

- Меня послали из района сказать людям.

Александр уткнулся головой в ногу председателя Совета, вставленную в стремя, и председатель Совета замолк, видя, как вздрагивают плечи Александра.

Отпустив председателя Совета, Александр сам заспешил через поле, словно боялся, что кто-нибудь его обгонит и первым принесет эту радостную весть бабам, боронившим в весеннем мареве пашню. Баб он застал у межи, дал лошадям отдохнуть, лошади напали на редкую еще среди прошлогодней травы зеленку, воспользовавшись передышкой, сразу к матерям подбежали поласкаться да пососать вкусного материнского молока жеребят.

Обе Марии сидели на меже, вытянув натруженные от ходьбы за бороной ноги. Чтоб не напугать женщин, как его самого ошеломил председатель Совета, Александр свернул к березняку, нарвал в сырой луговине подснежников и вышел к женщинам. И разделив цветы на два букета, протянул их сидящим женщинам:

- С праздником вас, милые женщины! С Победой!

И так покати́лась эта весть от одного к другому, из дома в дом, и вечером вся деревня была в конюховке. В деревне не было ни радио, ни телефона, ни газеты, что бы могло подтвердить радостное известие председателя совета, но все ждали и верили, что придет этот день. Все вроде были и рады, но еще громче заревели матери о сыновьях, дети об отцах, вдовы о мужьях, на которых за эти

четыре года пришли в деревню похоронки.

И побыв все вместе, расходились по домам управляться по хозяйству, конюхи на конный двор, доярки на ферму. Жизнь в деревне текла своим чередом.

Шло время, стали возвращаться фронтовики, первым пришел в Торсуново Шилов Алексей Власович, за ним и другие мужики снимали с себя солдатские регалии и впрягались в общую колхозную жизнь..

Председателя колхоза "Нива", как комсомольца, пригласили в райком. осведомились о делах, а они выглядели для того времени не так уж и плохо, а вот в соседнем "Пролетарии" у Пономарева Михаила Николаевича дела идут неважно. "Поэтому райком направляет вас, как комсомольца, председателем колхоза "Пролетарий". Жаль было расставаться с людьми, которые приняли его, доверились ему в тяжелые годы.

Деревенку, в которой он встретил свою судьбу.

Но раз надо, значит надо. Да и Маша родом из Морозове, где живут ее родители - Степан Спиридонович с мамой.

Сестра Наталья замужняя, живет своим хозяйством.

И поехала семья Поляковых: Александр на новое место работы, Мария к отцу и матери, а дети к бабушке и дедушке. И все были радушно приняты в крестьянской трудовой семье.

Чтоб развивать сельское хозяйство, нужны грамотные специалисты, Александр хоть и имеет среднее образование, но в сельском хозяйстве он практик, и его направляют на курсы подготовки председателей колхоза. Где он знакомится и с научным подходом к работе и с такими же, как он председателями, которые делились с ним своим житейским опытом, да и практической помощью. Когда Александр из "Нивы" перешел в "Пролетарий", то у "пролетариев" не было ни куска хлеба и ни пуда овса для лошадей, а на носу посевная, так друзья по учебе, один дал ржи для размола на муку для колхозников, другой овса лошадям с условием расчета при новом урожае.

И на новом месте председатель создавал дружный рабочий коллектив, на который он мог положиться.

Отгремела война, оплаканы жертвы этой войны, и жизнь в деревне медленно, тяжело, но шла к развитию. 1946 год был засушливым, но засыпали семена, рассчитались с государством.

В 47-м отменили карточную систему, но еще тяжело бремя налогов и займов. И это тяжелое бремя вывозили на своих согбенных спинах люди, также влюбленные в свою деревню, крестьянский труд, в годы войны кто-то сражался на фронте, кто в трудармии, кто работал в колхозе, а теперь это костяк колхоза: Вшивков Григорий Афанасьевич, Путин Захар Иванович, Путин Афанасий Алексеевич, Вшивков Дмитрий Ефимович, Морозов Степан Спиридонович, Пьянков Григорий Иванович, Пьянкова Анна Ивановна, Вшивкова Арина Андреевна, Путин Николай Васильевич, Морозов Алексей Сидорович и многие

другие. И спустя многие годы Александр Николаевич готов склонить свою седую голову перед памятью тех, с кем свела его трудовая судьба.

В 1950 году началось первое объединение колхозов, и колхозы "Нива" и "Пролетарий" объединились, и Александру Николаевичу захотелось осуществить свою мечту, еще хоть раз переступить школьный порог в качестве учителя и продолжить свое образование. И распрощавшись с колхозниками, передал дела Арамилеву Филимону Титовичу. Сдав экстерном экзамен в Очерском педагогическом училище, стал учить уму-разуму подрастающее послевоенное поколение. Да и в своей семье послевоенное поколение росло, как грибы, к трем довоенным добавилось пять послевоенных, но все это была одна дружная семья, с которой супругам Поляковым пришлось прожить не только в радости, но и в печали.

Маленькие детки - маленькие бедки. Умирает взрослая дочь Зоя. Затем Людмила. Конфликт на советско-китайской границе и инвалидом с этой границы возвращается сын Александр. Каким тяжелым ударом все это било по родителям. Но через все невзгоды, поддерживая друг друга, они не замкнулись. Александр Николаевич еще не раз будет возглавлять и Морозовское отделение, и Семеновский сельский Совет,

В 1980 году выйдя на пенсию, дома на печи не залеживается, работая в совете ветеранов. Идет в школу рассказать детям правду о той войне, которую он знает не по книгам и кино, а за участие в которой награжден двумя орденами Великой Отечественной войны и многими медалями. Награждена медалями и Мария Степановна.

Жизнь не стоит на месте и сегодня Александру Николаевичу Полякову - 80, поэтому желаем Вам, Александр Николаевич, здоровья и долгих лет жизни!

ЧЕРЕЗ РЕКИ, ГОРЫ И ДОЛИНЫ

Ленька сидел на пятах у амбара и разминал в руках заскормившие после сушки холщевые портянки. Мать его, Евдокия, женщина 50 лет от роду стройная, легкая на ходу с темно-русыми волосами, собранными в пучок, у которой Ленька седьмой ребенок, а всего недавно родила 10-го, шла через ограду с ведрами к клевету.

- Что-то ты, Леня, сегодня долго копаешься, вон Андрей с фишкой уж прошли, так что поторапливайся, я обед тебе собрала. Корова напоена и подоена, забирай их и ступай.

Ленька еще усердней стал разминать портянку и наматывать на ступню. Вставив ногу в лапоть, расправил сборки и обмотал портянку потуже, чтоб не распустилась и не сползла книзу. Прodelав такую же операцию со второй ногой, Ленька попрыгал в лаптях, чтоб растоптались после сушки.

Во время подпрыгивания Ленька почувствовал мягкость в правом лапте под большим пальцем и вспомнил, что вчера вечером он почувствовал сырость в лапте и хотел об этом сказать тятю.

Тятя, крепкий, черноволосый, с проседью головой и такой же бородой. Волос, правда, год от года на его голове становится все меньше и меньше, уступая место на черепе для блестящей лысины. Иван - крестьянский сын, не открывавший школьных дверей, но самостоятельно научившийся выводить свою фамилию Путин. За его плечами служба в армии, гражданская война, коллективизация, и теперь тятя работает конюхом в колхозе "Пролетарий". В который он со своего двора свел лошадь с упряжью и семенами, да телку-полуторницу.

Теперь вместе с Евдокией работают в колхозе сами, и все старшие дети. А их немало. Старшие дочери выданы замуж и вместе с мужьями работают там же. Недавно проводили в армию старшего сына. Но и с подрастающими забот хватает, поэтому, как только очередной ребенок подрастает, приучается к труду и имеет свои обязанности. Вот Володя помогает отцу на конном дворе, Леня не первое лето после школы пасет коров, уже свой заработанный кусок хлеба.

Увидев тятю, идущего с утренней работы на конном дворе, Леня подбежал к нему, прижался к нему приласкаться.

- Тятя, у меня лапоть износился.

Согнул ногу в колене, показывая подошву лаптя тятю.

Иван гладил сына по его русой головке, смотрел на начинающий распушиваться лапоть.

- Что же ты вчера-то молчал?

- Да забыл, с ребятами проиграл.

- Ну, теперь до вечера ходи, вечером посмотрю. Сегодня куда погоните? В Спор? Надери там около Земляного моста лыка. Да придется новые плести, на вас все как горит.

На том и разошлись.

Коров пасли колхозных и частных вместе. Андрей Огашин выгонял с

фермы, а Мишка Васюхин с Ленькой Ивановым собирали коров с разных концов деревни и гнали в Спор. Спор - лесной массив по правую сторону Дворецкого тракта. Поскотина огорожена, у каждого владельца скота был участок, который он должен загородить и следить за исправностью своей изгороди. Коров загоняли, загораживали заборы, и они расходились по полюбившимся им местам. От забор по лесу разбегаются коровьи тропки, и за многие годы от коровьих копыт они похожи на стиральные доски.

В глубине леса есть большая поляна, где пастухи построили балаган, он и был пристанищем не одного поколения. В дождь и в ночную пастьбу на поляне перед балаганом пылал костер, на котором готовился нехитрый пастуший обед, пеклись печенки, варился чай из лечебных трав. Пастушонки время зря не проводили, собирали ягоды на лесных полянах, грибы, заготавливали бересту, а сегодня Леньке надо найти молодого липняка и надрать свежего лыка. И спустя многие годы, все эти Мишки, Леньки, Шурки, Кольки, став взрослыми и идя дальними и трудными дорогами, вспоминали Спор - балаган - детство как самую счастливую пору своей жизни.

Вечерами все ребята после пастьбы, прополки, поливки, после сбора грибов и ягод собирались к Макарихе на поляну. Вот уж где выплескивалась светлая детская радость. Незатейливые детские игры! Сколько в них резвости, смеху. На эти игрища собирались все "верховны". Офонины, Ивановы, Митяхины, Гришины ребята. Кто-то играл в прятки, в олманки, в шар-бабу, в лапти, кружака, силачи и смельчаки штурмовали гладкий шест. В Пасху вся эта ватага качалась на качелях. Сказочная пора - детство.

Иван Илларионович сам не имел возможности учиться, но видел и знал толк в учении, поэтому, как бы тяжело ни было, всех детей, кому подходит пора, отправлял в школу. И некоторые буквари и арифметики просто передавались от старших младшим.

А лесенка эта была такая:

Екатерина, Анна, Яков, Мария, Нина, Владимир, Леонид, Поликарп, Надежда, Галина.

И так как Володя и Ленья были погодки, то Ленья с Володиным букварем шел в школу, где их учили уму-разуму Вшивков Василий Осипович и Широглазова Наталья Ивановна. Знания в детскую голову, уже знакомую с крестьянским трудом, впитывалось легко и надолго. И спустя долгие годы они подсказывают запинающемуся внуку:

"Однажды в студеную зимнюю пору..."

"Вороне Бог послал кусочек сыру..."

Первые друзья, это школьные друзья, память о которых хранится всю жизнь. Запомнит их и Ленья. Это Миша Тютиков, Яша Вшивков, Миша Вшивков, Федя Путин.

Но вот позади и Морозовская школа, и Ленины учебники нужны

младшему брату Поле.

На Леню смотрят уже как на работника - помощник отцу.

И два друга, два подпаса, два школьника, теперь вместе работают на лошадях в колхозе. Возят сено и солому на фермы, с ферм на поля навоз. Где не под силу одному, там сподручно вдвоем. Весна - пара лошадей, пара борон, и в поле боронить.

Раз бригадир Вшивков Антон Тимофеевич послал Леню с Наташкой Офониной боронить "Мосины кулижки". У обоих по паре кобыл с жеребятами. Ребята на лошадях боронят, жеребята табунком резвятся, шиплют свежую травку. Время к обеду. Конюх Иван велел жеребят с обеда оставить на дворе, рано им еще целый день быть в поле.

С обеда поехали без жеребят. Случилось так: Наташа на одном конце полюшки, Леня на другом и слышит страшный крик Наташки, и видит ее пару лошадей галопом скачущих по полю. Сзади подпрыгивают бороны, Наташка бежит рядом с лошадьми и сколько есть силы кричит: "Волки! Волки!" Поравнявшись с Ленией, кони, хрипя, остановились, тогда ребята вскарабкались на них и, не отстегнув борон, поскакали на конный двор, перепугав бригадира и конюха. Волки видимо жеребят-то присмотрели еще до обеда и собирались ими полакомиться, но жеребята остались дома, то они и вышли в поле.

Вот так в труде и праздниках, в радости и печали росло новое поколение колхозников.

Прошла посевная, и поля радуют глаз, колышась на ветру зеленым бархатом. Ждали косарей своим разноцветьем луга, и колхозники готовились к сенокосу, начиная его с силосования.

Последний выходной после посевной и началом сенокоса, который пройдет в уборочную страду и до конца молотбы. И в этот размеренный ритм крестьянского календаря неожиданно врывается грозное слово - война!

Анна шла мимо сельсовета от своей подруги Катерины, на крыльце стояли и о чем-то резко разговаривали председатель сельсовета Деменев Николай Михайлович, председатель колхоза Колчанов Роман Федулович и участковый милиционер. Увидев идущую мимо Анну, председатель подбежал к ней.

- Анна, ты домой идешь, зайди к Анютке Гришиной, пусть немедленно бежит в совет.

Анюта - секретарь сельского совета и Анне Ивановне не стоит большого труда крикнуть ее, так как домой она пойдет мимо. Видя встревоженного председателя совета и остальных мужиков, волнение передалось и Анне, она спросила: "Что случилось?". Председатель минуту помялся, говорить не говорить, но Анна своим взглядом как бы вытягивала из него ответ, и он, понурился, ей ответил:

"Война!".

От этого короткого слова Анна сама не могла понять, что с ней произошло,

потом она поняла, что вместо того, чтоб скорей бежать и звать секретаря, у нее отнялись ноги. Она смотрела на уходившего от нее председателя, в глубоком выдохе протянула: "Война-а-а!".

И с этим словом, громко голоса и заламывая руки за голову, как будто снаряды уже сейчас рвутся над ее головой, побежала вдоль деревни, разнося страшную весть для каждого деревенского жителя. Придя домой, Анна никого не застала дома, муж Арсентий, наверно, ушел к друзьям, дочь, десятилетняя Лида, больше проводит время у дедушки с бабушкой, где играет с теткой сверстницей Надей, да еще есть у них трехлетняя Галья, которая им вместо куклы.

Анна направилась к тятю. Иван с Володей и Леной собирали в кучу литовки, чтоб подготовить к сенокосу. С огорода прибежали Поля, Лида и Надя с Галей на руках, сзади шла с пучком свежего лука Евдокия, они пололи в огороде. Анна подошла, прижала свою дочь к себе и сказала:

"Тятя! Война!".

Иван глядя на дочь со внучкой, тихо опустил руки с литовкой, которую он собирался потуже расклинить, и выпустил ее из рук. Ему, старому солдату, прошедшему германскую и гражданскую, теперь с десятиголовой оравой, в которой мал-мало-меньше, это известие было, как раскат грома. Евдокия, перехватив младшую из рук Нади, стояла как бы наступать на старшую дочь

- Ты что говоришь! Ты откуда взяла!

- Из сельсовета.

Так эта страшная весть пришла в дом Ивана Илларионовича.

На второй день мужики и бабы, побыстрей отстрипавшись дома, спешили в конюховку. Каждый хотел удостовериться, не деревенская ли это злая шутка. Но всех разочаровал бригадир Антон Вшивков, к нему вчера вечером приезжал председатель совета, и сказал страшную новость и велел, чтобы в бригаде был порядок на конном дворе и ферме. Бабы заголосили, но бригадир их осадил, слезами делу не поможешь.

Мужики завернули самокрутки и дымили, уставившись в пол, словно боялись поднять взгляд, чувствуя за собой вину. Да, и Пакт не помог!

И ждали этих мужиков и баб некошенные луга, колосющиеся хлеба, в которые и идут они работать со злой хваткой. Без привычных для крестьян веселой шутки и задушевной русской песни.

Пошли первые повестки из военкомата, и их нужно было срочно вручить военнообязанному в любую деревню сельсовета. Председатель совета собрал 15-16-летних мальчишек, объяснил обстановку, назначил из них вестовых, в распоряжение которых был выделен жеребец Пилот. И это было для мальчишек боевым заданием, получив повестку в сельсовете, доставить ее в руки призываемому, в какой деревне бы он ни находился. Был таким и Лёня Путин.

А пламя войны разгоралось все сильнее и сильнее; и несли, и везли эти повестки мужикам, заставляя их неожиданно то на лугу, при метке сена, то на

ржаном поле на сиденье лобогрейки. И втыкали мужики вилы в землю, выпрягали лошадей из жатки и уходили в это пламя войны, и многие, многие ушли туда навсегда. И все понимали, что эта война надолго. Враг силен. И задача тех мужиков, которым Ленья возил повестки, была остановить огненный вал, пусть даже ценой собственной жизни. Чтоб повернуть врага вспять, потребуются новые силы, и на смену тех, кто принял новый удар, в войну пойдут, вот эти мальчишки, развозившие сейчас повестки.

Поэтому при сельсовете организован военный всеобуч. И теперь все недавние подпаски, игравшие в шар-бабу, построены в шеренгу и им председатель совета объясняет, что они должны учиться военному делу, и будет учить их старый красноармеец Морозов Симон Ефимович. Здесь они должны изучить винтовку, уметь вырыть окоп, оказывать первую помощь и многое другое, что должен знать и уметь красноармеец. Но чтоб дать винтовку, ее нужно где-то взять, а требовались не только винтовки, требовались пулеметы, танки, самолеты, машинисты, шахтеры. Проводился большой набор деревенских ребят и девчат в школы ФЗО (фабрично-заводское обучение).

После чего они становились к станкам, мартеновским печам и спускались в шахты. Прошли военную подготовку по 110-часовой программе и два друга, Ленья Путин и Миша Тютиков, и в зиму сорок первого были направлены на учебу в Очер на курсы трактористов. Где обучал их, уже раненный в первых боях, Бурдин Федор Фомич.

Изучали трактор СХТЗ. Первый советский колесный трактор. В это же время учились военному делу, здесь уже изучали миномет.

А война все новыми и новыми известиями напоминала о себе. С первых дней войны не было известий от Якова, старшего брата Лени, а служил он у западных границ. Проехал на фронт мимо Верещагино Александр, сын Афанасия. Афанасий с Прасковьей ездили на станцию повидать его да не успели. Взяты в школы ФЗО брат Володя с Колей Путиным. Окончены курсы трактористов, и друзья Ленья и Миша уже не берут пастушью вицу и не запрягают лошадей на бороньбу, а выводят стальных коней.

Осваивают работу на тракторе не только мальчишки, но и девчата. И Ленья работал на пару с Путиной Александрой Андреевной, тогда просто с Шурой. Миша работал в паре с Морозовой Любовью Захаровной, тогда просто Любой.

Наступило лето 42-го, и нужно было выгонять на пастбище скот, и запрягать лошадей возить сено и навоз, и шло на эту работу уже другое поколение. И шли по той же пастушьей дорожке младший брат Лехи - Поля, Поликарп, Надя, племянница Лида. Ушли на фронт мужья старших сестер, у Анны - Арсентий Иванович. Призван в армию и старший брат Владимир.

В труде и заботах пробежало лето, отколосились хлеба, собран урожай, вспахана зябь, и ломая в колеях лед, гнали трактористы свои тракторы в МТС, чтоб отремонтировать их к новой посевной. А с фронта шли тревожные сводки:

"Наши войска после тяжелых боев оставили..."

Были и первые обнадеживающие вести, первая: немец получил по зубам под Москвой, теперь рвется к Волге, но те мужики, которым Леня возил повестки в лето 41-го, пусть на последних метрах к Волге, но не пускают гада к великой русской реке. И пятят, и пятят фашиста. Сперва освобождая дом, затем квартал, улицу, лежащего в руинах Сталинграда.

И чтобы пятить врага и дальше, нужны новые силы, и пошли вчерашние пастушата, новоиспеченные трактористы, два друга детства служить в Красную Армию. Миша призван 12 января. Леня 22 января 1943 года. Проводы были строгими, все понимали, куда идут ребята. Больших сборов не было, отправляли по-семейному: что могли собрать в котомочку и с материнским благословением переступали порог родного дома. И везли их сперва на лошадаках, затем поездом, в "Красные казармы".

Но ведь это еще не солдаты, их еще надо учить. Для этого и существуют Бершетские лагеря, где и оказываются два друга. Хотя и в разных командах. Бершетские лагеря военных лет многим мальчишкам, побывавшим в них, запомнятся на всю жизнь. Строгая военная муштра, хотя и военной формы на всех не хватало, житье в землянках, заготовка дров и переноска их на себе за 5 километров, скудное питание. Некоторые родители, узнав, где их сыновья, собирали свою деревенскую снедь и везли им продукты, да и повидать их. Понимали, что здесь, в Бершети они временно, и ждут их дальше дороги войны. А новобранцы изучали пулемет "Максим", противотанковое ружье и верили в суворовский девиз: "Тяжело в учении - легко в бою".

Есть в военной терминологии слово "покупатель". Это представитель воинской части, ведущей набор солдат в свою часть. От встречи с "покупателем" зависит дальнейшая судьба солдата. И ехал "покупатель" с действующей армии в такие лагеря для пополнения.

Приехал очередной "покупатель" в Бершеть. Набирает бывших трактористов, машинистов, кто имеет хоть какое-нибудь знакомство с техникой. Набрана команда, в числе которой оказались Леонид Путин, Федор Путин из Макарят, Николай Буторин из Дворца, Миша Тютиков попал в другую команду.

Прощай, Бершеть! Вагоны-теплушки "Горький - Москва". Все ново, все интересно. Своими глазами увидеть, что в Москве под землей целый город, где по лестницам не идут, а они сами спускаются под землю и поднимают наверх, а под землей бегут стремительные поезда. Все бы это стоял и разглядывал, но взводный командует: "Не растягиваться, быстрее, вперед".

Местом назначения был Карачаровский завод. Начались занятия по автоделу и работа на заводе, сколачивали ящики для снарядов. Питались в заводской столовой, сюда уж никто с деревенскими постряпушками не приезжал.

Прошел год, как Леонид находится в армии, и теперь он уже шофер, и с новой командой в январе 1944 года отправляется на фронт. И снова теплушки, и

восемь суток поезд вез новое пополнение для фронта через разбитые города и села на юг. Конечной остановкой оказалась станция "Красный Партизан" Запорожской области.

Снова покупатели, отбор, и оказался рядовой Путин в 51-м гвардейском минометном полку, п/п 11906, стажер-водитель. Новые знакомые, солдаты, понюхавшие пороху, изведавшие хлор и вонь госпиталей, у некоторых на груди посверкивают медали. И командиры, и старшие солдаты приняли новое пополнение как младших братьев, делясь жизненным и боевым опытом.

Но пополнение прибыло сюда не в гости - каждый занимал свое место в строю и знал свои обязанности. Получив пополнение, 51 -й гвардейский покатил дальше по дорогам войны, а вместе с ним шел и Леонид Путин. Назначенный стажером на ЗИС-6 с реактивной установкой М-13, по черноземным степям Украины, которые были непроходимы и непроезжи при весенней распутице, и вся обслуга, только толкая плечом, двигала всю технику вперед к Днепру.

"Ой, Днепро, Днепро, ты могуч широк,

Над тобой плывут облака..." (из песни).

"Чуден Днепр при тихой погоде" (Гоголь).

"Як умру, то споховайте на Україні милой.

На берегу Дніпровської кручі виройте могилу" (Шевченко).

"Переправа, переправа, берег левый, берег правый.

Кому смерть, а кому слава" (Твардовский).

Все великие реки текут поперек огненного вала войны, как бы пытаясь собой затушить этот огненный вал. Но на берегах этих рек и происходят великие сражения. Фашисты, потерпев военное поражение на левом берегу Днепра, оторвались от советских войск, переправились через Днепр, взрывая за собой мосты и переправы. Задача наших войск, не дать фашистам закрепиться на левом берегу.

Прибыв на берег Днепра каждый занялся своим делом. Саперы наводят понтонную переправу. Без этих тружеников войны не обойтись ни одной военной операции. Основным оружием их были топор, пила, лом, кувалда, ну и, естественно, трехлинейка, впоследствии ППШ. Артиллерия занимала боевые позиции, чтоб отработать плацдарм для наступления пехоты на левом берегу. Занял боевые позиции и дивизион реактивных минометов, с которыми и прибыл на берег Днепра рядовой Леонид Путин. Первые боевые стрельбы по врагу, с частой сменой позиций. Эти гвардейские минометы в народе называли ласково "Катюша". И пели о ней:

Разлетались головы и туши,

Дрожь колотит немца за рекой,

Это наша русская "Катюша"

Немчуре поет за упокой.

Под канонаду артиллерийской дуэли пошла на переправу пехота, царица

полей, ее задача зацепиться за правый берег и расширять плацдарм, а артиллерия переносит огонь в глубину фашистской обороны. Пошли вперед танки и ствольная артиллерия. Третьи сутки не смолкает бой на правом берегу, постепенно расширяясь и удаляясь от берега.

Снимается со своих позиций и 51-й гвардейский. Задача: под покровом ночи, по понтонному мосту переправиться на правый берег. Соблюдая светомаскировку, колонна во главе боевого охранения спускается по пологому берегу к Днепру. Где каждую машину встречает солдат-сапер и как бы ведет ее за собой.

Понтоны покачиваются на черных волнах и прогибаются под грузом, и ЗИС-6 с установкой М-13, кажется, сейчас качнется и соскользнет с металлического понтона, но вот первая машина покидает понтон, водитель вытирает со лба холодный пот, ему освобождает путь сопровождающий. Газу! Вперед! Сзади идет следующий, так же затаив дыхание и моля Бога: "Пронеси, Господи". Спустившись с понтона, по бревенчатой лежневке нужно подняться на берег Днепровской кручи.

Крутой берег весь был в глубоких колеях и воронках, и первые же машины забуксовали, а сзади подпирали следующие, сходящие с понтона. Пошло в ход проверенное средство - солдатское плечо. Колонна рассыпалась по склону. Берег штурмовали, кто где считал удобней. Кто-то где-то выскочил из крутоярья. Вслед за ним пытаются другие. Все спешат, до рассвета берег должен быть пуст, чтоб не накрыла фашистская авиация.

Вытаскивая очередную машину, Леонид обратил внимание на какие-то серые бугорки разбросанные по всему побережью. Присмотревшись, Леонид остолбенел, в предрассветных сумерках он разглядел, что серые бугорки разбросанные тут и там, это мертвецы. Вот лежит красноармеец на животе, вытянув вперед руки, повернув на бок голову, словно припал к земле ухом и слушает, слушает зов родной земли. А там лежит рослый парень во френче и коротких сапогах. О Боже, да ведь это немец, это враг, и он пришел сюда с Эльбы или Шпрее, чтоб вот так уткнуться головой в прибрежный песок Днепра. Здесь лежали солдаты двух армий и совсем молодые ребята, и пожилые мужики, валялись солдатские вещевые мешки и немецкие ранцы.

И теперь через них, и по ним, шли другие солдаты, чтоб скорее покинуть это скорбное место. Страшен Днепр в военное лихолетье!

И пройдут десятки лет, но навсегда запомнит Леонид этот Днепровский берег, усеянный вперемешку советскими и фашистскими солдатами.

А за Днестром снова наша земля ждала своего освобождения. И покатила через реки, горы и долины, по путям-дорогам фронтовым, солдатско-шоферская судьба уральского паренька. В составе 3-го Украинского фронта, 51-й гвардейский. Освобождал южные города Украины: Николаев, Одессу, вступили в Молдавию, освободив город Тирасполь. Выйдя на границу с Румынией,

Советское правительство договаривалось с руководствами государств, оккупированных фашистами.

Дивизии румын, мадьяр, болгар, чехов воевали против Советского Союза. Теперь этим государствам предлагалось перемирие, а Красная Армия входит в них не как захватчица, а как освободительница. Армия перед вступлением в эти страны находилась в обороне, переформировывалась, пополнялась, перевооружалась.

Получил новое вооружение и 51-й гвардейский, получил новый "Студебеккер" с установкой М-13 и Леонид Путин. 20 августа 1944 г. началась Ясско-Кишиневская наступательная операция. И покатилась освободительная волна по Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. Враг был силен, и не хотел покидать эти государства, оказывая ожесточенное сопротивление. Особенно кровопролитные бои шли в Венгрии. Советские войска окружили в Будапеште 200-тысячную группировку фашистов, немцы пытались высвободить их, нанося мощные контрудары. Длившиеся больше месяца ожесточенные бои, закончились победой Красной армии, 13 февраля 1945г. Будапешт был освобожден.

В марте, разгромив врага у озера Балатон, 51-й гвардейский двинулся на Вену, и 13 апреля она была освобождена. Освобождая великие города Европы, воины Красной Армии старались сохранить их как великие памятники культуры.

Но вот и настал долгожданный день Победы! И встретил его гвардии рядовой, водитель легендарной "Катюши", уральский паренек Леонид Путин в 15 километрах от Вены. И Вена кружилась и пела, и всех опьяняла весна! Германия капитулировала, и части Красной Армии походным маршем двинулись через живой коридор, утопая в цветах от благодарных жителей освобожденных городов и сел.

Прощайте, друзья!

Войдя в Молдавию, местом дислокации определен г. Тирасполь, который сами освобождали в 1944 г. Кто-то демобилизовался, тех с почестями провожали домой, а кому-то предстояло служить дальше, стоять на охране завоеванного. И служили вчерашние фронтовики 1925 года рождения, в том числе и Леонид Иванович, до апреля месяца 1948 года, побывав в отпуске дома в 47-м.

Много горя принесла война в дом Ивана Илларионовича. С первых дней, после тяжелого ранения оказался в плену Яков, переноса все ужасы концлагерей. Погиб Владимир, на фронте был связистом. Погиб зять Арсентий, муж Анны, прошел через концлагеря зять Иван, муж Екатерины.

Поэтому была особенно радостной встреча сына Леонида, прошедшего через горнило войны. Слава Богу, жив-здоров, не зря родился седьмым. Семь - магическое число. "На седьмом небе". "Семь верст киселя хлебать" и т.д.

Сняв с себя солдатскую шинель, уложив в шкатулку свои боевые награды, по которым можно определить его боевой путь, нужно выбирать дальше свой жизненный путь.

Ведь вчерашнему солдату всего 23 года. И молодые сильные руки нужны всюду, но самым благородным трудом был, есть и будет труд хлебороба. И садится бывший тракторист снова на трактор, и чернеет за ним свежая борозда, по которой вслед за трактором важно разгуливает грач, и постепенно оттаивает сердце солдата от этой чарующей картины.

Дома сдал здоровьем тятя, поседела от переживаний мама, ушел в армию Поликарп, расцвела, заневестилась сестра Надя, стала уже школьницей младшая Галя.

Деревня постепенно оттаивала от тяжелого гнета войны. И хотя здесь не разорвалось ни одной бомбы, война в редкий дом не заглянула своим кровавым лицом. Здесь все работали, кому где довелось: в колхозе, на лесозаготовках, на производстве, в учреждениях, но везде лозунг был один "Все для фронта, все для Победы".

Схлынула волна радостных встреч и горьких слез. И хотя жизнь в деревне не стала легкой, меньше стало рабочих рук, те же налоги и займы, тот же бесценный трудодень, но жила вера в лучшую жизнь.

И когда молодежь соберется в кино, и пока киномеханик направляет свою аппаратуру, перед началом сеанса запевала песню. И пели эти песни всем залом. Пели полюбившиеся песни военных и послевоенных лет: "Катюша", "На позицию девушка...", "Лучше нету того цветку", "Вечер на рейде".

Заводилой и запевалой этих песен была вновь приехавшая учительница Оля, Ольга, Ольга Федоровна - выпускница Очерского педучилища, получившая диплом об окончании этого заведения 22 июня 1941 г. Получила она его уже без песен, и вот теперь душа просила высказаться, вылиться о том, что накопилось за эти годы. И заведет:

На селе обо мне разговору,
Дескать, девка пошла прямо в гору.
Я не буду прятаться, приходите свататься -
Я невеста неплоха, выбираю жениха!

И услышал эту песню вчерашний солдат, за плечами которого были долгие и долгие дороги войны, и прикипело сердце к этой певунье. Чем он плох жених для неплохой невесты, предложил ей руку и сердце. И в марте 1949 года жених и невеста стали мужем и женой, и живут они шестой десяток лет в мире и согласии, вырастив троих сыновей и дочь. Ставшие их радостью и гордостью.

Когда колхоз в 1952 году купил новую автомашину ГАЗ-51 с прицепом, то кому доверить так тяжело доставшуюся колхозу эту машину, было единогласно решено: доверить шоферу-фронтовику Путину Леониду Ивановичу.

И побежали под колеса автомобилей, управляемых Леонидом Ивановичем, сотни тысяч километров сельских проселков и дальних автострад. Начиная с ГАЗ-51 "17-55", он вез зерно от комбайнов и в хлебопоставки, силос от комбайнов и солому из Омской области. Всегда показывая пример трудолюбия и

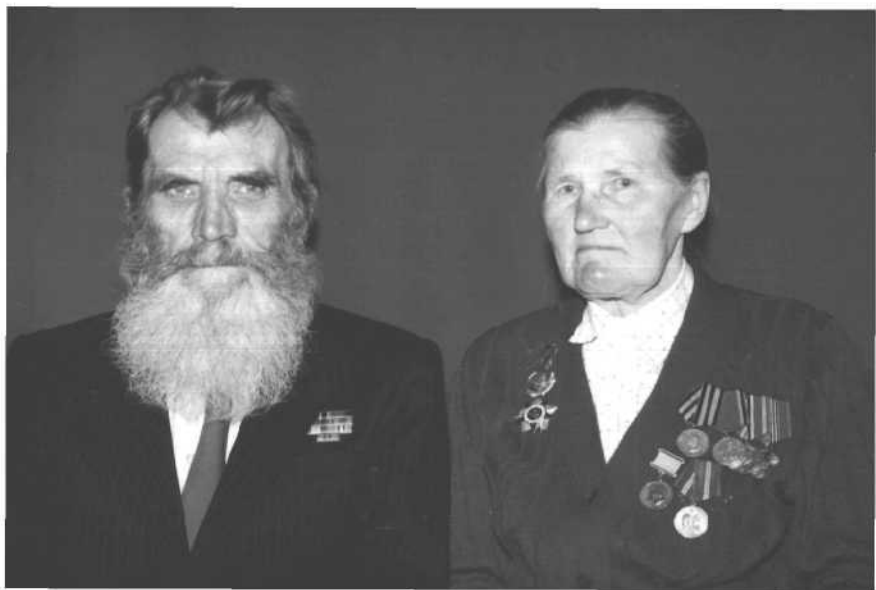
воспитывая не одно поколение нелегкой, но необходимой профессии - водитель. И весь свой жизненный путь Леонид Иванович посвятил труду, труду для общего блага. Никогда не требуя и не пользуясь благами как участник Великой Отечественной. Отстроил своими руками обветшалое родительское гнездо, помог построить новый дом зятю с дочерью.

Всегда был рад успехам и горько переживал при неудачах в своем колхозе, затем совхозе. И когда новые власти стали разваливать колхоз-совхоз, растаскивая его по паям, не привел с тракторной стоянки себе ни трактор, ни автомобиль, не привел с фермы ни коровы, ни телки. Он видел, сколько сил вложено в это хозяйство его родителями, приведшими в этот колхоз свою лошадь и корову, видел, как его поколение своим трудом пополняло богатство хозяйства, а он и защищал его с оружием в руках.

И выйдя на заслуженный отдых, купил себе трактор Т-25. И вот 12 лет, зимой и летом, эти два неразлучные друга, редкий день чтоб не спешили друг к другу. И вся округа при надобности идет к ветерану, и никто не встретит отказа: кому надо вспахать, боронить огород, выкосить сенокосный участок, привезти дров, съездить на мельницу.

И деревня не мыслит, как она будет жить без его помощи. А годы идут. И в год 55-летия Великой Победы, ветеран Великой Отечественной отмечает свое 75-летие! И все морозовцы желают Вам, уважаемый Леонид Иванович: дай Вам Бог здоровья и счастья на долгие годы!

2000 г.

ПО ПУТЯМ, ДОРОГАМ ФРОНТОВЫМ

Время быстротечно, если смотреть вперед - то кажется далеко, но время не остановишь, и то, что вчера казалось далеким, сегодня уже позади. Так же когда-то думала Наталья Петровна о своей жизни, но вот уже прошел год. как отмечали Натальино семидесятипятилетие, и 50 лет, как поженились и прожили с Иваном. И по этому поводу собрались дети, внуки и правнуки в их домик, стоящий над деревней Морозово у самой железнодорожной ветки Верещагине - Очер, по которой изредка, как в песне, "мимо пробегают поезда".

Отметить такой праздник приглашали в клуб, но Иван сказал, что ни в какой клуб он не пойдет, а отметят свой праздник по-семейному. А раз Иван сказал, значит так и будет. И вот вся родня собралась в своем родительском гнездышке. И все, кто смогли приехать, каждый спешил обласкать и поздравить родителей, а кто не смог приехать, поздравили телеграммами и открытками.

Наталья Петровна с внучками.

Дед с бабкой удивлялись и любовались красотой и величиной своих внуков, а их одиннадцать, и правнуков восемь. Дед тугой на ухо да слабеет глазом, разглядывая веселую шумную компанию, пытался разобраться, кто чей сын, дочь, внук. Ему на повышенных тонах, чуть не крича на ухо: "Это Вовина, это Светина, это Сережина". Иван кивал головой и приговаривал: "Дай Бог, дай Бог". Все были рады встрече, и родители, и дети, да и братья, и сестры раскиданные по городам и весям, засыпали друг друга вопросами о житье-бытье, а внуки и правнуки, некоторые только еще знакомились, так как это была их первая встреча. На славу праздник удался!

Были тосты и поздравления и детские розыгрыши. И глядя на все это, Иван от удовольствия разглаживал свою седую, окладистую бороду, Наталья все порывалась встать и собственноручно угостить всех детей, внуков, правнуков, а родные усаживали ее на свое место.

На второй день все заспешили снова на автобусы и поезда, чтобы каждому торить свою дорогу в этом мире. Последние поцелуи, и шумная ватага

высыпала на улицу. Проводить детей до автобуса собрались и Иван с Натальей, по общей просьбе и настоянию дети уговорили их остаться дома, так как Иван плохо видит и в октябрьских сумерках его придется вести под руки по узкой пешеходной дорожке. Распростились у калитки, и длинная вереница растянулась по тропке и растаяла в утренних сумерках. И глядя на удаляющийся людской поток, Иван с Натальей молча стояли у калитки, и каждый вспоминал, сколько же воды утекло за эти 75 лет Натальиной и 74-х Ивановой и пятидесятилетней их совместной жизни!

Любая река начинается с маленького ручейка, веселого, игривого на перекатах, есть у реки и глубокие, темные омуты, так и жизнь начинается с веселого детства, а дальше переживем и горе и радости.

И уводила память Наталью Петровну в родную деревню Старые Кутуши Черемшанского района Татарии. Папа, мастеровой мужик, работал на отходе, плотничал, зимами пимокатил. Кому надо скатать валенки, чесанки, идут к Петру Сафоновичу, уж будь спокоен, будут как игрушечки. Мама, Матрена Александровна, работала по найму у зажиточных крестьян, да воспитывала ребятешек, а их было четверо, где Наташа была младшая дочь. Старшие, как становились на ноги, покидали родительский дом и искали свое место в жизни, чтоб иметь кусок хлеба и крышу над головой. И когда Наташа окончила 3 класса в своей деревне, остались они с мамой вдвоем, папа умер, два брата и сестра жили в разных городах своими семьями.

В деревне прошла коллективизация, мама вступила в колхоз, привела с собой девочку Наташу. И для детских рук находилась работа в колхозе: пололи посевы, пасли коров, овец. Помнит Наташа, пололи просо, не могли отличить просо от осота, рвали все подряд. С годами менялась и работа, вот уж и с лошастью боронить поле, на ферму доить коров, везде нужны крепкие руки, а Наташа росла крепкая, красивая девушка.

В один летний воскресный день, Наташа с подругой выпросили у бригадира лошадь съездить в Черемшаны на базар за 25 километров. Девочкам по 16 лет, хочется купить по обновке, да и мир посмотреть. Путь не близкий, собрались пораньше, чтоб по утренней прохладе не так утомилась лошадь. Днем погуляют по базару, а по вечерней прохладе поедут домой, ведь стоят самые длинные дни лета. Приехали на базар, а там какое-то столпотворение, все люди окружили какого-то мужика, который стоя на крыше, что-то громко говорил. Подойти близко к говорящему было невозможно, так как он окружен плотно стоящими людьми.

Подруги стали спрашивать, что тут происходит? Может, там что-нибудь хорошее продают, а может там интересный концерт? Но вот мужик перестал говорить, и толпа зашевелилась, послышался женский плач, и от проходящих мимо людей Наташа услышала слово: "Война!".

Так Кошечкина Наталья Петровна узнала о начале Великой Отечественной

войны.

Кто-то уходил на фронт, а Наташе эта война легла тяжелым бременем крестьянского труда на еще неокрепшие девичьи плечи. И подставляла она свои плечи под тяжелые мешки с зерном от комбайна и в хлебопоставки, шла на ферму и вручную доила группу коров. Шла на любую работу, куда пошлет председатель.

Неожиданно для себя Наташа получает повестку из военкомата, явиться на комиссию. Девушка она статная, физически сильная от крестьянского труда, и из троих одна подходит для службы в Красной армии. И в январе 1943 года, под горькие слезы матери, на лошадке, отправилась в райвоенкомат, оттуда на станцию Нурлот.

Вагон-теплушка, и 18 суток до Москвы. Москва - Химки, учебное подразделение. Выдали военное обмундирование, и здесь Наташа рассталась с лаптями, которые ей мама положила в мешок с домашними постряпушками. Мама очень переживала, отправляя дочь из дома, куда повезут девку, которая дальше района не бывала, в чем она будет ходить, когда придет весна, но так как другой обуви не было, то сунула в уголок мешка новые лапти.

Старшина, увидев у девушки лапти, взял их и унес в каптерку. Сам он деревенский парень, и эта обувь была ему знакома, а молодые офицеры, приходя в каптерку, подолгу рассматривали крестьянскую обувь. А Наташа, надев кирзовые сапоги, гимнастерку, юбку, шинель да шапку со звездочкой, глянув в зеркало, сама себя не узнавала. Ну а раз она солдат, то должна изучать военное дело. А изучать пришлось пулемет и винтовку, пистолет и гранату, воинские уставы и строевую подготовку. И все это успешно усваивала деревенская девушка. Вот и окончены 3-месячные курсы, и 1-го мая 1943 года, рядовая Кошечкина, в составе сводного женского батальона, марширует по Красной площади Москвы, где на трибуне мавзолея принимали парад главнокомандующий И. Сталин и маршал Ворошилов. И потекла армейская служба: охрана военных объектов, штабов.

Однажды рядовая Кошечкина охраняла штаб воинской части. Приказ: без пропуска никого не впускать. Из штаба вышел офицер, куда-то сходил и направляется снова в штаб. Часовой, вернее часовая, преграждает ему путь винтовкой со штыком, требует предъявить пропуск. У офицера его не оказывается, он объясняет, что он только что вышел, и она его видела. Страж неприступен: "Предъяви пропуск!". Дело доходит до оскорблений часового: "Поставили тут какую-то ворону!". А "ворона" передергивает затвор винтовки, тогда офицер видит, девка не шутит, отступил. Часовая позвонила в караульное, и штабисту пришлось объясняться с начальником караула, а рядовая Кошечкина получила первую благодарность за несение караульной службы.

Огненный вал войны катился на запад, а вместе с ним шла Наташа Кошечкина в частях ПВО службы ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь). Все тяжести фронтовой жизни пришлось перенести рядовой Кошечкиной. Была под обстрелом вражеской артиллерии и авиации, видела разбитые города и

села. Под Великими Луками перед боем вступила в комсомол и снова вперед с винтовкой в руках. В составе 1-го Белорусского фронта освобождала Смоленск, Минск, прошла мимо сожженной деревни Хатынь, далее Литва, освобождение Вильнюса.

9 мая 1945 года встретила в Польше, под Варшавой. Известие об окончании войны встретили всеобщим ликованием, неумолкаемой стрельбой в воздух из всех видов оружия. Вместе с советскими солдатами ликовали и поляки. Люди не могли поверить, что кончился этот ужас войны. Постепенно все переходит на мирную жизнь, и в сентябре 1945 года рядовая Кошечкина Наталья Петровна демобилизуется из армии и едет домой, в Старые Кутуши, где ее ждет старая милая мама.

Сняв с себя армейскую форму, уложила в комод свои боевые награды, а за деревней стоит не сжатое поле хлеба, взяла в руки серп и жала полюшко-

поле, за которое она воевала, чтоб не рвались на нем снаряды и мины, и не горело оно с сухим треском от этих разрывов. И хоть по вечерам ныли спина и руки, сердце отдыхало от тишины деревенского вечера.

Хозяйство Матрены Александровны без мужских рук обветшало, сыновья живут своими семьями в дальних городах, одна дочь живет где-то на юге, Наташа вот пришла с войны, надо бы одеть девку да думать о ее замужестве. Работают обе в колхозе, а на колхозный трудодень много не настроишься и в шелках не находишься. Справить фуфайку - проблема.

А тут приехал старший сын из Молотова, где он работает на военном

заводе, и стал звать маму с сестрой с собой в город. Долго судили рядили, брат уехал, уезжая, велел продавать обветшавшую избушку да корову и ехать к нему. Хоть и жаль было расставаться с родной деревней, больше матери приклониться не к кому, продали все хозяйство и приехали в город Молотов.

В городе доить коров и вязать снопы не надо, а чем заняться молодой, сильной девушке, и ей предлагают пойти служить в военизированную охрану, так как опыта караульной службы ей не занимать, три фронтовых года не выпускала изрук оружие. И становится Наташа стрелком ВОХРа на Мотовилихинском заводе, затем переводится в город Краснокамск, на печатную фабрику "ГОЗНАК".

Предприятие секретное, охраняют его части НКВД и стрелки ВОХРа. Живут по соседству ребята срочной службы и девушки-стрелки, вольнонаемные. Однажды в комендатуре Наташа встретила сержанта срочной службы, который был разводящим. Увидев его, сердце ее екнуло, сама не знает почему, оно сказала ей: "Это твоя судьба!" Тоже самое, видимо, почувствовал и он, все чаще стал приходить к ней в общежитие. И однажды она сказала:

- Дай, Ваня, я тебе гимнастерку выстираю!

Гости быстро как бы растворились в утренних октябрьских сумерках, не слышит Иван уже разговоров и смеха детей, внуков и правнуков, а он все стоял с Натальей у калитки, и вспоминал свой путь вот к этому их золотому юбилею - их

золотой свадьбе.

И увела его память в родную деревеньку Макарята, с ее горой вдоль улицы, с которой на масляной неделе каталась молодежь со всей округи. И помнит эту гору не одно поколение. Вспомнил свою двухклассную школу и свою первую учительницу Надежду Петровну, и Петра Васильевича Коновалова. Своих школьных друзей: Гришу Путина, Федю Путина, Фаню Колчанова.

Окончив два класса, все макарятские ребята шли учиться в Морозово, где их учил Козлов Михаил Иванович. Однажды в перемену кто-то крикнул: "Ребята, побежали смотреть, как с церкви сейчас будут сбрасывать кресты и колокола". Церковь уже была закрыта, использовалась под склад, а теперь, говорят, будет клуб, поэтому убирают кресты и колокола. Все ребята высыпали из школы

и бегом к церкви, так как она совсем рядом.

Вокруг стояло много народа, старики крестились, старушки плакали, у ограды стояли две подводы лошадей, везти колокола в Очер. Ребята, разинув рты, стояли и смотрели на колокольную, на которой мужики, выломав перила, спускали колокола. За ребятами пришел учитель и увел их в школу.

В летние каникулы все ребята помогали на сельхозработах колхозникам колхоза "Маяк". Председатель колхоза, отец четверых детей, Саши, Вани, Бори и Зои - Колчанов Ипат Иванович. Мужик хозяйственный и уважаемый в деревне, жена его Евдокия Дементьевна, на ней лежали все заботы по воспитанию детей, домашнее хозяйство и работа в колхозе, где косила и жала, носила и возила.

Земли вокруг Макарят тяжелые, глинистые, и когда началась коллективизация, мужики без особых уговоров объединились, чтоб совместно обрабатывать землю. Мужики все были хозяйственные, многодетные. Помогая друг другу, отстроили свои добротные хозяйства. Жили по принципу: "Если дело - не жалей тела, нет дела - наживай тело". Дружно отсевавшись, в Троицу не грех собраться и в хоровод. Когда появились первые тракторы на их полях, то на этих праздниках тракторист поработавший в "Маяке", был первым гостем макарятцев.

Мужики были дружелюбные, все как родные братья, возьми любого: Колчанов Игнатий Иванович - колхозный бригадир, Путин Андрей Фотеевич, Путин Сильверст Афанасьевич, Путин Ермил Пименович. Все своих детей приучили к труду на земле, дети гребли сено, возили копны на лошадях, возили снопы, участвовали в молотье, и естественно сбор даров природы, начиная с пистиков, ягод, грибов.

Прошла очередная посевная, прошли престольные праздники, во время которых мужики ватагой ходили по деревне в гости друг к другу и угощались медовой брагой. Погуляли, отдохнули, пришла пора сенокосная, тут уж опять, "есть дело - не жалей тела".

В одно из воскресений предсенокосной поры к председателю колхоза Ипату Ивановичу под вечер приехал верхом на лошади председатель сельсовета Деменев Николай Михайлович и привез страшную весть - война! Макарятцы народ не разболтанный, а после такого известия стали еще строже сами к себе, понимали - только в упорном труде и жестоком бою можно одолеть врага. Нарочный из сельсовета стал привозить повестки из военкомата, и пошли макарятские мужики и парни далекими и кровав шл дорогами войны.

Получил такую повестку в январе 1942 года и председатель колхоза Ипат Колчанов, проводила Евдокия Дементьевна и старшего сына Александра, оставшись с тремя детьми, старшему из которых шестнадцать, и ему сейчас быть за старшего дома и в колхозе. Как сыну председателя, а теперь сыну фронтовика, плохо работать Ване просто нельзя. И мальчик с усердием трудился в поле на бороньбе и вспашке, на уборке хлеба и хлебопоставках.

А с фронта уже шли в Макарята похоронки. Плачут о погибшем Ермиле

Пименовиче. Не обошло горе и Евдокию Дементьевну, получила она страшную бумагу - "Ваш сын, защищая советскую Родину, пал смертью храбрых". Собрала Евдокия свою троицу, как наседка цыплят под крыло, и горько плакала о своем первенце Саше - Шуре - Александре. Как могли утешить дети свою мать - только послушанием, а Ваня говорил: "Я пойду в военкомат проситься на фронт". Спустя некоторое время получили письмо от друга Александра - Николая Путина. Они вместе учились в школе, а теперь вместе оказались на фронте. И теперь он выражал соболезнование родителям Саши и описал, при каких обстоятельствах погиб, и где Николай похоронил друга, пообещав, что после войны он придет к ним и все расскажет.

Евдокия Дементьевна, при встрече с Прасковьей Тимофеевной Путиной из Морозово, все расспрашивала, что пишет ей сын Николай. Прасковья сама потеряла сына Александра в первые дни войны, с тревогой ждала весточки от второго. Но не пришел второй к своей маме, и не рассказал Евдокии, как похоронил ее сына. Погиб Николай Путин 12 января 1945 года в городе Сташув, в Польше.

Весна 43-го. Иван пашет лошадю в поле у Гляденово. Место сырое, тракторы утопают, поэтому пахут лошаадьми. Из Морозово идет почтальон Никита Филиппович, завидев Ивана, сворачивает в поле. Иван, увидев почтальона, остановил лошадь, которая сразу напала на свежую травку.

- Бог помощь!

- Спасибо, Никита Филиппович, не повестку ли мне несешь?

- Сядем, Иван, поговорить надо.

Сели на край борозды позади плуга.

- Ваня, ты мужик, меня поймешь, боюсь я к Дементьевне идти, а ты крепись.

И отдает Ивану небольшую бумажку, где Евдокия Дементьевна извещалась, что ее муж, Колчанов Ипат Иванович, пал смертью храбрых 18 января 1943 года. Как оказалось, в один день со своим сыном Александром. И шла эта похоронка с фронта до Макарят 3 месяца.

Почтальон-старик, как бы освободившись от тяжелого груза, встал, похлопал Ивана по плечу, который сидел уткнувшись в зловещую бумажку, пошел к деревне через поле. Получив тяжесть груза от почтальона, Иван не знал, как передать его матери, чтоб не сбить ее с ног навалившимся на них горем. Придет домой с работы, посмотрит на мать, она такая усталая пришла с фермы, пожалеет ее Ваня. На другой день мама вроде веселей, неохота портить ей настроение, да так неделю не мог найти подходящего момента. Да его, наверное, никогда и не будет, чтоб кто-то безучастно встретил известие о гибели мужа, сына, отца, брата. Положил Иван похоронку на стол, перед тем как семье садиться за ужин, предупредив младших, чтоб не хныкали, а успокоили маму. Так Евдокия сама прочитала страшное извещение в окружении своих детей, которые облепили ее, и каждый пытался успокоить.

Потеряв на фронте мужа и сына, Евдокия решила сама защищать младших, и когда пришла повестка из военкомата Ивану, мать отправилась к военкому.

- Хватит с меня мужа и сына! Ванюшку не отпущу, он моя опора!

Военком, чтоб не обидеть несчастную женщину, усадил ее на стул, вместе поохали, повздыхали о погибших, а затем он и говорит:

- А знаешь, мать, ведь если мы с тобой не будем отправлять служить младших, то ведь те погибшие проклянут нас. Ведь то, за что они погибли, нужно охранять. Твой парень на эту войну может уже и не попадет, а вот беречь, за что погибли его отец и брат, он должен.

И собрала Евдокия котомочку, и 13 ноября 1944 года отправила Ивана на службу в армию, с наказом служить, где бы ни пришлось, верой и правдой, с доблестью и героизмом. Чтoб был достойным отца и брата.

Иван рвался на фронт, отомстить за отца и брата, но армия есть армия - не куда хочу, а куда пошлют. И оказался Иван в войсках НКВД, охрана и оборона военных объектов, железнодорожных мостов, военнопленных, секретных "почтовых ящиков". В жару под "грибком", в мороз - в тулупе и валенках, с винтовкой на плече. Как в армии окрещена эта служба, "через день, на ремень".

И привела военная служба Ивана Колчанова на Краснокамскую фабрику "ГОЗНАК". Здесь и повстречал Иван веселую, красивую девушку Наташу из военизированной охраны, которая однажды предложила ему постирать его гимнастерку. И прошло с той поры пятьдесят лет, как она стирает ему рубахи, а он ей подшивает валенки. Она варит суп, а он рубит дрова. А тогда привез Иван свою Наташу в Макарята, к своей маме, а сам поехал дослуживать.

Судят макарятцы:

- Ванюшка-то Ипатов, говорят, молодуюшку из армии к Евдокии привез, а сам опять служить уехал.

- Говорят, она на войне была.

- Наверно, бой-баба.

- А ведь и свои девки заглядывались на Ванюшку!

- Да как не заглядываться, все ребята у Ипата с Евдокией видные, статные. Вон недавно Бориса в армию отправила, а Зоюшка еще мала, так молодуюшка Евдокии будет помощница.

Приняла Евдокия свою первую сношеньку душевно, и прожила с ней до девяносто девяти годов, благодаря Бога, что он послал ей такую сноху.

Пришлась Наташа "ко двору" не только в семье, но и всей деревне. Трудолюбивая, общительная, а крепкие молодые руки нужны были везде. Колхоз "Маяк" под руководством Залазаева Ивана Кирилловича развивался, строился. Строили водонапорную башню, фермы, хватало работы и Ивану.

Кому-то пришло в голову делить деревни на перспективные и неперспективные. В списке неперспективных оказалась деревня Макарята. Деревня, с трехсотлетней историей, стала постепенно рушиться, и одними из

последних покинули свою деревню Иван с Натальей со своими детьми, которых к той поре было у них пятеро. Нарушили ферму, на которой Наталья была передовой дояркой.

Вслед за многими макарятцами переехали на жительство в деревню Морозове, где Иван пошел работать на железную дорогу путеремонтным рабочим, затем бригадиром, Наталья до выхода на пенсию работала почтальоном.

Выйдя на заслуженный отдых, не замкнулась в своем хозяйстве, а как женщина инициативная, общительная много лет является членом совета ветеранов.

Это ее руками выращиваются цветы у обелиска в честь погибших морозовцев.

... Вот уже и пробежали вдоль деревни огоньки автобуса, на котором уехали все гости Ивана и Натальи, а все еще стоят у своей калитки в воспоминаниях о своей прожитой жизни.

Затем Наталья, как бы спохватившись, зовет Ивана: "Пойдем, дед, домой чай пить!".

2000 г.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Подписано в печать 21.05.2001
Формат 42х60
Усл. печ. листов 17,5
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Тираж 200 экз.

617120, г. Верещагино, ул. Энергетиков, 3. т. (254) 2-22-91
ООО "Печатник", 2001 г.